

ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А. С. ЕНУКИДЗЕ

31

Е. Д. Поливанов

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ДЛЯ ВОСТОКОВЕДНЫХ ВУЗОВ

ЛЕНИНГРАД 1928

Издание Ленинградского Восточного Института имени А. С. Енукидзе

ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А. С. ЕНУКИДЗЕ

31

Е. Д. Поливанов

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ДЛЯ ВОСТОКОВЕДНЫХ ВУЗОВ

ЛЕНИНГРАД 1928

Издание Ленинградского Восточного Института имени А. С. Енукидзе

Ленинградский Областник № 8632. — 14¹/₄ печ. л. — Тираж 1000.

Государственная Академическая Типография.

В. О., 9 линия 12.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Условия, в которых находится автор, составляющий обще-лингвистический курс *для восточников*, существенно отличаются от положения авторов обычных «Введений в языкознание», которые почти исключительно имеют дело с индо-европейскими языками, рассчитывая на читателя, изучающего, в качестве специальности, или русский, или один из трех главных европейских языков. Составителю же обще-лингвистического труда, основанного на материалах восточных языков, приходится в данной области быть пионером: ибо, кроме пережившей свою эпоху книги Gabelentz'a «*Sprachwissenschaft*», я, по крайней мере, не знаю какого-либо другого подобного обще-лингвистического труда. Затем — в пособиях данного рода должно найти место и все то, что предлагается в общих курсах «западникам», так как вряд-ли мыслимо лингвистическое образование без элементарного ознакомления с индо-европейской сравнительной грамматикой, без дифференциального описания трех западно-европейских систем (немецкой, французской, английской), и без обучения методам лингвистического анализа на родном, — т. е. в данном случае русском — языке. Материал восточных (главным образом неиндоевропейских) языков, в доминирующем большинстве случаев, еще не проработан монографически и, следовательно, вводить его в обще-лингвистический курс — это значит превращать, в то же время, данный курс в совокупность исследовательского характера экскурсов по различным языкам. К тому же, данная книга выходит в момент наиболее резко выраженного перелома направлений в работе русских лингвистов, в период искания

новых путей нашей наукой под знаком «социологического языкознания», а потому я, хотя и не имея надобности останавливаться на критическом разборе еще не выкристаллизовавшихся учений и тем более на теориях, чуждых диалектическому развитию истории лингвистики (уже потому просто, что они лишены в ней отправного пункта социальной значимости), должен все же изложить методологию социологической лингвистики, как дисциплины ближайшего будущего — в советской и международной науке. Задача эта, несмотря на свою кажущуюся утопичность, для представителя русской науки оказывается более выполнимой, нежели для лингвиста Запада — ибо именно у русских лингвистов предшествующего периода — у бодуэновской школы прежде всего — проработка теоретических и методологических вопросов лингвистики ушла настолько вперед, что на Западе только за последнее десятилетие намечаются и ставятся на разрешение вопросы, уже давно получившие здесь почти исчерпывающий ответ. Таким образом, включение темы «социологическая лингвистика», оказывается возможным, — а следовательно, и обязательным для настоящего курса «Лекций», поскольку он имеет ввиду удовлетворить запросы современности, выявляющиеся в нашей науке именно в форме интереса к социологическим факторам языковых явлений.

Вышеуказанным уже предопределен смешанный, неоднородный характер книги: наряду с элементарным пособием по общему языкознанию в нее должен будет войти ряд сведений по отдельным описательным и компаративно-историческим проблемам разных языковых групп Ближнего и Дальнего Востока — и, наконец, ряд положений из теории эволюции языка и прочих главнейших проблем «социологической лингвистики» (напр. учет причинных связей между языком и фактами экономического быта, методология описания языка в социально-групповом разрезе, социологическая диалектология и т. д.). Нельзя, разумеется, оставлять в стороне и вопросов «прикладной лингвистики».

Соответственно этому, рукопись моих «Лекций» распадается на следующие части:

Лингвистическая пропедевтика (вводные понятия).

Общая фонетика (с иллюстративным материалом преимущественно из восточных языков).

Иллюстративный материал по фонетике в виде описаний звукового состава русского и трех западно-европейских языков.

Иллюстративный материал по фонетике из восточных языков — в виде характеристики звуковых систем отдельных языков и диалектов: японского, китайского, турецких (азербайджанского, узбекского, казакского, татарского), калмыцкого, чеченского, абхазского, грузинского, армянского и т. д.

Элементарные понятия общей морфологии.

Теория эволюции языка.

Методы сравнительно-исторического языкознания.

Иллюстративный материал из сравнительной грамматики индо-европейских языков и сравнительно-исторических грамматик некоторых групп не-индо-европейских языков.

Понятие морфологической классификации языков.

Социологическая лингвистика.

Прикладная лингвистика.

Языкознание и поэтика (фонетическая теория мерной речи).

Генеалогическая (т. е. реальная) классификация языков.

Удастся или нет довести до конца опубликование всех этих частей курса — будет зависеть от причин, находящихся вне усмотрения автора; во всяком случае весь материал потребует еще несколько томов «Лекций». Настоящий же, первый том, занят только двумя из вышеуказанных тем: 1) Лингвистической пропедевтикой, 2) Общей фонетикой. Относительно первого тома приходится констатировать (а относительно второго предвидеть) факт несколько иной группировки материала, нежели в вышеизложенном плане (перечне частей): например, самое основное из «Элементов общей морфологии» излагается до иллюстративного материала по фонетике (а отчасти и в «Лингвистической

пропедевтике»). Подобные перегруппировки отдельных глав возможны и в будущем, что естественно объясняется желанием дать возможно больше элементарно-необходимых сведений в каждом из первых томов, чтобы вышедший в свет том мог, хотя бы в некоторой степени, служить как-бы законченным пособием до выхода остальных. Автор не сомневается в том, что книга будет содержать промахи и недостатки, обусловленные новизной предмета и подхода и что отдельные места явно открыты обстрелу критики. Но кое-где они допущены сознательно: например в изложении общей фонетики читатель встретит излишнюю схематизацию и «упрощенство». В частности, в изложении деления звуков типа «к г х» употреблены термины «неглубокозаднеязычный» и «глубокозаднеязычный» и не без умысла умалчивается про принципиальное противоположение «велярных» (напр. q = ق) «заднеязычным = не-глубокозаднеязычным» (напр. k = ك) ввиду пассивной роли языка (задней части языка) при первых (q) и активной при вторых (k). Ведь, если рассматривать настоящий курс «Лекций» как то, чем ему фактически и предназначается быть в первую очередь, то есть, как пособие для студентов востоковедных ВУЗ'ов, то вышеуказанное условное употребление терминов «неглубоко- и глубоко-заднеязычный» будет вполне достаточным практически — и, в то же время, гораздо более легким, чем строго-последовательное противоположение «велярных» и «заднеязычных». Ведь все дело в том, что употребляя последние термины без специальных комментариев, т. е. не упоминая о различии активных органов в произношении [q] и [k] — иначе говоря, повторяя прежнее деление на «палатальные» и «велярные», — это значит — не сказать ничего по существу об артикуляции названных согласных; и в таком случае нет особой надобности в термине «велярный»: *этот* его смысл вполне достаточно выражен словом «глубоко-заднеязычный». Вдаваться же в комментарии по вопросу об активном органе было бы возможно во время семинарских занятий общей фонетикой (в фонетическом практикуме), но

в письменном изложении курса — без иллюстраций акустическими эффектами (в данном случае — обоих видов произношения, т. е. k и q при одинаковой зоне смычки) — оказывается довольно трудным.

А главное — в практическом приложении фонетических сведений к усвоению звуков другого языка термины «глубокий» и «неглубокий заднеязычный» оказываются и удобными и вполне достаточными.

Такого же рода упрощения можно указать и в ряде других мест в изложении фонетики. Умышленно, например, в описании японской звуковой системы, я не останавливаюсь на особом типе слогов — с гласным, предшествующим долгому (глухому) согласному; последнее — в связи с тем, что весь общий (уже не японский, а обще-фонетический) вопрос о *слоговой границе* я счел позволительным вовсе изъять из курса.

Наконец может показаться упущением, что в начале курса нет рассуждения о пользе языкознания — о философском и утилитарном его значении (хотя строго говоря, вопрос об использовании какой-либо науки не входит в само содержание данной науки). Но в виду того, что подобные вопросы уяснить себе удастся гораздо легче тогда, когда приобретены уже некоторые знания по самой данной дисциплине, я позволил себе отступить от общего правила и говорить об общественном значении научного языкознания не в начале, а скорее в конце курса: о философском значении лингвистики (в кругу других дисциплин «человековедения») будет идти речь в связи с частным вопросом о принципе мутационных изменений в природе (а в частности и в эволюции языка) — в отделе «Теория эволюции языка». О прикладной (и вспомогательной для других наук) роли нашей науки придется говорить в связи с конкретным материалом многих других отделов.

Однако, необходимо оговорить способ пользования «Лекциями». Для прохождения «Введения в языкознание» и «Общей фонетики» отнюдь не следует читать весь текст «Лекций» и ни

для одной из востоковедных специальностей (т. е. ни для одного из разрядов востоковедного ВУЗ'а) не предназначается курс этот целиком.

Для изучающего какой-либо язык, усваивать рекомендуется места общего значения и то из иллюстративного материала, что относится к изучаемому языку. В обособленные экскурсии (а частью и в отдельные главы) выделены, кроме того, темы монографического характера.

Приношу благодарность Ленинградскому Институту Восточных Языков за честь, оказанную мне включением «Лекций» в число изданий Института, и Типографии Академии Наук за выполнение столь трудного издания.

Е. Поливанов.

V 1928.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вводные понятия (лингвистическая пропедевтика).

§ 1. *Различие между лингвистикой и практическим изучением языков.* Лингвистика,¹ как научная дисциплина, исследующая явления человеческого языка в их причинной связи, отличается от простого «практического изучения языков» именно тем, что к каждому языковому факту лингвистика подходит с вопросом о причинах данного явления (другое дело, в силах ли современное состояние науки дать ответ на те или другие из этих вопросов).

Эту особенность научной лингвистики можно назвать прагматизмом² (сравни прагматизм в истории) и таким образом противопоставлять *прагматическое языкознание* (т. е. лингвистику) простому практическому изучению языков.

§ 2. *Деление языкознания (лингвистики) на описательное и историческое.* Лингвистические работы, рассматривающие только явления, существующие в данном языке в какую-нибудь одну эпоху (чаще всего — в современный период),³ относятся к *описательному языкознанию*.

Историческое же языкознание ведает связи между фактами различных периодов жизни языка (т. е. между фактами, относя-

¹ Слово «лингвистика» (по-французски — *linguistique*, по-английски — *linguistics*) происходит от лат. *lingua* «языка». Другие названия лингвистики: *языкознание* (по-немецки — *Sprachwissenschaft*), *языковедение*, и иногда — с подчеркиванием отличия от практического изучения языков — *научное языкознание* (или — языковедение).

² От греческого *πράγμα* (*prágma*) «дело».

³ Что имеет место в описаниях современных нам *живых* языков.

щимися к языкам разных поколений). При этом нужно указать, что в лингвистике (т. е. прагматическом языкознании, как таковом) большинство объяснений причинной связи языковых фактов выходит за пределы данного (—напр. современного нам) состояния рассматриваемого языка, так как причина явления обыкновенно оказывается принадлежащей языку прошлых поколений,¹ а потому *историческое языкознание* (которое, по имени своего «сравнительного» метода, оказывается в то же время «сравнительным» или «сравнительно-историческим» языкознанием, — см. ниже § 10) *занимает* весьма *важное место* в нашей науке. Тем не менее, среди даваемых лингвистикой объяснений (т. е. указаний причинной связи) языковых фактов найдутся и такие, где привлекается только материал описательного языкознания (т. е. факты современного языкового состояния).²

Указанное преобладание данных исторического языкознания в установлении причинной связи языковых явлений отнюдь не предполагает, однако, что в научно-лингвистической литературе нет законного места для работ *описательных* (т. е. относящихся исключительно к области *описательного* языкознания и излагающих, следовательно, языковые факты одного лишь данного

¹ Так, например, современные нам факты живого японского разговорного языка приходится объяснять, как результат процессов, имевших место в языковом мышлении японцев давно минувших эпох — напр. эпохи китайских заимствований VIII—X в. н. э. или же еще более отдаленных периодов «общепонского» и «до-японского» языкового состояния (где лингвистика оперирует уже с явлениями до-исторических времен).

² Так, например, отвечая на вопрос «почему?» по поводу таких фактов (имеющих место при скрещении двух разных живых языков), как 1) пропуск начального с [s] перед следующим согласным — корейцем, говорящим по-русски (и произносящим, следовательно, «тарик» вместо «старик», «колько» вместо «сколько» и т. д.) или же 2) замена русского ф [f] через п [p] в языковом мышлении узбека (—«фонарь» вместо «фонарь», «пракция» вместо «фракция» и т. д.; а иногда и параллельная этому обратная замена — русского «п» [p] через «ф» [f] — «фроза» вместо «проза» и т. п.; [сравни узбекское написание *فۈز* т. е. — *fۈz* для русского «поезд» и т. п.]), — нам достаточно для мотивировки этих явлений сопоставить между собою системы звукопредставлений обоих скрещивающихся здесь языков (1) русского и корейского, 2) русского и узбекского), т. е. достаточно данных *описательного языкознания*.

периода). Наоборот, литература этого рода (—описательно-лингвистическая), — куда войдут все научные «описательные» грамматики, словари и т. д. современных нам живых языков, чрезвычайно богата и чрезвычайно ценна (независимо уже от практического своего значения) для прагматической лингвистики, так как всякая наука нуждается прежде всего в сборе и в надежной и точной регистрации фактического материала, что и является задачей вышеуказанных работ описательно-лингвистического характера.

§ 3. *Деление лингвистики на отделы соответственно расчленению речевого процесса.* Помимо только что рассмотренного деления, существует деление лингвистики на отделы (или дисциплины), рассматривающие отдельные группы явлений языкового процесса. Фонетикой¹ называется отдел языкознания, ведающий все явления языкового процесса *кроме* связываемых (ассоциируемых) с речью *смысловых представлений*, т. е. иначе говоря, — все явления, относящиеся к *звуковой* стороне речи. Таким образом, в область фонетики относятся: 1) явления психические² — представления произносимых и слышимых звуков языка, существующие в уме говорящего и слушающего; 2) явления физиологические: связанные с процессом говорения (движения произносительных органов) и связанные с процессом слышания (процессы в слуховом аппарате), 3) явления физические, — совершающиеся в проводнике звука (воздухе или, — возможно, каком-либо другом

¹ От греческого φωνή (phōnē) «звук».

² Разумеется, в конечном счете, и эти, как вообще все «психические» явления, сводятся к *физиологической* деятельности мозга. Тем не менее употреблять здесь термин «*психические* явления» уместно потому, что различие между мыслительной деятельностью и такими «физиологическими» процессами, как например движения произносительных органов при говорении, является бесспорно-принципиальным: в первом случае физиологические процессы (являющиеся сущностью мыслительной деятельности) локализованы в мозгу [и в частности речевые представления локализованы в так называемой «извилине Бросса»], а во втором случае работают губы, язык, мягкое нёбо, и т. п. (причем и характер этой их работы, разумеется, несоизмерим с химико-физиологической работой мозгового вещества).

теле). Первая группа явлений сближает фонетику с психологией (ведающей вообще психические процессы [в том числе, напр., процессы узнавания привычного символа, каковым является в речевом процессе *звук языка*], а не только те, которые связаны с языковой деятельностью), вторая — с физиологией и анатомией (ведающими все органы тела и все их функции, а не только участвующие в языковом процессе), третья — с частью физики, акустикой (ведающей физическую природу всяких звуков, а не только звуков языка).

Помимо фонетики в языкознании имеется еще обширный отдел, рассматривающий языковые явления в связи со смысловыми представлениями, т. е. со *значением* речи. В этот отдел входят: морфология, синтаксис и лексика (или словарь) с фразеологией¹.

*Морфология*² ведает значение отдельных слов в зависимости от их состава и следовательно ведает также значение частей слова (поскольку, конечно, слово делимо на части, обладающие каждая своим собственным значением).³

¹ Общеупотребительного же общего термина для всего данного отдела лингвистики (— совокупности морфологии, синтаксиса и лексики с фразеологией) назвать нельзя. Иногда в этом смысле употребляют слово «*семантика*» [от греч. *σῆμα* (*sēma*) «знак»]. Но оно нередко фигурирует и с другими, более узкими значениями.

² От греческого *μορφή* (*morphē*) «форма» и окончания (обычного в названиях разных наук) -логия — от греческ. основы *λόγος* (*lógos*) «слово». «Морфология», следовательно, значит «формо-словие» (ср. «богословие»), т. е. «наука о формах (слов)».

³ Следовательно к области морфологии относится учение об изменениях слов (в том числе о склонении и спряжении), т. е. то, что в школьных грамматиках называется этимологией. Однако, в научном языкознании слово *этимология* употребляется с совершенно иным смыслом, — для обозначения *учения о происхождении или истории отдельных слов* (что и соответствует греческому выражению, к которому восходит термин «этимология»: *ἔτυμον λόγος* (*étymon lógos*) «истинное слово»). Каждое отдельное слово имеет свою *этимологию* (известна она, или неизвестна при данном состоянии науки — это другой вопрос). Поэтому можно говорить об *этимологиях* во множественном числе. Если говорят, что кто-либо знает много этимологий, это значит, что он знает о происхождении или истории многих различных слов. Но если говорят, что у данного слова

Например, к области морфологии относится объяснение различия между словами *вода* [vada] и *водой* [vadoj] (или же между японскими, напр. словами *mizu* и *mizude*¹⁾ в связи с распределением значения между двумя составными частями каждого из этих слов (vad- + -a, vad- + -oj; mizu- + -га, mizu- + -de) и различиями *концов* этих слов (т. е. окончаний -a, -oj в русском; -га,² -de в японском), повторяющихся и в других словах с тем же своим значением (напр. в рядах слов: нога [nag-a] ногой [nag-oj], рука [ruk-a] рукой [ruk-oj]; или—в японском— a^ʔsiŋa a^ʔside, ^ʔteŋa ^ʔtede и т. п.).³

Синтаксис же ведает значения *соединений* слов (— в фразы или предложения); к области синтаксиса, относится, например, выяснение различия между значениями словосочетаний: «*Иванов — слепой*» и «*слепой Иванов*» (или же узбекских [— в разговорном узбекском языке, в Ташкентском говоре] словосочетаний: «oj kættæ = ئوي كەتتە» [— «дом велик»] и «kættæ oj = كەتتە ئوي» [— «большой дом»]) — в связи с порядком сочетающихся слов.⁴

несколько этимологий, это значит, что есть несколько различных предположений о происхождении этого слова. Примеры этимологий для слов: 1) рус. медведь [m'edv'et'], 2) латинского venenum (или франц. venin [vœnɛ̃]) «яд», 3) рус. дятел [d'at'el], 4) японск. ^ʔnodo (Киотоск. no^ʔdo) «горло», 5) яп. minato (Киотоск. ^ʔminato^ʔ) «гавань», 6) корейск. mal «лошадь», 7) яп. asa «утро», 8) туркменск. па:w ناۋ «корабль, лодка», 9) грузинск. p'it'na «мята», 10) перс. mō:dæŋ مادر «мать», 11) китайск. mī 蜜 «мед» — приводятся ниже (для иллюстрации понятия этимологического словаря) см. § 13, 14.

¹ Токиоские формы. В Тосаском диалекте им соответствуют: ^ʔmiduga^ʔ и ^ʔmidude^ʔ (— с той же морфологической границей, что в Токиоском: ^ʔmidu- + -ga^ʔ, ^ʔmidu- + -de^ʔ).

² Или в Тоса -ga.

³ В Токиоском произношении; в Тосаском диалекте: ^ʔa₁s'iga ^ʔa₁s'ide, te^ʔga te^ʔde.

⁴ Так как различие значений зависит здесь именно от порядка слов, который равным образом будет дифференцировать и другие фразы, напр. «*Петров — мухой*» и «*мухой Петров*» (или же — в узбекском Ташкентском: «suw sɔwɪq = سۇۋ سۇۋىق» [— «вода холодна»] и «sɔwɪq suw = سۇۋىق سۇۋ» [— «холодная вода»]).

Отсюда следует, что элементарной величиной, рассматриваемой в синтаксисе, т. е. — *синтаксической «единицей»* является слово, а элементарной величиной морфологии, т. е. *морфологической «единицей»*, — часть слова, обладающая самостоятельным значением (и повторяющаяся с этим своим значением в ряде слов); для этого понятия, — морфологической единицы, мы будем употреблять термин «морфема».

Экскурс к § 3.

О различии между суффиксом и самостоятельным словом.

В отличие от номенклатуры некоторых грамматик турецких и японского языков, рассматривающих падежные и другие суффиксы (например узбекские -п1 = نى или نڭ, -gæ گە, -dæ دە, -dæn دەن,¹ или японские -ға, wa, -no, -ni, -de, -kara, -to, ^je/-i [в Тоса -₁e], -мо [в Тоса -₁mo],² и т. д.) как отдельные слова, — с лингвистической точки зрения мы имеем в них только отдельные морфемы, или части слов (обладающие собственным своим значением); словом же (т. е. синтаксической единицей) явится лишь сочетание данных суффиксов (узб. -п1, -gæ, -dæ, -dæn; японск. -ға, -wa, -no, -ni, -de, -kara, -to, -e/-i, -мо и т. п.) с предшествующей «основой» слова (— например *единственным словом* [а не сочетанием из 2-х слов] явятся следующие морфемосочетания: узб. bolæ-п1³ «ребёнка» — بالانى или بالانڭ, bolæ-gæ بالاغا «ребенку», bolæ-dæ بالادا «у ребенка», bolæ-dæn «от ребенка»; японск. hana-ға hana-wa hana-no hana-ni hana-de

¹ В иранизованном узбекском диалекте (напр. в Ташкентском говоре); в письменном языке суффиксам этих 4-х разговорных падежей (Accusativ. — Genitiv., Dativ., Locativ., Ablativ.) соответствуют 5 падежей (ибо Accusativ. и Genitiv. в письменном языке являются 2-мя разными падежами) — с суффиксами: نى, نڭ, گە, غا, دە, دا, دەن, دان / - (в чжагатайском دېن).

² Т. е. современные (Токиоские) суффиксы падежей: Nominativ., Subjectiv. (— падеж логического, или психологического подлежащего), Genitiv., Dativ.-Locativ., Instrumentalis, Ablativ., Sociativ., Illativ. (-i < -e < *₁-pe へ), Additiv. (падеж со значением «тоже», «а также и»).

³ В Ташкентском говоре; в Самаркандском — beilem1, beileget и т. д.

$\overline{\text{hana-kara}}$ $\overline{\text{hanato}}$ $\overline{\text{hana}}$ [«в нос»: в Тоса $\overline{\text{'hana}}_{[e]}$] $\overline{\text{hanamo}}$ [Тоса $\overline{\text{'hana}}_{[mo]}$] — от основы $\overline{\text{hana}}$ «нос» 鼻).

Доказательства того, что в подобных суффиксах мы имеем только часть слова, а не отдельные слова, могут быть даны с разных точек зрения. Во-первых, решающим является то обстоятельство, что данные суффиксы никогда не могут оказаться изолированными от основы, т. е. составить сами по себе отдельную фразу (*слово* же, или синтаксическая единица, именно и определяется потенциальной способностью данного комплекса изолироваться, т. е. быть — при тех или иных условиях речевого обмена — без сопровождения каких-либо других комплексов единственным составом произносимой фразы: сравни, например, изоляцию отдельных слов в вопросах, переспросах и ответах на вопрос: «Ты был в Москве?» — «Был» — «Был?» — «Да» — «Когда?» — «Вчера». Иначе говоря, по смыслу этого критерия, слово можно определить как *потенциальный минимум фразы* или предложения). Но ни турецкие, ни японские вышеназванные суффиксы (ни соответствующие им морфемы других агглютинативных языков) к такой изоляции не способны, а следовательно не могут быть сочтены за отдельные слова (как не являются словами и французские префиксы je [ʒœ], tu [ty], il [i(1)], le [lœ]) и т. п. несмотря на то, что они *пишутся* как отдельные слова — потому что вне сочетания со следующими основами они во французской речи невозможны). Кроме этого для каждого отдельного языка можно привести другие, — фонетические доказательства несамостоятельности суффиксов, — основывающиеся на том, что они не имеют звуковых признаков, присущих в данном языке характеристике *отдельного слова*. К таким признакам принадлежит, например, признак акцентуационный, состоящий в том, что каждое отдельное *единое слово* обладает — в турецких языках — одним-лишь ударенным¹ слогом, а в японском — одним-лишь

¹ В громадном большинстве слов ударенным оказывается, в турецких языках, последний слог слова (что и позволяет — еще до понимания фразы — произвести ее деление на слова).

периодом высокого голосового тона (т. е. музыкальным ударением).¹ И вот, в случае присоединения к данному простому (т. е. состоящему из одной только основы) слову, напр. к узбекскому слову *bolæ* [«ребенок» — $\text{اَلْب} = \text{«اَلْ»}$] или к японским *aʽši* [«нога»; Тоса *aʽs'i*], *ʽhaši* [«палочки для еды»; Тоса *haʽs'i*], *hana* [«нос»; Тоса *ʽhana*], — вышеназванных суффиксов, — на получившееся морфемосочетание, оказывается, приходится, все-таки, один ударенный слог (а не два) — в турецких языках, и одно (а не 2) тоноповышение [или музыкальное ударение] — в японском; — сравни:

узб. Ташк.

bolæ «ребенок» — *bolæni* «ребенка», *bolægä* «ребенку», *bolædä*
«у ребенка», *bolædän* «от ребенка»

японск. Токиоск.

aʽši «нога» — *aʽšiŋa* (Nomin.), *aʽšiwa* (Subjectiv.), *aʽšini* (Dat.-
Loc.) и т. д.

ʽhaši «палочки для еды» — *ʽhašiŋa*, *ʽhašiwa*, *ʽhašini* и т. д.

hana «нос» [черта над

¹ По-немецки: *Musikalischer Akzent*, точнее *Musikalischer Wortakzent*. В Токиоском (восточно-японском) период высокого голосового тона ограничивается одним только слогом (— кратким или же половиной долгого). Поэтому в транскрипции токиоского музыкального ударения я употребляю один только знак ʽ на каждое слово (помещая ʽ перед слогом с повышением голосового тона) или же заменяющую его черту — над словом — в случаях так называемых *безударных* (全平 дзэнхэй) слов с *факультативным* (т. е. *необязательным*) повышением на последнем слоге (напр. *hana*, *hanaŋa*, — точнее *haʽna* *hanaʽŋa* и т. п.). В западных же яп. говорах (напр. Киото, и особенно Тоса) период высокого голосового тона может простирается на несколько рядом стоящих слогов (напр. Киотоск. *ʽtameʽ-ŋa* «здоровый», Тосаск. *ʽnanaʽdu* «сом», *ʽhanaʽ-ŋa* «нос тоже», *ʽhanaʽ-ŋe* «в нос» и т. п.) и даже на все слово целиком (напр. в Киотоск. *ʽhanaʽ* 鼻 *ʽhanaʽ-ŋaʽ* ..., Тосаск. *ʽhanaʽ* *ʽhanagaʽ* *ʽhanadeʽ*). Во всяком случае такой период высокого голосового тона (будь он из одного только краткого слога, или из половины долгого [а в Киотоском иногда даже из половины краткого — в словах *asä* 朝, *surü* 鶴, *sarü* 猿] или же из нескольких рядом стоящих слогов) имеется только один в каждом отдельном слове, что и является внешним, «акцентуационным» признаком единства слова.

всем словом означает
факультативное повы-
шение на последнем
слоге]

— hanaŋa [т. е. факультативное повы-
шение на слогѣ ŋa],
hanaŋa [т. е. факультативное повы-
шение на слогѣ ŋa],
hanani [т. е. факультативное повы-
шение на слогѣ ni] и т. д.

японск. Тосаск.

ʼa_Ls'i «нога» — ʼa_Ls'iga, ʼa_Ls'a, ʼa_Ls'ipni, ʼa_Ls'o (Accusat. «ногу»),
ʼa_Ls'ie (Illat. «в ногу»)
haʼs'i «палочки для еды» — haʼs'igaʼ, haʼs'a, haʼs'ipniʼ, haʼs'o
(Accus.), haʼs'i_Le (Illativ.)
ʼhanaʼ «нос» — ʼhanagaʼ, ʼhanaʼ, ʼhanapniʼ, ʼhanaʼ (Accus., —
совпадает с бессуффиксальным падежом и с Subjectiv.),
ʼhanaʼ_Leʼ (Illativ. «в нос»), ʼhanaʼ_Lmo (Additiv. «нос
тоже») и т. д.

Кроме этого «акцентуационного» — можно привести и дру-
гие фонетические признаки *отдельного слова*, отсутствующие
в вышеуказанных суффиксах, — признаки специфические для
каждого отдельного языка. К ним принадлежит, напр., чередо-
вание гласных в суффиксах (под влиянием так называемой «гар-
монии гласных» или «сингармонизма») — в турецких языках,²
благодаря чему мы просто не можем даже искусственно назвать
суффикс данной формы вне сочетания и вне зависимости от
основы: например нельзя назвать суффикс множ. числа в виде

¹ Некоторые суффиксы — в западно-японском — обладают обязательным
низким голосовым тоном: таковы -_Lmo (Additiv.), -_Le (Illativ.), -_Lmade_J (Termi-
nativ.), -_Lna (Attributiv.) и -_Lto, замыкающее прямую речь (— в отличие от -to
Sociativum), — напр. Тосаск. ʼor'aʼ ʼsak'oʼ noʼmu-_Lto ʼju_L:ta «Он сказал: «я пью
вино».

² За исключением иранизованного диалекта узбекского языка (напр. гово-
ров Ташкента, Самарканда, гор. Бухары, Коканда, Андижана и др.).

-ɭar [или же, наоборот, -ler (казакск., киргизск.) или -lær (северно-узбекское, татарск. и т. д.)], так как после одних основ он будет звучать -ɭar, после других -ler resp. -lær (а в киргизском, напр., еще в виде -ɭor или -lør),¹ и следовательно слова ɭar (или же ler и т. д.), с независимым своим звуковым составом, не существует. Наконец, в качестве фонетического доказательства несамостоятельности суффиксов (т. е. невозможности считать их отдельными словами) можно указать то обстоятельство, что ряд суффиксов начинается со звука, недопустимого в качестве начального звука в слове; напр. в японском [Токиоском, Киотоском, северо-восточных и т. п. говорах] суффикс Nominativ² имеет звуковой состав -ŋa,³ т. е. начинается со звука ŋ, — не мыслившегося возможным в начале слов [-в Anlaut'e] и присущего именно позициям внутри слова⁴

¹ На говоря уже о киргизских вариациях нач. согласного этого суффикса: -ɭar/-tar/-dar, -ler/-ter/-der, lør/-tør/-dør и т. д.

² Точнее — падежа именного грамматического подлежащего, являющегося, однако, не логическим (психологическим) подлежащим, а наоборот — логическим (психологическим) сказуемым или же частью логического (психологического) сказуемого. См. «Психо-фонетические наблюдения над японск. диалектами. I» — Склонение существительных.

³ Знаком ŋ (в Международном Фонетическом Алфавите) обозначается заднеязычный носовой, т. е. «носовое г» = «鼻ニ掛カルカ行ノ子音» (иногда обозначаемый написаниями カギクケヅ в отличие от не-носового g в カギクケヅ), т. е. звук типа немецкого «ng» в словах singen [ziŋŋ] lange [laŋə], или же турецкого ŋ, напр. в узбекском كوئى [koŋɪl] или كوئول [koŋul] (в Бухарском гов.). В японских восточных и в большинстве западных говоров ŋ соответствует звуку g южных диалектов (а также Тосаского) — внутри слов (т. е. в интервокальной позиции): напр. Токиоск. paŋŋai, haŋaŋa (長イ, 鼻カ) Киотоск. ʔpaŋŋai, ʔhaŋaŋa¹; Нагасакск. paŋaŋka (или же paŋka), -ga — суфф. Nom.-Genit.; Тоса ʔpaŋŋai, ʔhaŋaŋa¹ [Равным образом, g (а не ŋ) представлено и Рюкюским языком].

⁴ Единственным исключением (где, следовательно, g [а не ŋ] встречается между гласными внутри слова) являются в Токиоском редупликационные (удвоенные) формы «ономатопозитических» слов (слов — «звуковых жестов») вроде ʔgizugizu (не *gizuiŋizu!). Оно объясняется, конечно, самим принципом редупликации (удвоения основы), требующим звукового торжества обоих повторов основы. Впрочем и с акцентуационной точки зрения эти формы являются

[— в Inlaut'e; сравни например слова na^hai 長イ a^ho 膠 a^heru 上テ^h л a^hsa^ho 朝顏 a^ho^hu 燭 <^h cuna^hu 繫 <^h...: такого же рода «единицами», или *единными словами* окажутся и формы Nominativi hana^h 鼻カ^h ha^hna^h 花カ^h 'asa^h 朝ガ^h]. Аналогичное значение имеют указания на то, что звук, имеющийся в начале суффикса эволюционировал по законам, действительным для Inlaut'a (— позиции внутри слова), а не для Anlaut'a (начальной позиции): так древне-японское *-pa (суффикс Subjectiv¹ ハ) прошло следующие этапы: *-pa → *-pa → -wa² (сравни тот же ход эволюции внутри основы *kara → kara → *kawa² 川河江), тогда как начальное *pa (ハ) давало → *pa → ha (напр. *pa^hti³ → *pa^hti → 'ha^hti 'ha^hci — в зап.-яп.; в Токиоск. — ha^hci).

промежуточным явлением между словом и словосочетанием (2-х тождественных слов), так наряду с 'guzuguzu 'pikarika возможны дублиеты 'guzu-'guzu 'pika-'pika.

¹ Т. е. падежа логического (психологического подлежащего).

² Откуда, в диалектах, затем -a / a: (напр. Тосаск. mida ← midu-wa 水 ハ sa^hra^h: ← sa^hru^h-wa [*sarū-wa] 猿 ハ; ср. также a^hsa^h: ← a^hsa^h-wa [*asā-wa] 朝 ハ), а иногда даже нуль суффикса (напр. Тосаск. a^hsa ← a^hsa-wa^h 麻 ハ [т. е. Subjectiv. совпал тут с бессуффиксальным падежом, а также с Accusativ. a^hsa ← a^hsa-o^h 麻 ヲ]). Аналогичное исчезновение w мы найдем (в том же Тосаском говоре) и внутри основы [в более чем 2-сложных комплексах — в 'aga^hl: 吾川, 'aga^hl:go:ri 吾川郡 «Агава, уезд Агава»; 'aga^hl: ← 'a-ga^hl-wa, где -gawa / kawa — «река»].

³ Киотоск. 'ha^hci (Тосаск. 'ha^hti), Токиоск. ha^hci значит 鉢 «чаша, миска, горшок» и происходит от санскритского pātra- «чаша будд. монаха» через китайскую форму *pat, давшую в японском *pa^hti (конечное i возникло благодаря отсутствию в японском языковом мышлении представления «закрытого» [оканчивающегося на согласный] слога; понятно, что муз. ударение должно было при этом прититься, в первоначальной яп. форме, на первый слог: *pa^hti).

Кроме того, к 'ha^hci (Ток. ha^hci) 鉢 имеется *гомоним* (т. е. подобнозвучное, вполне совпадающее по звуковому составу слово) в виде числительного Киотоск. 'ha^hci (Тоса 'ha^hti) Ток. ha^hci «8», также являющееся Го-он'ным заимствованием из китайского (— древне-кит. форма *pat, откуда Пекинск. p^ha 八). [Не смешивать 鉢 и 八 со словом 蜂 «оса», имеющим другую акцентуацию: Киот. 'ha^hci¹ Ток. ha^hci].

§ 4. Как выше было сказано, связи между значением слова и его составом из «морфологических единиц» (— «морфем») составляют предмет рассмотрения *морфологии*, т. е. лингвистической дисциплины, соответствующей тому, что в школьной номенклатуре именовалось обычно «этимологией» или просто «грамматикой». Отсюда вполне понятно, что морфологическая литература и состоит прежде всего и главным образом из «Грамматик» различных языков¹ (— поскольку мы исключим из типичного оглавления обычных «Грамматик» изложение *фонетики* данного языка, и поскольку, с другой стороны, эта «Грамматика» противопоставляется, как таковая, «*Синтаксису*», который мыслится в виде особого отдела учения о данном языке, идущего в след за «Грамматикой»).

Но ведь значениями слов занимаются кроме «Грамматик» (относящихся, как только что было указано, к *морфологии*) еще и «*Словари*» разных языков, содержание которых составит — в нашем делении лингвистики на отделы — предмет особой лингвистической дисциплины (или отдела языкознания), именно — «*лексики*».²

Из этимологий данных 2 слов (鉢 и 八), в частности из их китайских оригиналов (**pat*) ясно видна история звука *h* в начале этих слов: **p* → **φ* (особая разновидность звука «*ф*») → *h*.

Примечание. Интересно, между прочим, отметить, что возводя японское *hasi* 鉢 к санскритскому *rāṭra-* पत्र, мы доходим, в конце концов, до родства японского *hasi* «чаша...» с русскими пить [p'i-t'], поёло [roj-ɪ-o], пиво [p'iv-o (из пн-в-о)], так как санскритское *rā-ṭra-*, — из обще-индо-европейского **rō-*тго-букв. «орудие питья», имеет тот же праязыковой корень **rō(i) / *rōi / *rī* («пить»), что и в русских *с-наивать, поить, поило, пить*.

Что же касается дальнейшей (— в глубь до-истории) этимологии числительного *hasi* ← яп. **graṭi* ← кит. **pat*, то, как и другие китайские числительные, оно находит параллели в других «тибето-китайских» языках, напр. в тибетском (письменном — VII в. н. э.) བརྒྱཅ་ **brgjad* «восемь» [при чем в китайском

**pat* уже исчезли все элементы комплекса кроме 1-го, 4-го (гласного *a*) и 5-го].

¹ Куда войдут вместе с «Грамматиками» описательными, также и исторические.

² От греческого λέξις (*léxis*) «чтение» [ср. λέγω (*légō*) «читаю»]. Слово «лексика» [λεξικά (*lexicá*)] опять-таки (как и «Фонетика», «семантика», а

Итак, в чем же разница между лексикой и морфологией? Лексика ведаёт словарь¹ данного языка, т. е. совокупность синтаксических «единиц» (или слов) способных фигурировать в данном языке, с точки зрения выполняемых ими символических функций, т. е. распределения между ними ассоциаций с внеязыковыми представлениями (вещей и идей, составляющих потенциальные темы языкового обмена). Иначе говоря, в лексике слово рассматривается [и в лексических работах, — «Словарях», регистрируется] как знак (символ) вещи или идеи (или известной совокупности идей).

Морфология же рассматривает конструкцию слова с точки зрения зависимости его значения от этой конструкции;² а так

также другие названия наук на *-ика*, напр. «Физика», «ботаника», «механика») восходит к греч. форме множ. числа ср. рода прилагательного, — производного от слова λέξις (lexis).

¹ Здесь под выражением «словарь» разумеется уже не книга, в которой собраны (с теми или другими пояснениями, — обычно с переводом значений на другой язык) слова данного языка, а сама фактически существующая совокупность слов, известных коллективному языковому мышлению данного языка.

² Именно от числа, состава (и порядка расположения) морфем, входящих в данное слово, или же от различия в форме (т.-е. в звуковом составе), принимаемой данной морфемой в данном именно слове. Так мы видим, что значение слова (т.-е. общая сумма идей, ассоциируемых с ним) зависит: 1) от вхождения в состав этого слова специальных морфем, обладающих каждая своим постоянным значением (— своей идеей, или известной совокупностью идей), а также 2) от изменения звукового состава определенной морфемы, или «чередования» вариантов одной и той же морфемы, которому соответствует и изменение в значении, вносимом этой морфемой.

Например, 1): Значение турецкого (в узбекской иранизированной форме [умышленно беру для примера форму узб. иранизованного диалекта (Ташкентского говора) — чтобы не осложнять дело вопросом о роли сингармонистических чередований суффиксов, что было бы здесь совершенно излишним]) слова bolæ:ægimɣæ بالالامغا = بالله رحيمه [— если в написании следовать Ташкентскому произношению], состоящего из 4 морфем: bolæ-læg-im-ɣæ, представляет собою совокупность следующих идей: 1) идеи определенного предмета — «ребёнок, дитя» 2) идеи множественности (предметов, о которых идет речь) 3) идеи принадлежности [данного] предмета (геср. предметов) 1-му лицу, т.-е. лицу говорящему 4) идеи Дательного падежа, т.-е. определенной зависимости между неким предполагаемым действием и данным предметом (геср. предметами).

Сумма этих частных идей (соответствующих каждая постоянному значению одной из выпеназванных 4 морфем: bolæ, -læg, -im, -ɣæ) и даёт «сложное значе-

как нельзя себе представить такого языка, где конструкция каждого слова была бы вполне специфической и не совпадала бы с конструкцией известного количества других слов, а наоборот мы сплошь и рядом встречаем повторение одних и тех же общих конструктивных схем (с наличием части общих же элементов, т.-е. одних и тех же морфем) в рядах слов, — то морфология, по существу, оказывается, именно и занята изучением *типов* словесной конструкции. Возьмем, для пояснения, несколько *рядов* слов¹ имеющих общую конструкцию (и в связи с ней — общие элементы в составе своих значений).

В узбекском яз. (Ташк. говоре):

bolæ-lær-im-gæ بالا لارمغا, чит. бале лармге «моим детям»

šogird-lær-im-gæ شاگردلارمغه «моим ученикам»

əkæ-lær-im-gæ ئاكا لارمغه «моим старшим братьям»

soz-lær-im-gæ سوزلارمغه «моим словам»

oj-lær-im-gæ ئويلارمغا, чит. ئويلا рмге «моим мыслям»

oj-lær-im-gæ ئويلارمغه (в Фергане) «моим домам»

ние» всего слова ввиде: «моим детям». Тут значит, привнесение каждой из частных идей, обусловлено вхождением в слово одной морфемы, служащей символом данной частной идеи.

2): немецкое Brüdern [bry:dərn] «братьям» содержит в своем значении след. частные идеи: 1) предмет: «брат» 2) идея множественности 3) идея Дательного падежа. Между тем, здесь не 3, а только 2 морфемы: bry:dərn-п. Вторая морфема может быть устранена из слова, вместе с чем устранится из его значения и идея Дат. падежа (останется — Brüder [bry:der] = «братья»). Но вторая из частных идей, — множественного числа, не имеет, оказывается, своей отдельной морфемы, и ассоциируется только с заменой морфемы bry:dəg <— Bruder «брат» через ее вариант: bry:der, и в частности, следовательно, с заменой гласного u: через y:.

¹ Понимая под *словом* не простейший вид основы (напр. «именительный» падеж в турецких именах, бессуффиксальный падеж в японском, корейском и т. п.), а и всякую возможную форму слова, удовлетворяющую понятию синтаксической «единицы» (как напр. русск. *ученикам*, яп. o-ko-san-ni-wa, узб. شاگردلارمغه бале лармге).

² Слова «мысль» и «дом» гомонимичны только в некоторых из говоров иранизованного (не-сингармонистического) диалекта — напр. в Ташкентском [в Фергане же они в некоторых говорах различаются так: ئوي — «мысль», ئوي «дом»]. В не-иранизованных же говорах они различаются преимущественно так: oj (или yj) — «дом», oj — «мысль».

В китайском языке (Пекинский говор):

wə^a-mən-la^a 我們倆 «мы вдвоем»

t³am'-mən-la^a 咱們倆 или 佢們倆 «мы с тобой вдвоем»

t'a^a-mən-la^a 他們倆 «они вдвоем»

ni'-mən-la^a 你們倆 «вы вдвоем» и т. д.¹

В Японском языке: 1) в Токиоском говоре ik-i-ta-k-att-a-no-^{wo} или (—соединяя в одну группу по паре тесно сросшихся морфем [iki-, -tak-, -atta])—iki-tak-atta-no-^{wo} «желавшего (Винительный п.) итти»

nom-i-ta-k-att-a-no-^{wo} = nomi-tak-atta-no-^{wo} «желавшего пить»

jom-i-ta-k-att-a-no-^{wo} = jomi-tak-atta-no-^{wo} «желавшего читать» . job-i-ta-k-att-a-no-^{wo} = jobi-tak-att-a-no-^{wo} «желавшего (по)звать»²

2) В Киотоском говоре:

ik-a¹-₁nand-a «не ходил»: Praeteritum Negativi от ik-u¹
行 夕

sin-a¹-₁nand-a «не умирал»: Praet. Neg. от sin-u¹ 死 ヌ

no¹m-a-₁nand-a «не пил»: Praet. Neg. от no¹m-u 飲 ム (Ток.
nomu)

ka¹k-a-₁nand-a «не писал»: Praet. Neg. от ka¹k-u 書 夕
(Ток. kaku)

jo¹m-a-₁nand-a «не читал»: Praet. Neg. от jo¹m-u 讀 ム
(Ток. jomu)

¹ Т. е. формы двойственного числа личных местоимений [—с 2 суффиксами: 1) множественности (們) и 2) двойственного числа — -la], по значению эквивалентные, словосочетаниям (из 2-х слов)

wə^a - mən lian^a -gə 我們+兩個

t'a^a - mən lian^a -gə 他們+兩個 и т. д.

² Т. е. формы Accusativi (— Винительного, на -^{wo}) от просубстантивного (употребляющегося без следующего определяемого) Причастия (на -но) Praeteriti (Прошедшего времени, на -atta) Desiderativi (Желательного на -ta-, в данном образовании -ta-k).

ʼkawaʼ-_Lnand-a «не купил»: Praet. Neg. от ʼka-uʼ 買 フ
[← *ʼkap-uʼ]

ʼjob-aʼ-_Lnand-a «не звал»: Praet. Neg. от ʼjob-uʼ 呼 フ

ʼaraw-aʼ-_Lnand-a «не мыл»: Praet. Neg. от ʼara-uʼ 洗 フ
[*ʼarap-uʼ]

ʼjorokob-aʼ-_Lnand-a «не радовался»: Praet. Neg. от ʼjoro-
kob-uʼ 喜 フ

mači-kutabuʼre-_Lnand-a «не утомился ожиданием»: Praet.
Neg. от mači-kutabure-ʼr-u

ʼko-_Lnand-a «не пришел»: Praet. Neg. от ku-ʼr-uʼ 來 ル
(Ток. ʼkuru)

3) В Нагасакском говоре — дер. Мие (см. «Психофонетическ.
набл. над. яп. диал.» I).

ju:t-a-to-_Lba² «сказавшего» — Accusativ. (Винительный п. —
на -ba)³ Просубстантивного Причастия (с суффиксом
-to)⁴ Прошедшего времени (— Praeteriti — ju:ʼ_Lta
«сказал») от глагола ju: 云 イ フ «говорит»

k'a:t-a-to-ʼba «написавшего» [kaiʼ-t-a (← *kaʼi_Lta ← *kaʼk-
i_L-t-a) — Praeteritum от kaʼku «пишет»

o:r-a-to-_Lba «плевшего = того, кто (с)плёл» [o:ʼ_Lr-a
(← *a_Lda ← *aMda ← *aMta ← *ʼa_Lm-i-t-a) — Praete-
ritum от a_Lm-u (*ʼam-uʼ) «плетет» 綱 ム]

nu:r-a-to-ʼba «пившего» [nu:ʼ_Lr-a ← *nu:d-a ← *nou_Ld-a⁴ ←
*noMda ← *noMta ← *noʼm-i-_Lt-a «пил», — от noʼmu
«пьёт»]

¹ Глагол II спряжения с тройным чередованием основы: ku-/ki-/ko- (ср. su-/
si/se в ʼsu-guʼ 爲 ル).

² Эквивалент Токиоск. itt-a-po-^{wo} 云 イツタノヲ, Тосаск. ʼju:t-a-ga-o.

³ Нагасакское -ba соответствует стандартно-японскому -^{wo} (Тоса -o) = ヲ.

⁴ Нагасакское -to (— в качестве суффикса просубстантивного причастия) соответствует Токиоскому -po (и Тосаскому -ga). Примечание. Между прочим, одно это диалектическое соответствие Токиоскому суффиксу Просубстантивн. Причастия -po (Нагасаки -to, Тоса -ga) доказывает принципиальное различие этого -po от Genitivного -po.

⁵ Ср. Тосаск. noʼ_Ld-a.

kitt-a-to-¹ba «презавшего» [ki¹tt-a←ki-¹r-i-₁t-a — Praeteritum от ki¹: ← *ki¹r-u «режет»]

jo:r-a-to-¹ba «читавшего» [jo:¹r-a←jo:¹d-a¹←*jo₁da←*joMta←*jo¹m-i-₁ta,—Praeteritum от jo¹mu «читает»]

jo:r-a-to-₁ba «(по)звавшего» [jo:₁r-a←jo:₁d-a²←*jo₁da←*joMta ← *¹jo₁mb(i)ta ← *jom₁b-i-t-a, — Praeteritum от jo₁bu «зовет»].

В персидском языке (таджикском наречии):

dod-æm دادم «я дал» [dod- — основа в форме прошедшего вр. (чередующаяся с tij- [в литературном персидском dæh-] в Наст. вр. + суффикс 1 лица -æm)]

xost-æm خواستم «я хотел» [xost- — основа Прош. вр. (в Наст. вр. xoh-) + суффикс 1 лица -æm]

kærd-æm کردم «я сделал» [kærd- — основа Прош. вр. (в Наст. вр. kun-) + -æm]

dônist-æm دانستم «я узнал» [dônist- — основа Прошедшего (в Наст. вр. dôn-) + -æm]

ræft-æm رفتم «я пошел» [ræft- — основа Прошедшего (ræw- в Наст. вр.) + -æm]

xost-æm خاستم «я встал» [xost- — основа Прошедшего (hez- خیز в Наст. вр.) + -æm]

xond-æm خواندم [xond- — основа Прошедшего вр. (в Наст. вр. xon-) + -æm] «я прочитал»

omæd-æm آمدم «я пришел» [omæd- — основа Прошедшего вр. (в Наст. вр. oj-) + -æm].¹

šud-æm شدم «я стал» [šud- — основа Прошедшего (šæw- в Наст.) + -æm].³

¹ Ср. Тосаск. jo¹:₁d-a.

² Ср. Тосаск. ¹jo:₁d-a.

³ Сходство между персидским и (современным) японским образованием Praeteriti посредством чередования основы Настоящего вр. (так называемой «презентциальной» основы, напр. kun) с особого состава основой Прошедшего вр. (т.е. «прæтеритальной» основой — kærd-) является, конечно, исторической случайностью. Но интересно, что здесь совпадение простирается и на звуковую характеристику «прæтеритальной» основы (в ново-персидском и в ново-япон-

Из арабского (классического) языка:

1-й пример:

al-kita:b-a **اَلْكِتَابَ** «книгу» («das Buch») — в Винительном п.).

as-sa:riq-a **اَلْسَّارِقَ** «вор» («den Dieb»).

al-malik-a **اَلْمَلِكَ** «короля, царя» (Винительн. п. — «den Kōnig»).

ar-raʕul-a **اَلرَّجُلَ** «человека» (Винит. п., — «den Mann»).

an-nahr-a **اَلنَّهْرَ** «реку» («den Fluß»).

aš-šams-a **اَلشَّمْسَ** «солнце» («die Sonne») — в Винительном п.).

ском): подобно тому, как персидская «прäterитальная» основа глагола всегда оканчивается на t- (— после глухого согласного: dōnist-, xəst-, ræft-) или d- (dōd-, kærđ-, xənd-, oməd- и т. д.) [при чем эти t, d восходят к индо-европейскому суффиксу Participii Praeteriti Passivi *-to- — ср. санскритск. -ta- ढ, слав. -тъ в би-тъ, (от)кры-тъ, (об)ли-тъ, (при)жа-тъ], японская «прäterитальная» основа I спряжения тоже всегда оканчивается на t- (напр. kitt- в kitt-a «резал» kitt-e «резав», itt- || зап. и южн. jut- в itt-a itt-e || зап. и южн. jut-a jut-e «сказал, сказав») или на d- (напр. jond- || зап. и южн. jo:d- || Рюкюск. jud- в jond-a jond-e || зап. и южн. jo:d-a jo:d-e || Рюк. jud-aŋ jud-i «звал, позвав»). При этом процесс образования этих t, d [d в некоторых южных говорах переходит затем в r] напоминает историческую формацию t, d в ново-персидских «прäterитальных» основах (где источником служило индо-европейское *-to- || слав. -тъ, — см. выше): японские t, d восходят здесь к древнему суффиксу *-t- [ср. классич. суффикс. Praeteriti *-tu]: kitt-a < kir-(i)-t-a (resp. kitte < *kir-(i)-t-e), itt-a < *juk-(i)-t-a, jond-a || jo:d-a < jomb-(i)-t-a и т. д. Само собой разумеется, что из этого совпадения (ново-персидских и ново-японских фактов) никаких генеалогических выводов (т.-е. выводов о родстве между данными языками) делать нельзя — именно потому, что происхождение обоих явлений для нас вполне ясно и сводится к вполне независимым один от другого процессам, имевшим место, так сказать, на глазах лингвистической истории — в сравнительно недавние эпохи самостоятельной эволюции персидского, герм. японского языков. И значит, совпадение это может быть лишь подтверждением того, что сходные процессы [при наличии сходных отправных данных] могут переживаться двумя совершенно чуждыми друг другу языками.

2-й пример:

buHu:r-u-n بُحُورُ «моря» [Имен. п. Множ. числа от baHrun — «море»].

šuHu:d-u-n شُهَدَاءُ [Им. п. Мн. ч. от ša:Hidun شَاهِدٌ — «свидетель»].

mulu:k-u-n مُلُوكُ «цари» [Им. п. Мн. ч. от مَلِكٌ «царь»].

Huqu:q-u-n حُقُوقُ «правá» [Им. п. Мн. ч. от Haqqun حَقُّ «право»].

žunu:d-u-n جُنُودُ «войскá» [Им., п. Мн. ч. от جُنْدٌ žundun «войско»].

3-й пример:

ja-fQalu يَفْعَلُ «он делает» («er tuht») — от глагола <3 л.

Прощ. вр.> faQala فَعَلَ.

ja-s'alu يَسْأَلُ «он спрашивает» — от sa'ala سَأَلَ

ja-ðhabu يَذْهَبُ «он уходит» — от ðahaba ذَهَبَ

jaž-Qalu يَجْعَلُ «он делает» («er macht») — от žaQala جَعَلَ

ja-rfaQu يَرْفَعُ «он поднимает» — от rafaQa رَفَعَ.

Как мы видим из сравнения слов, сгруппированных в каждом из вышеприведенных примеров, все они имеют ряд общих морфем (в узбекском, японских, китайском, персидском и в 1-м арабском примерах) или же — кроме того — аналогичное видоизменение звукового состава коренной морфемы (— во 2-м и 3-м арабских примерах). Условимся называть эти общие (повторяющиеся во всех словах данной группы) черты — *морфологической конструкцией*, а то, что отличает одно из этих слов от другого — их индивидуальным *лексическим материалом*. И вот попробуем задать себе вопрос: — действительно-ли те элементы, которые принадлежат к общей для данной группы слов морфо-

логической конструкции, играют роль *часто повторяющихся*, т.-е. *типичных* составных частей различных слов (беря здесь, конечно, уже не группы искусственно подобранных примеров, а все многообразие слов, потенциально встречающихся в данном языке)? И наоборот: действительно-ли *индивидуальный лексический материал* (т.-е. та морфема, что отличает одно из слов данной группы от другого) оказывается значительно более редким (опять-таки в масштабе совокупности всех слов, могущих встретиться в реальной речи), т.-е. менее часто повторяющимся в составе различных слов, чем вышеуказанные элементы морфологической конструкции (— различные суффиксы — в узбекском, японских, китайском, персидском примерах; или же префиксы — в роде префикса *al-/as-/ar...* в 1-м арабском примере или префикса *ja-* в 3-м арабском примере; или, наконец, характерное для слов данной группы чередование звуков в коренной морфеме — во 2-м и в 3-м арабских примерах)?

Оказывается, что да, т.-е. один и тот же элемент морфологической конструкции встретится, допустим,¹ из 10.000 слов — в 200 или 300, 500 и может быть в 1.000 случаях, т.-е. в 2—10% [а если мы возьмем случай особенно частых элементов морфологической конструкции, каковы например, персидская морфема *-e-||i-*, т.-е. так называемый «изофат», соответствующий по значению аффиксу Родительного падежа, или же китайский суффикс *Nominativi-Genitivi -di* 的, или арабский «определенный член» *al-/as-/aš-/ar...* = *أل*, или же японский (Токиоский) глагольный суффикс *-mas-/maś-*, фигурирующий чуть-ли не в каждой глагольной форме (при известном «стиле» речи), то процент этот значительно повысится и сможет дойти, может быть, до 20—30%].

Возьмем, наоборот, элемент, являющийся лексическим материалом в вышеприведенных примерах, и нам будет ясно, что в 10.000 слов, произнесенных, допустим, японцем, мы можем

¹ Конечно, приблизительно: приводимые тут цифры взяты наугад.

быть и встретим, а может быть совсем не встретим слова, включающего, напр., морфему *am-* (*Praesens am-u*) и связанное с ней значение «плести». То же можно допустить и относительно морфем со значениями определенных предметов — допустим *моста*, *овцы*, *шприца*, *весла*, *поясницы*, *дедушки*, *кавычек*. Словом, ясно, что пока мы не имеем ввиду обозначения некоторых часто фигурирующих в природе и быту явлений и особенно действий (напр., день, утро, вечер, идти, давать, приходить, говорить и т. д.),¹ мы можем ожидать встретить — на данные 10.000 слов — может быть 1—2 или несколько, а может быть и ни одного случая слова, в которое входил бы данный *лексический материал* (т.-е. морфема со значением «мост», «овцы», «шприца» и т. д.). И изолируя возможность влияния индивидуальных вне-языковых условий отдельных личностей (по которым пастух, например, имел бы шансы часто говорить об «овце»), можно утверждать, что функции среднего случая единицы лексического материала (напр. морфемы со значением «мост») никак не достигнут 1% среди всей массы слов, произносимых [допустим, в течение суток] *всеми* представителями данного языка.

Итак среди элементов слова явно выделяется 2 различных класса *по частоте их функций (т.-е. участия) среди массы различных слов*; а условия, относящие тот или другой элемент к одному из этих классов, состоят, понятно в *значениях* их, т.-е. сводятся, в конечном счете, к вне-языковым данным.

Именно, среди идей, являющихся потенциальным содержанием речи, есть идеи со случайными, индивидуальными функциями (сюда относятся представления почти бесконечного ряда предметов, действий, качеств); и есть идеи, которым естественно свойственно сопровождать другие, именно вышеуказанные идеи в нашем мышлении: таковы, например, идеи арифметические

¹ И пока, разумеется, речь не идет о местоимениях, которые заслуживают совершенно особого рассмотрения, так как они обладают значением специфически абстрактным (т.-е. характерным именно для элементов *морфологической конструкции*) — см. ниже.

(представления чисел), естественно сопровождающие нашу мысль о тех или иных предметах. Это уже абстрактные идеи; но из них абстракцией уже высшего порядка является идея множественности — в противоположении единственному числу предмета. И вот потому, что наша мысль о предмете обыкновенно сопровождается мыслью об его единстве или множественности¹ (т.-е. общее представление о числе примышляется к представлению о предмете), языковая экономия приводит (в весьма многих языках) — к морфологическому приему обозначению числа: идея множественности, например, выражается не отдельным словом («много» + название предмета), а *частью слова*, т.-е. морфемой множественного числа, повторяющейся в ряде слов (обладающих значением множественности).

Точно так же наши представления о данном конкретном действии естественно сопровождаются 1) мыслью о времени совершения этого действия, 2) мыслью об известном лице или предмете, совершившем данное действие.² В результате получается

¹ Но между этими категориями единства и множества существуют, а в известных языках получают и морфологическое выражение еще категории двойственного и, реже, тройственного числа: ср. Dualis в языках арабском, обще-индо-европейском и из него — в санскрите, греческом, славянском, и с другой стороны — в современном китайском (в личных местоимениях); Dualis и Trialis — в полинезийских и меланезийских языках.

² А также и другими идеями [на которых я здесь, для краткости, останавливаться не буду], получающими (в том или в другом языке) морфологическое (т.-е. осуществляющееся посредством *части слова*, а не отдельного слова) выражение: 1) залогов (напр. в турецком — узбекском: -il/l (или in/n) — суфф. Страдат. залога, -in/-n — суффике Возвратного залога, -iŝ/-ŝ — суфф. Взаимного зал., -dir/-tir — суфф. Каузативного зал.: сравни بېرىلگەن ber-il-gæn «данный, он был дан», سوكشددله sok-iŝ-ti-læŋ «моюсь», اولدردى ol-dir-di «он убил = умертвил») 2) отрицания факта действия (турецкий и японский Negativ.: узб. Ташк. ič-mæ-di-m ئېچمەدم «я не пил», kor-mæ-gæn كورمەگەن «не видевший», بارما bog-mæ «не ходил!»; яп. Токиоск. ka'k-a-na-i «не пишет», kak-a-na-k-att-a «не писал») 3) видов глагола (напр. в южно-японском: Progressiv. kiri-joru → kijō'i, Perfectiv. kitōru → kitō'i, Linquitativ. kitō'ku — от kiru → ki: «режет»), 4) прямого и косвенного объекта действия — главным образом в так называемых полисинтетических языках: напр. в абхазском, баскском, северно-американских, а также в грузинском, венгерском, мордовском и даже во французском — напр. в je te l'ai dit

образование времен и спряжение глагола по лицам (известное, однако, не всем языкам — например в японском, корейском, и, с другой стороны, в некоторых восточно-кавказских — дагестанских языках, спряжение по лицам отсутствует).

Равным образом, для представлений качеств и свойств, приписываемых предметам, естественно потенциальное примышление *степеней* данного качества (или в сравнении с данным качеством у другого предмета или вне этого сравнения), и на этой почве вырастает морфологическое выражение *степеней качества*, — напр. в виле сравнительной степени в языках русском, санскрите (на -तर), персидском (на -tær تر, напр. بیشتر reš-tær, پستتر pæst-tær), а также превосходной, или же Усилительной степени — в узбекском (где эта степень отнюдь не предусматривает сравнения с другим предметом: æzɔn-гəq ئازانراق или æɜzɔn-гəq «подешевле»), или, наконец, Интенсива (также без презумпции сравнения, т.-е. без значения превосходной степени) — в узбекском: قىزىل q1-p-q1z1l قاپقار qə-p-qəgæ, или в японском: ma-kkuro- 眞黒, ma-ssiro- 眞白.¹

Так из самой психологической базы нашего языкового мышления (и, в конечном счете, из деления наших идей на почти бесконечное число индивидуальных конкретных представлений и на ограниченное число типично примышляемых к ним абстрактных значений — вроде числа, времени действия, отношения пред-

[æœtœledi]; в качестве типичного образца такого «объективного спряжения» приведу часть парадигмы Прош. времени в эрзянском наречии мордовского языка: неитень «я тебя видел» (субъект — 1 лицо, объект — 2 лицо; сокращенно: 1—2 л.), неия «я его видел» (1—3 л.), неидизь (1—5 л.), неинь «я их видел» (1—6); неимек «ты меня видел» (2—1), неик «ты его видел» (2—3), неимизь «ты нас видел» (2—4), неить «ты их видел» (2—6); неимем «он меня видел» (3—1), неиньзеть «он тебя видел» (3—2), неизе «он его видел» (3—3), неимизь «он нас видел» (3—4), неидизь «он вас видел» (3—5), неиньзе «он их видел» (3—6); неидизь «мы тебя видели» (4—2), неимек «мы его видели» (4—3) и т. д. . . . кончая формой неизь «они его, или их видели» (6—3=6—6).

¹ Сравни малайские аналогии: — в языке Илокано ma-saksakit от основы sakit, в тагальском ma-butiŋ-butiŋ (и меланезийск. ma-nae-nae). См. ИРАН 1919 «Одна из японо-малайских параллелей».

мета к действию или к другому предмету,¹ степени качества, приписываемого предмету, и т. д. и т. д.) вытекает, во первых, склонность сочетать в одном и том же слове обе указанные категории представлений, и во вторых, — принципиальное деление значения слова на *лексический* и *морфологический* (или *формальный*) элементы.

Соответственно этому делению частных значений (входящих в сложное значение слова) мы будем называть морфему, выражающую лексическое значение, *лексической* или *материальной* морфемой, а морфемы, выражающие морфологические (или формальные) значения [— т.-е. суффиксы, префиксы] — *формальными* морфемами (или *формантами*). Как же распределяют между собой *морфология* и *лексика* рассмотрение слова — на основании вышеуказанного деления морфем? Если бы на этот вопрос ответить просто так: «морфология ведает формальные, а лексика — лексические (материальные) морфемы», то этот ответ оказался бы не точным.²

И следовательно, полный ответ должен гласить: Морфология рассматривает, как формальные морфемы, так и лексические морфемы в составе слова — с точки зрения их участия в *морфологической конструкции* (см. выше) слова, т.-е. в выражении типично примысливаемых к лексическому значению формальных значений. Лексика же рассматривает выражение в слове лексических (материальных) значений, а потому ведает, прежде всего, лексические морфемы, включая в свое рассмотрение формальные морфемы лишь постольку, поскольку их сочетание с данной лексической морфемой отражается на лексическом значении последней.³

¹ Что находит морфологическое отображение в категориях *надежей* (или именном склонении).

² Так в немецком слове Brüder [bry:dər] вовсе нет формальной морфемы, а между тем отличие его от Bruder [bru:dər] подлежит, конечно, ведению морфологии, а не лексики.

³ Яркий пример чего мы встречаем в узбекском gəxʁæt-lik رحمتلك, где морфема gəxʁæt «милость», употребляющаяся в отдельности в значении «спасибо, благодарю», в сочетании с -lik получает уже вполне специфическое

§ 5. В особый отдел языкознания (лингвистики) могут быть выделены вопросы, касающиеся исключительно взаимоотношения между различными смысловыми представлениями, составляющими значения слов; сюда относится, например, рассмотрение связи между представлениями *сухости* и *жажды*, на основании чего объяснимо общее происхождение (этимология) немецких слов *Dürre* и *Durst*, или же — между представлениями «ясности» и «весны», на основании чего объяснимо родство японских слов *ḥaru* 春 и *ḥaru/hare-gu* 晴.¹ Этот отдел лингвистики называется семасиологией,² т. е. «наукой о значениях». Само собой разумеется, семасиология теснейшим образом соприкасается с лексикой и даже может — с известной точки зрения — рассматриваться как составная часть лексики.

§ 5. Обыкновенно вместе с языком (т.-е. устной речью) рассматривается и соответствующая ему письменность. Совокупность всех средств данной письменности называется *графикой*³ (следо-

значение (gæxmæt-lik значит уже не «благодарный» [что вытекало бы из обычного формального значения суффикса -lik], но «покойный»).

¹ Или же корейского p'ŕam (*p'ŕam) «лето», якутского sa:s «весна», туркм. ja:ḍ «лето», узб. jəz ياز «лето», чувашск. šur «весна» и манчжурск. pijarxūn «свежий, зеленый», монг. pīrai «новорожденный».

² От греческого σήμασιον (sēmáσιον) «значение». Впрочем точное разграничение смысла терминов «семантика» (которая иногда понимается как совокупность морфологии, лексики и синтаксиса — в противоположность фонетике: см. выше) и «семасиология» проводится далеко не всегда и некоторые авторы лингвистических работ допускают, напр., употребление первого термина в значении второго. Поэтому настаивать на выше приведенных определениях нет надобности (тем более, что в моем дальнейшем изложении я избегаю употребления и того и другого термина).

³ Будь то письменность или «графика» *идеографическая* (т.-е. основанная на передаче смыслового, а не звукового состава слов, каковы письменности китайская, древнейшая египетская, шумерийская), или *силлабическая* (где отдельный знак соответствует не одному гласному или согласному, а целому слогу; таковы, например, японские 片假名 и 平假名 или древний критский слоговой алфавит) или же, наконец, *звуковое* или *фонетическое* (где 1 знак, или буква, по принципу, приходится на одно звукопредставление: гласного или согласного; сюда принадлежит большинство современных письменностей [хотя нужно отметить, что некоторые из них, как например алфавиты семитические —

вательно к рассмотрению графики относится рассмотрение обозначений звуков данного языка буквами, например констатирование факта, что в современном туркменском письме буква *!* может иметь 4 функции: 1) передачу звука *а* внутри и на конце слова, 2) передачу *а:* долгого в тех же позициях, 3) в начале слова перед согласным передачу звука *е*, 4) в начале слова перед следующей гласной — нулевое звуковое значение). А совокупность правил о том, как следует писать отдельные слова, называется *орфографией*¹ (хотя на практике слово «орфография» употребляют также в смысле общего термина для графики с орфографией, — когда говорят например об «узбекской орфографии 1923 года» или «казакской орфографии 1924 года» и т. д.).

§ 6. Подобно тому, как письмо оказывается в фактическом быту дополнением или привеском к системе речевого обмена (языку), так и учение о графике и орфографии составляет привесок к языкознанию (науке о языке).

Другим подобным же (только гораздо менее разработанным) привеском к лингвистической науке может считаться изучение *жестов*, являющихся (особенно в языках народов, близких к первобытной культуре) типичным аксессуаром речи [хотя общепринятого термина для этого учения и не существует: оно рассматривается обыкновенно в качестве одного из отделов «коллективной психологии», или так называемой «Völkerpsychologie»].

§ 7. В зависимости от деления, указанного в § 2, *фонетика* может быть *описательной* и *исторической*. Описательная фонетика рассматривает, например, русское слово *день*, как состоящее из 3 звуков [d], [e], [n']; а историческая может сказать по поводу звукового состава этого слова еще то, что раньше оно состояло

в их первоначальной форме с изображением одних только согласных, а также индийский *Devanāgarī* и тибетский, обнаруживают переходный характер между стадией силлабической и звуковой]).

¹ От греческих слов ὀρθός (orthos) «правильный» и γράφω (graphō) «пишу».

из 4 звуков (на что указывает древнее написание **ДЪНЬ**), из которых второй был одинаков с четвертым.¹ Она может еще прибавить объяснение, почему четвертый звук [который, как, разумеется, и второй, — был звуком гласным] исчез, а второй сохранился: это стоит в связи с общим законом, по которому в древне-русском языке звук, изображавшийся (в древне-церковно-славянской и в древнейшей русской письменности) буквой **Ъ**,² в известную эпоху перестал произноситься, за исключением тех, однако, случаев, когда за данным звуком в непосредственно следующем слогѣ опять имелся звук, который сам подлежал исчезновению (т.-е. один из двух звуков, изображавшихся через **Ъ** и через **Ь**); в таких случаях исчезал этот второй звук, а первый [т.-е. в слове **ДЪНЬ** — звук, изображавшийся первым **Ъ**] переходил в звук типа [e],³ — изображавшийся буквой **Е** (откуда

¹ И звучал, вероятно, в виде весьма краткого гласного, промежуточного между звуками [i] и [e], т.-е. аналогично современному казакскому («казак-киргизскому») краткому **ی** ^۶ [=د^۶] например в словах **کسی** [kʲsʲ], **دشتی** [bʲtʲ], **بمزد دکی** [bʲzɖʲkʲ], **جنگت** [ʒŋgtʲ].

² Как и звук, изображавшийся (в ту эпоху) буквой **Ъ**. О том, как произносился этот гласный звук (Ь), историческая фонетика (как и относительно древнего произношения звука Ъ, — см. подстр. примеч. 1) тоже позволяет иметь некоторое (хотя, конечно, лишь приблизительное) представление. Именно, весьма вероятно, что этот весьма краткий гласный звук произносился или сходно с современным казакским **ی** [=د, ۶] например в словах **تمنشی** [tʲnʲʂ], **سندی** [sʲndʲ], **سند دردی** [sʲndʲtʲrdʲ], — в том случае, если **Ъ** произносился уже без губной работы, или же сходно с казакским **و** — например в словах **وُش** [ʋʂ], **تور** [tʋr], **بویورماق** [bʋjʋrmaq], — в том случае, если древне-славянское **Ъ** сохраняло еще губную работу, унаследованную от его предшественника — индо-европейского *u. [При этом возможно, что произношение **Ъ** колебалось в данном отношении (т.-е. между сходством с казакским **ی** и казакским **و**) в разных древне-славянских языках: так в польском и в сербском (где первое **Ъ** в слове **СЪНЪ** дает е — в польском, или же а — в сербском: **СЪНЪ** → польское sen [sen], сербское САН [san]), можно думать, произносился — в рассматриваемую нами эпоху — **Ъ** без губной работы, в роде казакского **ی**; а в древне-русском (где первое **Ъ** в слове **СЪНЪ** дает О: **СЪНЪ** → сон [son]) — **Ъ** с губной работой, в роде казакского **و**].

³ Вполне понятно, что оба **Ъ** в слове **ДЪНЬ** (как и оба **Ъ** в слове **СЪНЪ** «сон») исчезнуть не могли: иначе слово осталось бы без гласного звука. Но с другой стороны, понятно и то, что первое **Ъ** в **ДЪНЬ** не могло остаться

позднейшее русское написание ДЕНЬ). Потому-то в слове, которое писалось ДЬНЬСЬ (ДЬНЬ «день» + СЬ «сей») исчезал последний гласный, предшествующий ему переходил в Е, а первый, у которого не было причин к сохранению (раз второй не исчезал), исчез из произношения, как и третий; в результате получилось современное *днесь* [dn'es'], имеющее только один гласный.¹ В слове же *день* из ДЬНЬ исчез, наоборот, второй гласный.

Одним указанием предшествующих этапов развития (в роде

в своем прежнем виде, а должно было уподобиться какому-либо другому гласному ([e] с мягкостью предшествующего согласного в русском и польском: рус. день [d'en'], польск. dzien' [ʒen'], в сербском же — а: ДЬНЬ → сербск. дан [dan]): это потому, что с исчезновением звуков Ъ Ь в громадном большинстве их случаев, тех случаев, где они по особым причинам уцелевали, было недостаточно для закрепления в языковом мышлении особых принципиально отличных от других гласных звукопредставлений Ъ Ь.

¹ Однако, древний звук, изображавшийся через Ъ, оставил в большинстве случаев след своего существования в «мягкости» предшествовавшего ему согласного (напр. в конечном съ [s'] в *днесь*), почему в современной русской письменности буква Ъ используется, как одно из средств обозначения «мягких» согласных (в отличие от «твердых»), напр. в спать [spa't], льет [l'jot], льна [l'na]. Сравни вполне сходное явление в истории падения (исчезновения) «японских Ъ Ь», т.-е. звуков того же общего типа, что и древне-славянские Ъ Ь, т.-е. японских кратких i u (которые — при наличии определенных условий — обращаются в нуль в современном произношении почти во всех японских говорах). Именно, японское краткое i, выпадая (в благоприятной для этого позиции: после спиранта, перед следующим глухим согласным или на конце слова при отсутствии муз. ударения и т. д.), оставляет след своего существования в мягкости предшествующего согласного (например ś — из древнего *s): Токиоск. ʔaś(i) 箸 «палочки для еды», -des̄a ← -*desita, -maśa ← -*masita и т. д. (сравни наоборот «твердое» s в -des ← -desu, -mas ← -masu и т. д.). Примечание. Но подобно тому, как и при падении славянского Ъ не получалось «мягкости» предшествующего согласного в таком славянском языке, где вообще отсутствует категория парных мягких согласных (съ, пь, бь, рь, зь и т. д.), — именно в сербском (где ДЬНЬ → дан [dan]), так и в известных японских говорах (которым парные мягкие согласные почти или совсем чужды), — именно в северо-восточных, падение гласных в слогах *si и *su дает одинаковые результаты: Аомори ʔhask-o (箸 子 + постпозитивный член -ko 子), ʔnas-ko

(茄 ナ + член -ko 子).

*suŋu → sʲuŋʲ → son и т. д.) историческая фонетика, однако, может не ограничиваться, а идти — в поисках причин явлений — и дальше, — объясняя мотивы совершившихся в данном случае фонетических изменений. Так например, общим объяснением, как для славянского исчезновения звуков Ъ Ь (принадлежавших к типу «узких кратких гласных u и i»), так и для аналогичных процессов сокращения и затем утраты кратких u и i в ряде других языков,¹ явится указание на то, что расход, т.-е. выдох воздуха при узких гласных (i u, а также y ш) в единицу времени оказывается ббльшим, чем при других гласных (напр. а). Естественно поэтому, что расходуя одно и то же количество воздуха можно произносить гласный а, допустим, в течение $\frac{2}{5}$ секунды, а гласные u, i — лишь в течение $\frac{1}{5}$ секунды [это цифры, конечно, только примерные, хотя их можно было бы заменить и точными, проработав этот вопрос инструментальными опытами в Кабинете Экспериментальной Фонетики]. От этого звуки i u скорее подлежат сокращению (и в конечном результате сокращения —

¹ О японском явлении мы уже говорили (подстр. прим. стр. 28). Добавлю только, что в иные эпохи и в иных говорах для падения кратких i u особо благоприятной позицией является не только позиция после спирантов (и аффрикат), как в современном Токиоском: ср. падение i после r в некоторых диалектах южной группы — tori¹ 鳥 → Кумамото tor', откуда затем в прибрежных Нагасакских говорах tor' → toj и в Рюкюск. tui; ср. также древние случаи падения i после носового — например *no'do (= *nono) ← no'm(i)-to¹ «горло». Кроме японского можно отметить назревание сходных явлений (для кратких узких гласных) в языках: ново-индийских (напр. Маратхи), турецких [в казакском все 4 кратких узких гласных: *i, *u, *y, *a — уже сильно редуцированы во всякой позиции; в узбекском Ташкентском на очереди к падению стоит i (← тур. *i, *u), которому уподобляется — в благоприятных для редукции позициях и гласный u; ср. t(i)l تَل «слон», b(i)r ببر, b(i)z بز, ė(i)š ← tš ← *tiš تشى «зуб», ė(i)š-məq ← tuš-məq вм. *tyš-məxك توشمەك «падать»], китайском [напр. 'dā-s ← 'dāsī 打死 (ср. яп. si = 死), 'bi-z 鼻子 и т. д.], персидских говорах, бурятском, монгольском и калмыцком [ср. *møŋin → møŋŋ; здесь впрочем явление внешне осложняется тем, что на пути к падению все калмыцкие краткие гласные не-первых слогов совпали — в одном звукопредставлении — с узкими гласными], корейском [где на очереди к редукции стоит гласный ш: ср. суффикс множественного числа и Именит. падежа -dŋr-i ← -dŋr-i (дублет -dar-i)] и т. д. и т. д.

падению), т.-е. «изнашиваются» в определенный срок языковой эволюции больше, чем другие гласные (напр. а). Иначе говоря, краткие узкие гласные принципиально являются «исторически-неустойчивыми» (по сравнению с другими).

§ 8. Выше приведенный в § 7 пример (историко-фонетического рассмотрения вокализма [т.-е. гласных] русских слов *день*, *днесь* и *сон*) показывает, что историко-фонетическая мотивировка обследуемого явления складывается: 1) из установления предшествующих этапов (т.-е. форм в языках прошлых поколений) для данных конкретных слов и звуков,¹ 2) из ссылки на общие для аналогичных фактов во всех языках законы историко-фонетического развития (т.-е. общие принципы или законы звуковой эволюции).² Соответственно этому различию в характере объяснений, из *исторической фонетики*, понимаемой, как исторический анализ данных конкретных звуковых явлений определенного языка (например русского, японского, китайского, казакского), я выделяю под именем *фонетической историологии*³ общее учение о действительных для всех языков принципах и причинах звуковой эволюции.

§ 9. На тех же основаниях, на каких описательная фонетика противопоставляется исторической, описательная *морфология* противопоставляется исторической морфологии, описательный *синтаксис* — историческому синтаксису. Равным образом возможны понятия: морфологическая историология и синтаксическая историология.

¹ Куда относится, значит, установление следующих этапов эволюции для материала данных примеров: *sunu → sʹɛnʹɛ (ср. древнюю графику СʹННʹɛ) → русск. сон (герм. польск. sen, сербск. san); *dini → dɛnʹɛ (графика ДННʹɛ — напр. в Остромировом Евангелии 1056 года) → русск. d'enʹ (герм. польск. zenʹ, сербск. dan), и т. п. Или же, в виде формулы для отдельных звуков: «*u → ʹɛ → нуль, герм. *u → ʹɛ → русск. о (польск. е, сербск. а) — если гласный, как таковой, должен был сохраниться», и т. п.

² Сюда относится указание на историческую неустойчивость узких гласных (сравнительно с другими) и на физиологическое обоснование этого.

³ Термин заимствован у профессора Н. И. Кареева, употребившего слово «историология» в применении к историческому процессу.

§ 10. На практике историческое языкознание очень трудно отделить от *сравнительного языкознания*¹ или точнее от изучения истории родственных языков. Поскольку историк языка рассматривает не один какой-нибудь язык или говор в его развитии от более древнего состояния до более нового, а привлекает к рассмотрению и соответствующие явления в родственных языках, он уже занимается сравнительным или сравнительно-историческим языкознанием. Итак, в основу сравнительного языкознания ложится понятие родственных языков. Родственными языками мы называем такие языки, в которых имеющиеся на лицо черты сходства не могут быть объяснимы иначе, как путем предположения общего происхождения данных языков. Например, между японским и рюкюским языками наблюдается громадный ряд совпадений, состоящий, между прочим, в том, что многие слова или части слов, связываемые и в японском и в рюкюском с одним и тем же значением, имеют в обоих языках тождественный или сходный языковой состав. Например, слова *tama* 玉 *sara* 皿 *hana* 鼻 звучат в обоих языках одинаково (приблизительно одинаково даже с точки зрения акцентуации), слово *ki* 木 отличается в Рюкюском только долготой гласного — *ki:* (что однако совпадает с долготой данного гласного в Кiotоской и Тосаской форме *ki:* [= *ki*^г:], так что различие от Рюк. состоит только в Кiotоской и Тосаской акцентуации)]; слова же яп. *tori* 鳥 и рюк. *tui* звучат неодинаково, но сходно (общие моменты: начальное *t* и конечное *i*). И наконец, форма прошедшего времени яп. *jonda* (зап.-яп. *jo:da*) характеризуется чередованиями (по сравнению с формой Praesens'a *jobu*) *d-||b-* и *-a||-u*, что повторяется в рюкюской форме прошедшего *jud-a-η* — при Praesens'e *jub-u-η*; а падеж логического подлежащего (Subjectivus) от основ на *a* имеет тоже окончание — *a:*, что и в южно-японском (в Кюсюских говорах, например в префектуре Нагасаки), например в рюкюских формах Subjectivi *ti:ra:* (от *ti:ra* «солнце») *ka:ra:*

¹ По-немецки *Vergleichende Sprachwissenschaft*, по-французски — *linguistique comparée*.

(от ka:ra «река»), anda: (от anda «масло»): сравни Нагасакск. jama^г: (от ja^гma «лес»),¹ hana₁: (от ha₁na «нос»), abura: (от abura² «масло») и с другой стороны соответствующие центрально-японские jama-wa, hana-wa, abura-wa (из *ja₁ma-ra, *gapa-ra¹ и т. д.

Аналогичные сходства в тождественных (или близких) по смыслу словах и формах можно назвать и, например, между языками: «турецкими» в узком смысле слова (например османским, узбекским, туркменским, казахским, киргизским и т. д.) и якутским или чувашским: например: узбекскому (Ташкентскому) toB تاغ «гора» соответствуют однозначные казахское taw تاو, киргизское to: تۈۈ, туркменское daB داغ, чувашское tu и наконец якутское tша («tиъ» в современной якутской графике) — «лес».⁵ Узбекскому ot ئوت (и o:d- в северно-узбекском: в Икане и Кара-Булаке) «огонь» соответствуют [с тем же значением: огонь] казахское ot وت, киргизское وت, османское ot اوت, туркменское o:d اود, северно-кумыкское ut, южно-кумыкское ot, татарское ut, чувашское vut и якутское uot. Узбекской морфеме boi- «быть» (بول — «будь!») корреспондируют туркменск. boi- بول, казахское boi- بول, киргизское boi- بول, татарское bui, северно-кумыкское bui (южное boi), чувашское pul и якутское bui. Равным образом найдется длинный ряд сходств и в формальных морфемах: возьму один пример: узбекскому (Ташкентскому) притяжательному суффиксу 3 лица³ -ى ۋи соот-

¹ Киотоск. ja₁ma, Ток. ja^гma [Ш] «гора» получает в Кюсюских говорах значение «лес» [сравни аналогичные семасиологические соотношения между русским гора и сербским гора «лес», или же между турецким taB تاغ (узб. toB), казахским taw تاو «гора» и якутским tша «лес» [tша ← *tu: ← *tshu ← *tau ← *taB].

² Рюкюское anda точно соответствует Токиоскому abura, Тосаскому ga₁mura, Киотоскому ga₁bura и т. д., также как и рюк. собств. имя sanda: — японскому saburo: (из *samburaM ← др.-кит. sam-lan 三郎) или же рюкюск. -nda ← mura 村 в виде второй части названий мест — японскому mura («деревня»).

³ Т.-е. суффиксу, означающему принадлежность предмета 3-ему лицу, а значит имеющему значение русских вульгарных местоимений «егоный, ихний», напр. ot-i ئاتى «его лошадь» = егоная лошадь», oj-i ئويى «его дом» = егоный дом или их дом = ихний дом».

ветствуют в других турецких языках чередования -i/-ш или -i/-ш/-ц/-у (пишется же чаще всего ى ; например османск. et-i انى «его мясо [= евовое мясо]», туркм. et-i «его мясо» a:d-sh ادى «его имя» qsh:ǵ-sh قىزى «его дочь» ba:ʃshB-sh «его рыба», казакск. и киргизск. oq-q وقى или قو «его стрела», киргизск. qshz-sh «его дочь» и т. д. и т. д.), а в чувашском -i или -ə (pull-i «его рыба», xəg-ə «его дочь»).

Точно так же могут быть выисканы ряды сходных слов и морфем для других групп языков: например 1) монгольского (в узком смысле), бурятского и калмыцкого, 2) персидского (с его наречиями, включая, например, таджикский и татский яз.), курдского, осетинского, афганского, ягнобского, шугнанского (и других мелких языков Памира), 3) немецкого, английского, шведского, датского, голландского,¹ 4) французского, итальянского, испанского, португальского, румынского и других «романских»,² 5) русского, польского, сербского, болгарского, чешского и других «славянских».³

Объяснять все эти ряды совпадений (между японским и рюкюским, между турецкими языками, между польским и русским и т. д.) случайностью, конечно, невозможно. Единственной причиной подобных сходств может быть только то, что данные языки получили эти, обнаруживающие друг с другом сходства, слова и морфемы — из одного общего источника. А если эти сходства носят систематический характер, т.-е. повторяются *passim* (сплошь и рядом) на всем протяжении словаря и морфо-

¹ Сравним хотя бы слова: нем. *schlagen* [šla:γ-ən], шведск. *slå*[slo], английск. *slow* [sloʊ]; нем. *Man* [mal], англ. *man* [mæn] и т. д.

² Сравним: франц. *je sais* [ʒə-se] и испанск. *yo se* [jo-se]; франц. *viens* [vjɛ̃] и итальянск. *viene*; франц. *rain* [rɛ̃] и португальск. *rao* [rɐ̃u] (откуда, между прочим, заимствовано и японское rain レイン).

³ Например, слово *конь* [konʹ] в русском и польском звучит одинаково, слова *дуб* и польское [dɔb], *день* и польское [ʒenʹ], *сон* и польское [sen] неодинаково, но сходно, и часть слова *был* [bʃ-ɪ], состоящая из звука ɪ, связываемая со значением прошедшего времени (— т.-е. суффикс прошедшего времени), повторяется с тем же значением и в польском (*był* [bʃ-ɪ]).

логии, то остается допустить, что данные языки (японский и рюкюский, русский и польский, и т. д.) суть видоизменения одного языка, существовавшего в более древнюю эпоху. Путем передачи этого языка от одного поколения другому (т.-е. путем обучения, вернее самообучения детей языку старших) этот язык дожил и до настоящего времени, но в видоизмененных, точнее в разнообразным способом видоизмененных формах (примерами которых служат не вполне сходные слова и формы — в японском и рюкюском,¹ узбекском — туркменском — татарском — якутском и т. д.,² французском и испанском,³ русском и польском и т. п.). Этим объясняются сходства между данными языками, но вместе с тем рождается и недоумение: чем же объясняются различия? Откуда взялись видоизменения исходной формы, да еще специфические, своеобразные в каждом отдельном языке?

Разве дети, подражая языку взрослых, не должны были бы копировать его в точности? Но если бы они копировали его в каждом поколении с безусловной точностью, то современный русский и современный польский [respective японский и рюкюский, resp. татарский и туркменский и т. д.] ничем не должны были бы отличаться ни друг от друга, ни от их предка — языка древней эпохи. По этому поводу нужно установить:

1°. *Факт различия между языком детей и языком взрослых.* Именно, дети, обучаясь языку взрослых, вносят в него некото-

¹ Напр. яп. Ток. tori-wa (от tori), яп. Нагасакск. tor'a₁: (от to₁i), рюкюск. ture: (от tu₁) [исходная форма: *tori-pa¹].

² Напр. османск. и узб. jol يول, туркм. jol, тат. jul (Касимовск. žul), киргизск. žol, казакск. žol جول, якутск. juol чув. šul [исходная форма: *jo:1]; узб. Ташк. jöz ياز «лето», туркм. ja:ð ياز, киргизск. žaz, казакск. žaz جاز, якутск. sa:s «весна», чувашск. šur «весна» [Праформа: *ja:rz (знак (*) rz обозначает здесь особый праязыковый согласный, превращенный в чувашском в r, а прочими турецкими языками в z, откуда впоследствии туркменское ð, якутское s; может быть это *rz было согласным типа северно-китайского г-兒耳二爾 ?].

³ Напр. франц. homme [om] и испанск. ombre [исходная форма *(h)om[i]-ne(m) = латинск. hominem].

рые изменения;¹ эти изменения не слишком значительны, — не настолько велики, чтобы бросалась в глаза резкая разница между языком двух смежных поколений (отцов и детей); но на протяжении ряда поколений этих изменений накапливается столько, что новый язык существенно отличается от языка древней эпохи.

2°. *Возможность разнородности изменений в языке*, передаваемом от поколения к поколению. Так, возможно, что при передаче какого-либо языка от взрослых детям, ребенок, принадлежащий к одной семье, допустит некоторое изменение, которое будет отсутствовать у детей другой семьи, или которое будет произведено, но несколько отличным образом у детей третьей семьи. Таким образом у разных представителей поколения могут оказаться своеобразные различия, отсутствовавшие в языке предыдущего поколения. И аналогично этому, в разных языках одной более новой эпохи могут оказаться различия, отсутствовавшие в более древнюю эпоху в том языке, из которого происходят данные языки. Так мы уже выше видели, что в русском сон [son] имеется гласный звук [o], а польском sen [sen] — гласный звук [e];

¹ Так в языке ближайших к современному моменту поколений, т.-е. на наших глазах, произошло следующее фонетическое изменение в нашем общерусском стандартном языке: в то время, как поколение предшествующее употребляло (да и употребляет теперь) особое, — именно «проточное» (или спيرانтное, см. ниже) «г» [γ] в словах бога, господи, благо и некоторых других, новейшее поколение произвело подстановку в этих случаях нормального «смычного» «г» [g], т.-е. произносит [boga], [gospad'i], [blagā] с тем же звуком [g], что и в словах город, нога [gorat], [naga] и т. д. Иначе говоря, новейшее поколение совсем устранило фонему [γ] из числа своих звукопредставлений (произведя, следовательно, упрощение обще-русской фонетической системы посредством конвергенции $\gamma \times g \rightarrow g$; см. ниже главу о факторах фонетической эволюции). Примечание. Проточное [γ] существовало в литературном великорусском говоре в указанных словах благодаря древнему южно-русскому влиянию: большинство духовенства в древней Руси принадлежало к южно-руссам (и в частности киевлянам), а потому произносило «г» проточное (малороссийск. [ɦ]) во всех словах; великорусское же население стало подражать ему, естественно, именно в специфически религиозных словах, слышанных от духовенства в церкви, — каковы вышеприведенные бога и т. д., приобрета таким образом лишнюю согласную фонему (хотя [γ] великорусское в бога и т. д. и не точно соответствует малороссийскому [ɦ]: см. ниже «Звуковой состав русского языка»).

в том же древнем языке, из которого произошли польский и сербский был здесь особый звук (обозначавшийся в славянской письменности **Ъ: ЪНЪ**), который по-разному изменился (в данной позиции) в польском и русском (**Ъ** → польск. е, русск. о). Для японского Токиоского (и Киотоского) *upaŋi*, Нагасацкого (и Тосаского) *opaŋi* и рюкюского *paŋaŋi* «угорь» общей исходной формой можно признать **mpaŋi* (или **mpaŋi*)¹ — на что указывает между прочим и древняя орфография *mi na gi* (наряду с *wo na gi*, см. словарь Ямада **山田**); это значит, что древний слогообразующий носовой **m̥* в одной части японских говоров (куда принадлежат «нормально-японские» центральные и восточные говоры, в том числе напр. Токиоский [— из восточных] и Киотоский [— из западных]) уподобился звукопредставлению *u* [т.-е. произошел переход **m̥* → *u*, или, что то же, конвергенция **m̥* × *u* → *u*]; а в части южных и части западных говоров (на Кюсю и на Сикоку — в Тоса) **m̥* → *o* [т.-е. имела место конвергенция **m̥* × *o* → *o*]; и, наконец, в самой южной половине южной группы — в рюкюском мы имеем, в данной позиции, **m̥* → *n̥*; т.-е. носовой слогообразующий сохранился, как таковой, изменив только место ротового образования — ввиду ассимиляции к следующему согласному *n* (*mpaŋi* → *paŋaŋi*).

Для узбекского *jaz* **ياز** «лето», казакского *žaz* **жаз**, туркменского *ja:ð* **ياز**, якутского *sa:s* («весна»), чувашского *šur* («весна») восстанавливаются: для «турецких» языков в узком смысле слова (т.-е. с исключением чувашского [но включая

¹ **mpaŋi* является исходной формой для восточных и многих центральных («западных») говоров, **mpaŋi* — главным образом для южной группы. При этом надо заметить, что восстанавливаемая нами в качестве исходной форма **mpa^ŋ_gi* в свою очередь возводима к более древнему этапу — вероятно **mipaŋi*

[ср. соответствие Ток. и || Наг. (и Тосаск.) о в другом примере: *usaŋi* **兎** (Киото *usaŋi*) || Нагасаки *osa,gi* (Тоса *o'sagi*), для которого возможно гипотетическое сближение с малайским *mu'saŋ* 'Paradoxurus hermaphroditus': допускаю, что выходцы из южного архипелага перенесли имя *мусана* на его бытовой эквивалент, каковым на японских островах оказался заяц].

общение, был одинаковым, суживает сферу возможных индивидуальных отличий в представителях этой группы. На этом основывается то, что обычно индивидуальные особенности речи отдельных лиц сознательно или бессознательно устраняются. Потому, если внутри какой-нибудь сплоченной социальной единицы (семьи, рода и племени) и возможны изменения языка по мере передачи его из поколения в поколение, то это такие изменения, которые будут одобрены¹ большинством представителей данного поколения данной социальной единицы. Потому же социальные группы, которые связываются тесным общением, имеют более или менее однородный язык, и чем теснее такое общение, тем больше в языке однородности (т.-е. меньше наблюдается индивидуальных отличий). Так, язык семьи более однороден, чем язык племени; язык племени, не делящегося на обособленные роды, более однороден, чем язык племени, обладающего этим делением; язык города более однороден,² чем язык населения,

¹ Одобрены, разумеется, не в смысле сознательно-критического обсуждения и приговора. Точнее сказать: изменения, которые будут совершены (т.-е. сделаны самостоятельно каждым ребенком при перенятии языка от взрослых) или приняты (т.-е. переняты от тех сверстников, которые их произвели самостоятельно) большинством детей данного поколения.

² При этом и внутри одного города могут наблюдаться различия по «районным» говорам (или «подговорам») — что опять-таки зависит от степени замкнутости населения отдельных районов. Так в Токио можно установить некоторые особенности для говоров почти каждого «ку» 區. Сравни наблюдения японца (Т. Такахаси во введении к «Kokutei-tokuhon hatsuon-jiten» т.-е. «Фонетическому словарю к установленной правительством хрестоматии», 1904): «Если мы посмотрим внимательно, то даже в чисто Эдоском [т.-е. Токиоском] языке представляются известные различия. Во-первых, есть говор нижней части города — Ситамати, т.-е. торгового люда кварталов Кёбаси, Нихонбаси и Асакуса, и есть другой говор жителей квартала Канда, так называемых «кандакко», и части кварталов Хонгё и Ситая. Затем есть говор Ёцуя, представляющий вульгарную речь мест, населенных беднотой. Затем есть говор Хондзё и Фукагава, являющийся грубым языком матросов и рыбаков»... «Ударение говора Ситамати, т.-е. торгового люда, кажется местами вульгарным. Напр. вместо deŋ'wa «телефон», Ёбаša «извозчик» в Ситамати говорят deŋ'wa, ba'ša. Нет ничего приятного для уха в произношениях 'çi'baši (жаровня), 'çi'baši (металлические палочки, исполняющие роль кочерги) [вместо çi'baši çi'baši. Е. П.]. И такие интонации чувствуются вульгарными». Основания для этого диалектического разнообразия

разбросанного по отдельным деревням (особенно, если нет хороших путей сообщения); язык страны, объединенной одним культурным центром, более однороден, чем у страны, где экономическое и культурное значение столицы не преобладает над значением других пунктов.

Сравним, в качестве примера, отсутствие диалектов (т.-е. более или менее крупных расхождений в говорах разных территориальных групп) в казакском языке, — языке кочевого ¹ народа с масштабом кочевок от Каспийского моря до Китая, и с другой стороны чрезвычайное разнообразие в говорах отдельных кышлаков у оседлого узбекского населения — при его чрезвычайной неподвижности и отсутствии реальных обще-национальных политических объединений [имею ввиду, конечно, эпоху до русского завое-

районных, — и в то же время классовых и профессиональных говоров, сводятся в конечном счете, разумеется, к экономическим факторам, — ибо экономическими потребностями определяется и круг языкового общения, в котором нормально участвует каждое данное лицо. И нам легко станут понятными эти районные подговоры в японской столице, если мы вспомним, с одной стороны, ту громадную площадь, на которой раскинут Токио, и с другой стороны, чрезвычайную замкнутость отдельных районов [«ку»] в еще недавнем прошлом (когда весьма часто японка проживала свой век, не покидая своего родного района).

То же мы встретим и среди других городов Японии — напр. в Акита 秋田, где резко выделяется районный говор под названием ūzi-mazi-godomba 内町言葉 (ути-мати-котоба в нормально-японском произношении), т.-е. «язык внутренней части города [кремля]», где жило в старину самурайское [武士シ] население. Это, следовательно, пережиток классового диалекта (в данной территории).

То же — при аналогичных условиях — и внутри городов других национальностей: напр. в Ташкенте, где город كوكچه دهه kokčə dəhə (Кукчинской части) имеет, напр., некоторые своеобразные особенности по сравнению, напр., с بېش څاغ دهه beš-əwə dəhə (Беш-Агачской частью). Но тут могло иметь место и различие в этническом составе древнего населения этих частей (см. мою «Этнографическую характеристику узбеков», вып. I, где дается подсчет иранских и турецких названий مه‌لله, — приходов, в разных частях Ташкента).

¹ Так как оседание казаков на землю началось в недавнее время. В казакском языке, действительно, нет диалектов и можно говорить, пожалуй, только о говорах и подговорах (сравни, напр., произношение ʒ как ʒ у казаков Зайсанского и Усть-Каменногогорского уездов [а также, кажется, среди представителей Средней Орды] вместо обычного ʒ = ž, т.-е. «ж»).

вания: узбек, уроженец какого-нибудь Икана или Кара-Булака, обычно не только не бывал в Ташкенте, т.-е. за 100 верст от своего кышлака, но даже почти не отлучался и в соседний кышлак; в политическом же отношении он считал и называл себя не гражданином Бухарского или Кокандского государства, а лишь i:qan-luq'ом (иканцем), mænkaet-lik'ом (манкентцем), qara-bulaq-luq'ом (кара-булакцем), наконец tɔʃkaen-lik'ом (ташкентцем) и т. д. — т.-е. по имени своего кышлака или города].

Итак, общий язык у данного коллектива существует постольку, поскольку его реальный быт (обусловленный, конечно, экономическими потребностями) предполагает потребность в постоянном перекрестном общении между членами данного коллектива.

И наоборот, когда мы встречаем в истории какого-либо народа разрыв общения между отдельными группами, составляющими этот народ, мы обычно видим, что благодаря разному направлению совершаемых в языке каждой из отделившихся групп изменений, между языками этих групп вырастает целый ряд отличий, и эти отличия могут возрасти до такой степени, что взаимное понимание между людьми, принадлежащими к различным отделившимся группам, может стать совершенно невозможным (до чего, например, еще не дошло дело в польском и русском, или же в азербайджанском и туркменском языках). Иначе говоря, та потребность во взаимном понимании членов какого-либо общения, которая нивелирует индивидуальные изменения в языке, исчезает при разрыве данного общения, и вместе с этим разрушается и единообразие языка.

§ 11. В предыдущем параграфе слово *язык* употреблялось в широком смысле — как для обозначения языка семьи, языка рода, языка племени и т. д., и такое употребление этого слова желательно оговорить и для дальнейшего. *Языком* я буду называть всякую совокупность или систему ассоциаций между представлениями речевыми (представлениями звуков, слов, частей слов, предложений) и представлениями внешнего мира или так называемыми «внеязыковыми» (т.-е. понятиями, которые выра-

жаются в языке), независимо от того, существует ли эта система в уме большого или малого числа лиц, или даже только в уме одного лица. Таким образом можно говорить и об *индивидуальном языке*: языке Петрова или Иванова, хотя бы язык Петрова отличался от языка Иванова только одной какой-нибудь чертой, например, картавым [— физиологически: язычковым или увулярным (— см. ниже)] произношением звука [г] или произношением формы Родительного падежа *ея* [jeja] вместо её [jejo] (например в *ея дом* [jeja dom]¹ вместо [jejo dom]). С этой точки зрения можно назвать языком и говор одной какой-нибудь деревни, и подговор, и наречие (напр. японское Тоса'ское наречие, — совокупность обладающих известными общими чертами говоров городов и деревень провинции Тоса 土佐, начиная с говора ее главного города Кёти), и такое употребление слова *язык* в широком, общем смысле удобно потому, что не заставляет прецизировать (— уточнять) вопрос о положении данного говора или наречия в кругу родственных говоров или наречий тогда, когда это не является нужным. Но нужно отметить, что в узком смысле слово *язык* может быть употребляемо для объединения целого ряда индивидуальных говоров, являющихся между собою родственными и притом не настолько сильно различающихся друг от друга, чтобы это не препятствовало взаимному пониманию их носителей;² вся

¹ Такая форма Родительного падежа свойственна, например, языку петербургской интеллигенции и объясняется, очевидно, влиянием графики (до-революционной) на морфологию устного языка.

² Но здесь, разумеется, нельзя установить точного критерия (— критерия понимаемости одного языка, гевр. наречия, для представителя другого): в одном случае понимание будет достигнуто (например между османцем и татаринцом, или даже — иногда — якутом), а в другом случае — не достигнуто, что будет зависеть и от темы, и от мыслительных способностей данных индивидуальных лиц. Поэтому-то, принимая, в общем, указанный критерий (взаимной непонимаемости — для языков, и взаимной понимаемости — для наречий), трудно решить являются-ли турецкие языки [не говоря в данном случае об обладающем особыми специфическими отличиями якутском, и тем более чувашском] по отношению друг к другу — языками или же наречиями. То же можно сказать и о славянских языках, гевр. славянских наречиях [сравни терминологию предшествующего поколения славистов и туркологов: «славянские наречия», «турецкие или тюркские наречия»].

эта масса индивидуальных говоров может делиться на наречия, наречия на поднаречия, поднаречия на диалекты, диалекты на говоры, говоры на подговоры, и эти последние, наконец, будут состоять из индивидуальных говоров. Строго говоря, только индивидуальный говор и есть нечто вполне определенное с качественной точки зрения, иначе говоря — язык, доступный точному описанию. Поскольку мы переходим от индивидуального говора к языку известной группы лиц, мы уже имеем дело с некоторой абстракцией; разумеется, ценно и важно отметить именно то, что является общим для всех членов данной группы, т.-е. что имеет социальное значение, но сделать это непосредственно нельзя, так как фактически мы встречаемся только с языком определенного индивидуума, обладающим помимо общих черт и своими индивидуальными особенностями.¹ Правда, существование более или менее единообразного языка, которым пользуются члены известного общения, объединенные единой письменностью, сразу дает нам большой комплекс общих черт, существующих в языковых мышлениях индивидуумов, входящих в данное общение.

И такой язык можно противопоставлять под именем *литературного языка* понятию языка, как совокупности ряда родственных говоров. Таков, например, русский литературный язык (в исторической своей основе — Московский говор); в Японии же — обще-японский письменный литературный язык,² противопоставляющийся, во-первых, понятию японского языка, как совокуп-

¹ Хотя большинство из специфических особенностей индивидуальных говоров остается неизвестным для лиц непривычных к лингвистическому наблюдению. Особенно это неведение характерно для своих собственных индивидуальных речевых особенностей. [Достаточно указать на то, что довольствуясь в отношении звуков [r] [r'] — общим делением на «картавящих» и «не картавящих», обыватель не подозревает о разных типах «картавления»: 1) типе говора с «р» = [R], «рь» = [r'], и 2) типе говора с «р» = [R], «рь» = [R']; см. ниже «Звуковой состав русского языка»].

² Объединяющий грамотное население всей Японии за исключением представителей рюкюского языка (т.-е. рюкюсцев, — населения префектуры Окинава), обладающих своим собственным — рюкюским литературным языком.

ности всех японских говоров, и во-вторых, обще-японскому стандартному разговорному языку (в основе своей — Токиоскому говору), становящемуся за последний исторический период (эры **明治** и **大正**) единым разговорным языком японской интеллигенции. Но не надо думать, что литературный письменный язык будет всегда близок к какому-нибудь живому говору внутри того общегития, которое пользуется данным литературным языком; в литературный язык могут входить элементы (например, архаические или иностранные), которые живой устной речи будут безусловно чужды.

§ 12. После сказанного об употреблении термина *язык*, я вернусь к рассмотрению понятия сравнительно-исторического языкознания. Оно, т.-е. сравнительно-историческое изучение нескольких родственных языков, строится на основании допущения происхождения данных языков от одного общего языка и состоит, следовательно, в изучении истории развития этого древнего общего языка в различных его разветвлениях. При этом может быть так, что тот древний язык, из которого произошли рассматриваемые родственные языки, доступен нашему знанию благодаря сохранившейся письменности на этом языке (так обстоит дело с латинским языком, из которого произошли так называемые *романские* языки: итальянский, французский, испанский, португальский, румынский [название «румынский», оказывается, собственно и значит «романский»: лат. *lingva Romana*] и нек. другие), но может быть и иначе: может случиться, что не было никакой письменности на древнем языке — источнике рассматриваемых родственных языков и никаких непосредственных сведений об этом языке (хотя бы в виде упоминания отдельных слов и собственных имен у иноязычных писателей) мы не имеем. Так обстоит дело с тем языком, из которого произошли так называемые *славянские* языки: русский, польский, чешский, сербский, болгарский и некоторые другие.¹

¹ Язык древне-церковно-славянский вовсе не источник прочих славянских языков, это просто один из славянских языков, именно древне-болгарский; он

Точно также в отдаленной, до-исторической серии эпох (задолго до появления данных народов на историческую арену) лежит и существование *обще-германского* праязыка (— источника языков: ныне уже мертвого *готского*, немецкого, голландского, шведского, датского и — в основной его части — английского языка), *обще-балтийского* праязыка (— источника языков: ныне уже мертвого — *прусского*, литовского и латышского), *обще-кельтского* праязыка (к которому восходят, например: давно исчезнувший *галльский* язык [в районе нынешней Франции], ирландский и бретонский [на севере Франции]), *общеевропейского* (давшего начало родоначальнику *романских* языков — *латинскому*, т.-е. языку древнего Рима [lingua Romana], и ряду его сородичей — других древних языков Италии) и *других праязыков* — родоначальников остальных (греческой, албанской, армянской, иранской, индийской) ветвей так называемого **ИНДО-ЕВРОПЕЙСКОГО** семейства, все вышеназванные языки которого — через их групповые *праязыки* — оказываются потомками еще более древнего, чем групповые праязыки, родоначальника последних — **ОБЩЕ-ИНДО-ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАЯЗЫКА**. Таким образом не только самый древний, — общиндо-европейский язык, но и его потомки (своеобразно эволюционировавшие при экспансии индо-европейских племен) — групповые праязыки (обще-славянский, обще-балтийский, обще-иранский и т. д.), оказывается, лежат от нас далеко за пределами истории, и никакими письменными памятниками не засвидетельствованы.¹

только известен нам в более древнем состоянии, чем прочие славянские, благодаря переводу на него христианского священного писания (имеются памятники XI века, оригиналы же предшествующего столетия не дошли до нас). Это, следовательно, древнейший [или литературный] славянский язык.

¹ В таком же положении и история образования турецких языков — из доисторического обще-турецкого праязыка, который в свою очередь вместе с предком чувашского языка и с другой стороны с обще-монгольским праязыком, обще-маньчжуро-тунгусским праязыком и древним источником корейского языка, возводится к еще более древнему общему источнику — так называемому **ОБЩЕ-АЛТАЙСКОМУ ПРАЯЗЫКУ**. Равным образом вне пределов историче-

Однако и при таком положении дела сравнительно-историческое языкознание имеет отправным пунктом именно факты той эпохи, когда существовал один общий язык — источник подлежащих рассмотрению языков, при чем знание об этих фактах получается не непосредственно, а из рассмотрения тех самых языков, которые являются его потомками и видоизменениями. Этот общий исходный для данной группы древний язык мы будем называть *праязыком* данной группы (например — обще-славянский праязык — или, что то же, праславянский язык; обще-семитический праязык или обще-тибето-китайский праязык); а происшедшие из него *родственные* языки объединяются обыкновенно общим именем, которое может быть приложимо и к каждому отдельному из этих языков (так и арабский, и древне-еврейский и сирийский¹ и т. д. — это все отдельные *семитские*; тибетский, китайский, бирманский и сиамский — отдельные *тибето-китайские* языки² и т. д.), а совокупность их называется *семей*, *семейством* или *группой* языков (например турецкая семья языков, алтайское языковое семейство³).

Прием установления фактов, которые были присущи неза-свидетельствованному письменностью праязыку, называется *восстановлением* или *реконструкцией* праязыка посредством сравнения фактов в языках-потомках, — т.-е. посредством *сравнительно-грамматического*, или *компаративного* метода. Он состоит в отыскании тех явлений, которыми при предполо-

ской досягаемости (если не считать методов лингвистических) лежит общий предок всех китайских диалектов — обще-китайский праязык, а тем более — еще более древний ОБЩЕ-ТИБЕТО-КИТАЙСКИЙ ПРАЯЗЫК, — общий родоначальник, как китайского, так и тибетского, бирманского и сиамского языков. То же будет справедливо и в отношении *семитических* языков и ряда других языковых групп (так что обратный случай *романских* языков, где праязык засвидетельствован письменностью, оказывается исключением).

¹ Современный диалект которого мы встречаем в языке так называемых «ассирийцев», или айсоров.

² Западные лингвисты употребляют вместо «тибето-китайские» термин «индо-китайские языки».

³ Куда входят: турецкие (включая якутский) и чувашский, монгольские, маньчжуро-тунгузские, а также, по моим наблюдениям, и корейский язык.

жении их наличия в праязыке можно было бы объяснить связь (соответствие) фактов, наблюдаемых в отдельных языках данного языкового семейства. Так, например, из рассмотрения слов: русск. сон [son], польск. sen [sen] и сербск. сан [san], можно заключить, что слово, обозначавшее «сон», начиналось в общеславянском праязыке со звука s, затем следовал какой-то гласный [дальнейший ход сравнительно-грамматических рассуждений устанавливает и качество этого гласного (др.-слав. Ѣ ← общеиндо-европейск. *u)] и затем звук [n].¹

Из совокупности таких гипотез, без которых нельзя объяснить фактов отдельных языков данной семьи, получается неко-

¹ Однако все заключения — при реконструкции праязыковых форм — должны быть делаемы после рассмотрения большого числа фактов и при принятии в расчет общих законов развития языка (лингвистической историологии). Благодаря случайному отсутствию достаточного ряда свидетельств из доступных нам языков, мы легко можем упустить многие из фактов, имевшихся в праязыке. Так, из рассмотрения русск. [son], польск. [sen], сербск. [san] можно предположить, что слово, означавшее «сон», оканчивалось в праязыке на звук [n]; а между тем, за этим звуком следовал еще некий гласный звук, который исчез во всех трех данных языках (но в др.-церковно-славянском написании для него ведь употреблялся знак ѣ [по традиции перешедший и в до-революционную русскую орфографию], который в ту эпоху, — эпоху создания славянской письменности, означал именно гласный звук).

Экскурс. Обращаясь же к данным сравнительной грамматики индо-европейских языков (а не только славянских), мы можем возвести исходную для славянских языков праформу [*snp̥, геср. *supn] к другой — гораздо более древней, уже общеиндо-европейской праформе: *supnos, на что нам указывает, хотя-бы, сопоставление славянского *snp̥ ← *supn и древне-греческого *hupnos (ὑπνος, которое произносилось сначала именно как [hupnos] и затем только изменилось в части древне-греческих диалектов, наир. в аттическом [т.-е. Афинском] диалекте в [hupnos]). Эта праформа (*supnos) подверглась, следовательно, следующим изменениям: 1) в обще-славянском: *p (перед *n) → нуль, *os × *u → ѣ; 2) в обще-греческом: *s → h [и затем уже в отдельных др.-греческих диалектах: u → y]. Переходя же от вопроса сравнительно-фонетического к сравнительно-морфологическому, мы можем разделить указанную индо-европейскую праформу *supnos на 3 морфемы: *sup-n-os [взамен более древнего деления *sup-no-s], для чего достаточно, собственно, даже сопоставление славянского сн-ѣ с Родительным падежом сн-а (← *supnōd) и с другой стороны с глагольной формой сн-а-ти (*sup-ā-tei). Этимологический вывод отсюда, следовательно, говорит, что русск. сон — того корня (*sup-), что и русск. спать (а с другой стороны, оказывается в родстве и с русским «гипноз» [— через греческий, латинский и немецкий яз. — из греч. ὑπνος]).

торое представление о звуковом составе слов с известным значением, существовавших в праязыке; возможны также заключения относительно делимости этих слов на морфемы [ср. деление праязыкового *sup-n-os ← *sup-no-s¹ «сон» — в экскурсе к примечанию стр. 46]. Равным образом возможны и заключения относительно праязыковых синтаксических явлений на основании сравнения синтаксисов происходящих от этого праязыка родственных языков.

§ 13. Термин «сравнительный» (или «историко-сравнительный») применим, разумеется, и к отделам языкознания. Так *сравнительная*² (или *историко-сравнительная*) фонетика данного семейства языков рассматривает историю звуков в отдельных языках этого семейства и пользуется в качестве отправного пункта картиной звуков праязыка. Аналогичным образом *сравнительная* морфология изучает *историю морфологий* происходящих от реконструируемого праязыка *родственных языков*, а *сравнительный синтаксис* — историю их синтаксисов.

Сравнительно-историческая *лексика*, естественно, сводится к совокупности *этимологий*, т.-е. историй слов, составляющих словарь данных родственных языков, или — что то же — к *этимологическому словарю* данного языкового семейства. Последним

¹ Морфологическое деление *sup-n-os [соответствующее делению греческого ὕπν-ος [hupn-os] (Родительный ὕπν-ου [hupn-u]) и славянского сѣн-ъ (Родительный сѣн-а)] возводится к более древнему обще-индоевропейскому этапу *sup-no-s на основании наличия суффикса Именит. п. ед. ч. муж. р. -s в ряде других древнейших форм имен — напр. в *nāŋ-s «корабль» → др.-греч. ναῦ-ς (nau-s).

² Можно однако заметить, что иногда употребляют термин *сравнительный* не в указанном техническом смысле, а просто для обозначения того, что имеется ввиду сравнение некоторых фактов. Например, можно встретить выражение *сравнительная фонетика* в применении к такому учению, которое относится к области не исторического, а описательного языкознания. В этом смысле озаглавлена книжка Р. Passy, «Petite Phonétique Comparée», которая представляет просто совместное изложение описательных фонетик нескольких языков (гл. обр. французского, немецкого и английского). Звуки этих языков рассматриваются только в их современном состоянии, и самые языки рассматриваются без всякого отношения к родству или отсутствию родства между ними.

термином (— «Этимологический Словарь») обычно озаглавливаются и самые работы, посвященные сравнительно-историческому объяснению (т.-е. этимологиям) словарного материала, принадлежащего или всему данному семейству или его отдельным языкам: так могут существовать (и фактически существуют под этими заглавиями) и «Этимологический словарь индоевропейских¹ языков» и «Этимологический словарь латинского языка»,² «Этимологический словарь греческого языка»,³ герм. санскритского, славянских и т. д. языков.

Экскурс. Для иллюстрации понятия *этимологического словаря* (т.-е. сравнительно-исторической лексики) приведу несколько примеров отдельных *этимологий* (т.-е. учений об истории отдельных слов) из разных языков:

1. Рус. *медведь* [m'edv'et'/m'edv'ed'-]. Современное осмысление слова, возможное в виде ассоциаций с *мед* [m'ot/m'od-] и *вед*-(ать) [v'ed-(a-t')], оказывается неверным. Из сравнения 1) с рус. *медвяный* [m'edv'-an-шj], 2) с санскритским (— др.-индийским) mad^hv-ād — «эпитет медведя, букв. «медо-ед»», мы заключаем, что рус. медведь представляет собою ту же самую обще-праязыковую форму, что и санскритское слово, т.-е. восходит к и.-е.⁴ *med^hv-ēd, где первая часть *med^hv- есть комбинаторный (или Sand^{hi}-ческий,⁵ т.-е. обусловленный известным соседством, — здесь: соседством с начальным гласным второй части Compositi:⁶ *-ēd) вариант и.-е. основы ср. рода *méd^hu «мед» [представленной, напр., в санскритском mād^hu, др.-греч. μέδῃ

¹ Или «индо-германских», как их называет обычно немецкая лингвистическая литература («Indogermanische Sprachen»).

² Именно — «Etymologisches Wörterbuch der lateinischen Sprache» соч. А. Walde.

³ «Dictionnaire étymologique de la langue grecque» соч. Boisacq (2 изд. 1923).

⁴ «и.-е.» — сокращение термина «индо-европейский».

⁵ От санскритского грамматического термина sand^{hi} संधि — букв. «сочетание, со-положение, синтез».

⁶ Compositum (или сложное слово) — слово состоящее из 2-х (или более) лексических морфем (не считая формальных морфем). Compositi — латинский Родительный падеж.

(met^hu → met^hy) и наконец — с переходом из ср. р. в муж. р. — в славянском мѣдѣ и рус. m'od → m'ot], а вторая часть *ēd — глагольный корень со значением «есть» [откуда санскритск. ād- «есть» и рус. ѣд-(а) → еда́ [jed-a]].

Как мы видим по смысловой функции санскр. mad^hvād, и.-е. *med^hh-ēd «медоед» было сначала только эпитетом медведя, а затем стало — в славянской ветви — употребляться взамен основного слова, значившего «медведь» (*ṛkso-s, откуда санскр. ṛkṣa-h, греч. ἄρκτος), очевидно, под влиянием табу. Сравни аналогичную замену — уже самого слова «медведь» — через «дедушка» в наречии русских поселенцев крайнего С.-В. Сибири (причем от этого «дедушка» = «медведь» появляется и прилагательное «дедушковатый») [Из лекций проф-ра Богораза].

2. Лат. venēnum (и франц. venin [vœnɛ̃]) «яд». Слово происходит от прилагательного *уен-es-но-т, — с суффиксами es-но- (ср. рус. неб-ес-но(е)), — от корневой морфемы *уен-, — той же самой, что в лат. Ven-us ← *уен-os (Родит. Veneris ← *уен-es-es) «Венера — божество любви» и в санскр. vanatī ← *уен-e-tī «он любит»; следовательно *уен-es-но-т означало «любовное (подразумевается: — зелье)». Смысловая эволюция «любовное зелье → яд» стоит, вероятно, в связи с тем, что любовными, т.-е. применявшимися для целей любви зельями были не только средства привораживающие, но и имевшие в виду устранить соперника (т.-е. реальные яды — venēna в нынешнем смысле слова).

3. Рус. дýтел [d'atɛl] ← *дѣт-ьлѣ, где древняя коренная морфема *дѣт- = *dēt- восходит к *dent- «зуб» (ср. лат. dens¹ ← *dent-s, Родит. dent-is ← *dent-es). Итак первоначальное слово (ἐτυμον λόγος) значило приблизительно, «зубач» [причем под зубом разумелся клюв дятла].

4. Японск. Ток. ʔnodo, Киото и Тоса noʔdo, Нагасаки noʔdo «горло». Исходная форма (с акцентуацией, как в Киото и Тоса) noʔdo ← noʔm(i)-toʔ¹, т.-е. «дверь (*ʔtoʔ) для питья» (ср. Киото и

¹ А из латинского слова [из Винительного, гл. обр., падежа — dente(m)] и французское dent [dã] «зуб»; сюда же — и русск. «дантист».

Тоса погми «пьет»). Исчезновение *i* после носового — в *Compositis*, и переход «нос. $\rightarrow t$ » $\rightarrow *nd \rightarrow d$, — явления нормальные (ср. *физикунѣ* $\leftarrow *rudukue \leftarrow *rumi-tukue$ 文机, и аналогичный переход $*mp \rightarrow b$ в *abari* $\leftarrow *ami-pari$ 綱針 и т. д.).

5. Японск. Ток. *minato*, Киот. 'minato' и т. д. «гавань» \leftarrow 'mina-to' букв. «дверь ('to'; ср. выше: 4) воды» ('mina-' — морфема, чередующаяся с $*'midu$ «вода»: 'mina-moto' 源 = этимологически 水元, *mina-kami* 水上 и т. д.).

§ 14. Но не следует думать, что всякая этимология (т.-е. учение об истории слова), находящая место в этимологическом словаре, непременно должна содержать известную смысловую эволюцию (в роде вышеприведенных: «медо-ед» \rightarrow название животного, «любовное» \rightarrow «яд» и т. д.). Ясно, что этимологический словарь регистрирует лишь то, что добыто сравнительно-историческим анализом относительно данного слова, и поскольку этот анализ устанавливает лишь фонетическую и морфологическую (но не «семаснологическую») эволюцию, в этимологию войдет лишь история звукового и морфологического состава данного слова в ряде языков.¹

Во-вторых надо заметить, что как этимологии (т.-е. сравнительно-историческая лексика), так и вообще вся дисциплина сравнительного (сравнительно-исторического) языкознания могут оперировать не только над теми сходствами, которые обусловлены — в двух данных языках — происхождением каждого из них (— целиком или, по крайней мере, в составе основной массы фонетических, морфологических и лексических фактов) из одного общего для них праязыка, но и над такими сходствами, которые объясняются заимствованием отдельных слов (а также, — что, впрочем, встречается гораздо реже — и отдельных морфологи-

¹ При этом надо помнить, что «первого значения», — в буквальном смысле этого выражения, т.-е. фактов, относящихся к языку-примитиву, мы вообще никогда — ни по поводу ни одного слова — не знаем. Все реконструируемые «праязыковые» явления — это только одни из этапов многотысячелетней эволюции, при том этапы, гораздо более близкие (несмотря на всю свою абсолютную древность) к нашему времени, чем к эпохе возникновения языка.

ческих явлений)¹ между языками, во всем остальном составе генеалогически чуждыми друг другу. Тогда на базе данных только заимствованных явлений (будь этих заимствованных морфем всего только две [или даже одна] или 10, или 100, или 1000, или же много тысяч)² создается особая «маленькая»³ сравнительная

¹ Каковы например некоторые из казакских суффиксов именного словообразования, заимствованные из персидского.

² В некоторых случаях мы действительно находим громадное количество иностранных лексических заимствований при полной почти незатронутости (данном иностранным влиянием) туземного морфологического строя. Так, если мы вправе рассматривать как элементы японского (литературного хотя-бы) языка все те тысячи японизированных чтений китайских иероглифов, которые мы находим в японском словаре в виде потенциальных элементов слов письменного языка (не говоря уже о тех, которые вошли в обычный словарь разговорной речи), то перед нами здесь, собственно ничто иное, как словарь одного из диалектов китайского языка, — точнее: один или даже несколько (считая отдельно Го-он, Кан-он и Тб-ин) из «иностранных [— не-китайских] письменных диалектов китайского языка» (наряду с подобными же совокупностями данного рода китайских заимствований в корейском и аннамском). И эти «иностранные [не-китайские уже] диалекты китайского языка» могут служить, и фактически служат столь же ценным материалом сравнительно-исторической фонетики, как и диалекты самого Китая.

³ Конечно, при таком обилии заимствованного материала, как в японизированных китайск. чтениях, его сравнительно-историческое (сравнительно-фонетическое в частности) рассмотрение перестает уже быть «маленькой» сравнительно-грамматической дисциплиной, ибо на деле эти (— в данном случае японский и китайский) «не-родственные» языки, если иметь ввиду как раз именно этот общий словарный запас (отказавшись на минуту от обычного критерия родственности языков — в общности их морфологического материала) — окажутся весьма и весьма родственными. В результате, сравнительно-историческое рассмотрение китаизмов в японском языке занимает вполне законное и весьма важное место в сравнительной фонетике китайск. диалектов (или что то же — исторической фонетике китайского языка), хотя и обладает своими собственными (отличными от фонетики самих китайских диалектов) законами — потому что с момента переноса всякого китайск. слова на японскую почву, его фонетическая эволюция идет уже в общем русле фонетической эволюции японского (а не китайского) языка. Примечание. Игнорирование этой последней особенности (т.-е. тождества фонетической эволюции в заимствованных из китайского словах с эволюцией чисто-японского материала — поскольку эти заимствования вошли уже на японскую почву) и составляет главный пробел в трактовке японизированных китайск. чтений (как материала исторической фонетики китайского языка) у В. Karlgren'a — в его создавшем эпоху труде «Etudes sur la phonologie chinoise». [Другой пробел, касающийся, положим,

грамматика (прежде всего, конечно, сравнительная фонетика и т. д.) данных не-родственных (в общем) языков, рассматривающая, однако, именно те в них явления, которые оказываются (благодаря процессам заимствования) родственными.¹ И с принципиальной точки зрения различие между такими *особыми* («маленькими») сравнительными грамматиками заимствованных элементов и сравнительными грамматиками нормального объема — только количественное. И в известных случаях мы натолкнемся даже на спорные вопросы: к той или иной группе (семье) языков следует относить данный язык: считать ли его языком группы А, — объясняя чужеродные (для А) его элементы, как «з а и м с т в о в а н и я» из языковой группы Б, или же наоборот — признавать его языком группы Б, обладающим, однако, рядом «заимствований» из А.

После этих замечаний продолжу примеры этимологий (— в частности таких этимологий, к которым именно и применимы только что сделанные замечания).

6. Корейское *mal* (Nominativ. *mal-i*) «лошадь».

а) Этимологические данные, извлекаемые из самого корейского языка (и кор. орфографии):

1) Благодаря тому, что *l* на конце слога (в *mal*) и *г* в начале

только первых 2-х томов «*Etudes*», и исправленный в 3-ем томе, — это огульное рассмотрение Го- и Кан-он'ных чтений, тогда как на самом деле это 2 совершенно разных «диалекта» — и по китайским их источникам и по времени вхождения в японский язык].

¹ В этом смысле албанский, например, язык окажется — в известной своей словарной части — романским языком, ибо тот ряд заимствований из латинского, который осел в албанском, обнаруживает такую же закономерность фонетических соответствий (с латинским и романскими), какую мы будем наблюдать и в настоящих романских языках (напр. сардинском, испанском, разных итальянских говорах, французском и т. д.); современный английский — одним из французских говоров (благодаря заимствованиям, вошедшим с норманским завоеванием), русский (или же сербский) — одним из турецких диалектов (ср. большое количество турецких слов, как в русском, так и в сербском, ждущее, однако, еще компаративного исследования [отмечу впрочем работу Н. К. Дмитриева]); чувашский — одним из финских наречий; и т. д. и т. д.

слога (как в *ma:r-i¹* и т. п.) суть комбинаторные варианты одного [«двуликого»] звукопредставления (единой фонемы) — «l/r-», необходимо допустить, что раньше морфема со значением «лошадь» звучала в обеих этих позициях одинаково, т.-е. с одним и тем же конечным своим согласным. А это говорит, следовательно, в пользу возможности *mal* ← *ma:r* (при «l/r-» ← *r).

2. Корейская орфография Ξ с буквой \cdot для а (вместо \vdash в другом слове $\Xi\vdash$ *mal* «слово, речь») указывает, что в древности здесь был не *а, а некий другой гласный (для которого и назначалась особая буква \cdot), лишь впоследствии совпавший (конвергировавший) с *а = \vdash . [Некоторые соображения (которые я здесь опускаю) позволяют думать, что этот гласный — в период перед конвергенцией — имел характер [Δ], т.-е. [о] лишенного губной работы].

б) Этимологические данные, получаемые из сравнения с другими языками:

1) Сопоставление с монгольским ᠮᠣᠷᠢᠨ **mørin*, калм. *møṛṇ* «лошадь»² говорит за общее происхождение монгольского **mørin* и кор. **mal*. [А некоторые соображения (которые в виду их сложности мне приходится опускать в изложении элементарного курса) позволяют допустить развитие кор. *Δ ← *ø, т.-е. *mal* ← **mal* ← **mør*]. Падение 2-ого слога (*in* в монгольском; ср. приближение к этому падению в живых монгольских наречиях, напр. в калм. *møṛṇ*) в корейском, а также согласные соответствия *m* || *m*, *r* || «l/r- (Ξ)» подтверждаются и в других общемонголо-корейских словах, например монг. *muren* «река» || кор.

¹ Черта \cdot употребляется мною для указания слоговой границы.

² Откуда и русск. мерин (сужение значения: «лошадь» → «мерин» имело место, м. б., еще на монгольской почве: ср. значение «мерин» в бурятском, тогда как «лошадь» — *adahun* [h ← s] || тур. *آت*; в противном случае, это русское заимствование подтверждает закон о том, что при заимствовании термина значение его в большинстве случаев сужается [— в языке заимствующем; т.-е. объем понятия, выражаемого словом, сужается, а содержание понятия, т.-е. число признаков его, расширяется]).

mul (Nominat. mur-i) «вода»,¹ или же монг. nidun → nudu² «глаз» || кор. nup «глаз» и т. п.

2) Дальнейшие (уже выходящие за пределы «алтайских» языков) сопоставления [монгольского и кор. слов] — с бирманским mгаη и кит. 馬 Пек. ма̌ (откуда, вернее из древне-китайской праформы которого, — и японское mma)³ позволяют предполагать весьма древнюю до-историческую миграцию данного слова («лошадь») из одного языкового семейства в другое, — вероятно в связи с самим фактом постепенного распространения лошади.

7. Японск. *asā 朝 (Киото и Осака asā, Тоса a^ɾsa/a^ɾsa_L- [Nom. a^ɾsa_Lga, Acc. a^ɾsa_L: ← a^ɾsa_Lo], Ток. ʽasa, Наг. a^ɾsa) «утро». Сопоставление с кор. aśa'm ← as'am «утро», —

¹ При чем кор. слово употребимо так же и в значении «река», — ср. подобную же функцию тур. سو (узб. سوۋ suw) [напр. в названиях рек: قاراسوۋ, ئاقسوۋ قىزل سوۋ и т. д.].

² Этому переходу в живых монг. говорах причиной служил так наз. «Umlaut», т. е. регрессивная ассимиляция гласных (i... u → u... u), — процесс, по направлению обратный сингармонистической «прогрессивной ассимиляции», хотя в сущности, имеющий с нею одно и то же психологическое основание (см. мою статью «Причины происхождения Umlaut'a» в «Сборнике в ч. пр. А. Э. Шмидта», Ташкент).

³ Долгое (или двойное, — геминированное) m: в древне-японском *m:a (откуда Киото ʽm_Lma, Токио m_Lʽma, сев.-вост. ma, Нагас. m_Lʽma) объяснимо из древне-китайского сочетания *mɿ (в *mga; ср. бирм. mгаη), которое никаким другим способом японским звуковым мышлением не могло быть передано [ср. такое же *m: в яп. *ʽm:e^ɿ 梅 → Киот. ʽmme^ɿ, Ток. mme, сев.-вост. mī, Наг. m_Lme; здесь китайская праформа (梅) тоже начиналась двумя неслогообразующими звуками — *mw (См. Karlgren «Etudes», I в таблицах знак 梅 № 2992)]. Дальнейшая же эволюция кит. *mga (или *mla) была, очевидно, такова: mга → mja (этот этап отражается в яп. Го-оне: me [— с обычным для Го-он'а e ← кит. *ja; ср. ke 家 ← кит. *kja]) и mja → ma (откуда уже Кан-он'ное чтение: ba [с обычным b ← кит. m; ср. bai 梅 (Пек. «мэй»)]).

Другие «тибето-китайские» (— «индо-китайские») параллели к кит. ма, бирманск. mгаη — см. у Conrady «Eine indochinesische Causativ-Denominativ-Bildung». Однако, материал этот требует критического пересмотра на основе детального изучения цитируемых Conrady языков. См. также у П. Шмидта «Опыт мандар. грамматики», стр. 7: ...по сокласки mагi, по бирмански mгаη, по гярунгски boroh, по абор-мирийски buri.

с одной стороны, а с другой — подтверждение и на других примерах соответствия: «кор. гласный — ш || гласный с мелодией \wedge (в зап.-яп.)»¹ указывают что корейская форма (*ас^сам) оказывалась исходной для японской [Нисходящая мелодия (\wedge) заменила собой кон. носовой — так же, как и в греч. гомеровск. $\delta\omega$ [ʔdo₁:] ← *dom (ср. слав. дом-[ʔ]). Вопрос может быть — по поводу обще-японо-корейской формы — лишь относительно 1-го согласного [кор. *с^с || яп. s]; во всяком случае корейская форма с *с^с (откуда в южно-кор. с^с) представляет более архаичный этап эволюции, чем яп. s [ср. яп. s ← кит. с, с^с, с̣, с̣^с в кит. заимствованиях].² Для полноты добавлю, что еще Léon de Rosny указывал (IV Congr. Orient.) на совпадение яп. asa 朝 с зырянским «асы» «утро». Однако, связь эта совершенно невыяснена (как и для 3 других зырянских слов, обнаруживающих звуковое сходство с японскими).

8. Туркменск. (Йомудск.) па:w ناول «корабль» (как общий термин), — очевидное заимствование из индоевропейского языка [ср. др.-греч. ναῦς, лат. nāv-is, слав. навь «корабль-гроб»]; сравни также армянск. нав (которое принято рассматривать, как возможное заимствование из иранского). Остается, следовательно, два возможных источника для проникновения слова в туркменский: или иранский, или (вероятнее) армянский.

Оказывается, все названия «корабля» (общее — па:w и подвидов — пә:tkә, багз), употребляемые туркменами-Йомудами, — заимствования, и очевидно сравнительно недавнего прошлого, — после прихода Йомудов на Каспийское побережье, причем сначала был, вероятно, заимствован общий термин (па:w), а потом уже названия «лодки», «баржи» — из русского.

¹ Ср. напр. яп. *turū 鶴 (Киото и Осака curū, Тоса tuʔru [Nom. tuʔru₁ga, Acc. tuʔro₁: ← tuʔru₁], Ток. ʔcuru, Наг. cuʔru) «журавль» || кор. turum «журавль». Слово находит параллели и в других алтайских яз.: напр. як. turuʒa «журавль», тур. turna (узб. ираниз. turnæ تۈرنە).

² Напр. яп. Токиоск. (Го-он) śiʔci «7» ← *ʔsi₁ti ← кит. *cʔit (Пек. «ци»).

9. Грузинск. p^ʔit^ʰna «мята». Сопоставление с др.-гр. *μίνθα* (*mint^ha*) и латинским *mentha* (откуда и слав. **мѣта**), которые, однако, не являются рефlekсами обще-индо-европейского слова (на что указывает иррегулярное соответствие греч. ι||лат. е), а оба заимствованы из какого-то неизвестного языка, говорит за общее происхождение (с лат. и греч.) и грузинского слова. Звуковой состав его возводится к **mintā*, откуда **pintā* (— через диссимиляцию носовых **m...n*→*p...n*) и далее p^ʔit^ʰna (— с перестановкой *nt*→*tn*). К этому же виду основы (*tn*, не *nt*) относятся и таджикск. *pidinæ* или *rudinæ*, татарск. **بۆتك**, **مۆتك**, востк. бутнек, морд.-мокш. путник.

10. Наконец приведу широко-известную этимологию и.-е. термина «мать», — напр. перс. *mādar* مادر, санскр. *mātā* (*mātar-*), др.-греч. *μάτηρ*→атт. *μήτηρ*, лат. *māter*, арм. *majr*, англ. *mother* [mɒðə], нем. *Mutter* [mutər], слав. **мати** (**матер-**) и т. д.—обще-и.-е. **mā-tēr*, **mā-ter-* [откуда в обще-арийском, т.-е. в источнике индийской и иранской групп→*mātā*, в косв. падеж. *mātar-*, а из последней формы перс. *mādar* — с переходом **ā*→*ɔ*: и **a*→*æ*, и озвончением *t*→*d* между гласными; в армянском же **t* между гласными выпало вовсе (ср. арм. *hajr*←**pə-tēr* «отец»), а **ē*→*i*]. Сама же индо-европейская праформа **mā-tēr* (как и **pə-tēr* [= **py-tēr*], откуда скр. *pitā*, перс. *pædar*, греч. *πατήρ*, лат. *pater*, нем. *Vater*, англ. *father* [fa:ðə] «отец») делима на суффикс *-tēr* и основу **mā-* (ср. **pə-* из древнего **pā* в неударенной позиции в **pə-tēr*), представляющую собою, очевидно, тот же «детский» комплекс, который мы встречаем в так называемом редупликационном типе «детских слов» (напр. кит. **мама** «мама», груз. **мама** «отец», яп. **мама** «детская кашница» и т. д.; ср. яп. **рара*→*haha* «мать», южно-яп. *кака* «мать», яп. **titi* «отец» и т. п. и т. п.). Известную аналогичность к обще-индоевропейской формации слов *mā-tēr pə-tēr* — от основ *ma pa* мы находим в области современного китайского языка: в *mú-č'ín* «мать» *fú-č'ín* «отец»; основы **母**, **父** *fu* **父** возводимы к тибето-китайским **ma* **p'a* (ср. др.-тибетск. *ma*,

р'а; гласное же соответствие «тиб. а || кит. и» является нормальным — напр. ηа || (η)и «я», (l)ηа || (η)и «пять» и т. д.).

11. Еще один пример, интересный в том отношении, что сопоставляемые на основании звукового сходства слова принадлежат по крайней мере к четырем отдельным языковым семействам (а если считать еще заимствования из китайского в японский, корейский и аннамский, то — к языкам семи разных семейств). Это — китайск. 蜜 («мед») *mi'* ← **mit* или **miat* (на конечное **t* кроме кит. диалектических форм указывают еще заимствования в японск., корейск. и аннамский), находящее себе след. параллели в языках других групп: 1) индо-европ. **méd^h* (греч. μέθυ, скр. *mádhu*, слав. медъ и т. д.; ср. также формы с *l* || **d^h* — лат. *mel*, ирландск. *míl*), 2) финно-угорск. **meti*, откуда финск. *mesi*, эстонск. «*mesi*» = *mezi*, мордовск. *m'ed'*, венг. *miz* и т. д., 3) чеченско-ингушск. **məz-u* (Nominat.), откуда чеченск. *muoz*. Очевидно мы имеем здесь дело с древним миграционным термином для культурного понятия, распространявшегося вместе с искусством бортничества от одного племени к другому. [Примеч. Индо-европейским словам для «меда» посвящена статья Gauthiot в *Mém. Soc. Lingu.*].

§ 15. Нужно еще упомянуть об одном виде языкознания, который называется общим языкознанием (*linguistique générale* по французски). В противоположность изучению отдельных языков или отдельных групп языков, под именем общего языкознания объединяются те положения и выводы, которые устанавливаются из рассмотрения (по мере возможности всех) различных языков и различных языковых групп (как с описательной, так и историко-сравнительной точек зрения) и могут быть применимы к любому языку (поскольку он, конечно, обладает теми условиями, о которых в данном обобщении идет речь). Следовательно, общее языкознание рассматривает общечеловеческие свойства языкового процесса. Общая фонетика (*phonétique générale*), например, ведает устройство и функции

органов произношения,¹ акустические процессы, возможный характер звуков речи и их представлений, общие законы относи-

¹ При этом анатомическая структура органов произношения может признаваться, в общем и целом, одинаковой у всех народов; по крайней мере лингвистические исследования не вскрывают здесь каких-либо принципиальных антропологических отличий между различными расами. Правда, некоторые факты, казалось бы, и можно было истолковать в пользу подобных антропологических различий, но все-таки утверждать что-либо определенное в данном отношении у лингвистики еще нет оснований. Так, напр., бросается в глаза особое сходство народов семитического происхождения к особым, отсутствующим в других языках (кроме семитической, кавказских и хамитской семей) гортанным согласным (ар. ح ع), при чем эти звуки быстро исчезают, поскольку данный словарный материал воспринимается народом другой расы. Но с другой стороны факты подтверждают, что и этим звукам возможно научиться, и что справедливо положение о том, что взяв 2-х месячного немецкого ребенка и перенеся его в языковую арабскую (герр. китайскую, сербскую и т. д.) среду, мы через 10 лет будем иметь в нем чистейшего, безукоризненного в языковом отношении араба, китайца, серба и т. д. Тем не менее, признавая потенциальную способность любой расы научиться (при отсутствии предшествующих навыков другого языка) любой звуковой системе, мы, в конечном счете, все-таки найдем, может быть, отражение специфических расовых особенностей в ходе фонетической эволюции данного языка. Ср. напр. наблюдение Thalbitzer'a над особыми явлениями в области консонантизма (глубоко-заднеязычных — увулярных согласных в частности) в гренландском эскимосском языке, которые он склонен ставить в связь именно с антропологическими особенностями (Thalbitzer, A phonetical study of the Eskimo language, Copenhagen 1904, стр. 69—70). Разумеется, особо от этого вопроса надо рассматривать случаи искусственной деформации органов произношения, напр. путем вставки в губу деревянных кружков, что отражается, конечно, на произношении (именно на произношении губных звуков в некоторых из языков Банту). Приведу здесь один пример конкретной фонетической эволюции, открывающий некоторую возможность предположительно допускать наличие специфических антропологических признаков у данной этнической среды [если подобных примеров найдется достаточное количество — в истории разных языковых семей (в том числе и в эволюции эскимосского языка, которая, допустим, подтвердит мнение Thalbitzer'a), то тогда и можно будет свести этот принципиальный общий вопрос с гипотетической почвы на эмпирически-доказуемую]: из сравнительно недавнего (т.-е. к исторической эпохе относящегося) периода в эволюции японского языка, — именно из историй губных работ (артикуляций) в разных японских говорах. Процессы ослабления губных работ (как-то спонтанеическое развитие *p → ф) и полной их ликвидации (напр. комбинаторное ф → h, w → нуль, спонтанеические kw → k, gw → g) обнаруживаются в наибольшей степени в центральной зоне японских говоров и достигают maximum'a в районе говора Тоса; наоборот на обеих перифериях — в северо-восточных и, с другой стороны, в южной группе мы встречаем, большей частью лишь начальные стадии этих процессов (напр. *pa → фа, тогда как

тельно звукового состава отдельного языка (законы взаимоотношения между существующими в голове одного человека представлениями звуков) и относительно изменений звуковой стороны языка при передаче языка от поколения к поколению, при чем последняя часть обще-фонетических положений [— общие за-

в центре *ра → фа → һа; в некоторых же из рюкюских говоров до сих пор уцелевает смычное р; аналогичный консерватизм обнаруживает и судьба прочих губных звуков на обеих перифериях японской территории: к^в г^в здесь сохраняются, исчезнувшее уже в центральных говорах w в ряде позиций сохраняется в Рюкюском, а частично и на северо-востоке; и т. д.). Если же мы вспомним, что по всем (почти) остальным фонетическим и морфологическим чертам, говоры центральной зоны оказываются наиболее консервативными (а чем ближе к той или другой периферии, тем больше прогрессивных новшеств) и — среди центральных — наибольшую консервативность обнаруживает именно Тосаский, то мы будем вправе считать тенденцию к сокращению и утрате губных работ — чертой, характерной для «чисто-японских» слесей этнической структуры Японии; наоборот на перифериях, где прогрессивный ход эволюции (в прочих явлениях фонетики и морфологии) обусловлен был, очевидно, этническим смешением с инородческим населением (на северо-востоке с айну, а на юге с Кумасо и проч.), ослабление указанной тенденции к сокращению губных работ, в свою очередь, может рассматриваться как влияние инородческой этнической подпочвы. Отсюда вытекает вывод, что упомянутая тенденция («делабиализационная тенденция») может считаться таким же признаком чисто-японского этнического элемента (в составе носителей данных говоров), как и относительный консерватизм данных говоров в отношении прочих фонетических (и морфологических) черт обще-японской языковой системы. Это — всё, что может быть сказано по этому вопросу лингвистом; далее слово принадлежит антропологам (которые при этом должны иметь в виду, разумеется, не только «физиологическую статику», т. е. устройство органов тела, но и «физиологическую динамику», т. е. деятельность этих органов, в данном случае деятельность лицевых мускулов). И вот, если удастся установить, что определенная специфическая особенность в динамике лицевых мускулов действительно окажется принадлежностью «чисто-японской расы», то зависимость фонетической эволюции от антропологических расовых особенностей можно будет для данного случая считать доказанной. Но само собою разумеется, что в решении этого вопроса нельзя будет ограничиться одними лишь японскими фактами, а надо соответствующим образом обследовать и прочие историко-фонетические случаи (в любой территории земного шара), обнаруживающие совокупность делабиализационных процессов (т. е. ряда явлений в роде процесса *р → ф → һ [→ нуль]; он наблюдается, например, и в известных полинезийских языках, в древней истории «алтайских» языков [напр. узбекское һ в *هوكيز* *hokiz*, *hokuz* «бык» возводимо к обще-алтайскому *р; в прочих тюрпечих языках этому һ соответствует уже нуль], а из индоевропейских языков — в армянском и ирландском; и т. д.).

коны звуковой эволюции] выделяются также в виде особой (— внутри общей фонетики) дисциплины — под именем фонетической историологии.

В состав общего языкознания входят сведения, необходимые при научном изучении всякого отдельного языка и потому оно под именем *введения в языкознание* преподается на Этнологических Факультетах Университетов, в Востоковедных ВУЗ'ах и других ВУЗ'ах, где специально изучаются языки.

Экскурс.

К вопросу о делении языкознания на отделы.

В добавление к перечню отделов языкознания (как описательного, так и исторического) можно добавить понятие фразеологии. Нужно указать однако, что разными авторами термину «фразеология» даются различные определения. Я позволю себе употребить этот термин для обозначения особой дисциплины (наряду с фонетикой, морфологией, синтаксисом и лексикой), занимающей по отношению к лексике то же положение, какое синтаксис занимает по отношению к морфологии. Дело в том, что как морфология так и синтаксис (в отличие от лексики) имеют своим объектом изучения символику общих (абстрактных) идей [формальные значения слов и типов словосочетаний]; лексика же имеет дело с выражением индивидуальных понятий [лексических значений], но по количественному признаку тех величин, которыми оперирует в качестве единиц данная дисциплина, лексика является соизмеримой лишь с морфологией (— так как единицей-*maximūm* и в лексике и в морфологии служит слово, а единицей-*minimūm* — морфема), но не с синтаксисом (оперирующим, в качестве единицы - *maximūm*, с словосочетанием или фразой, а в качестве единицы - *minimūm* — со словом). И вот возникает потребность в особом отделе, который в данном отношении был бы соизмерим с синтаксисом, но в тоже время имел бы ввиду не общие типы, а индивидуальные значения данных кон-

кретных словосочетаний — подобно тому как лексика имеет дело с индивидуальными (лексическими) значениями данных слов. Этому отделу языкознания я и уделяю наименование фразеологии (другой, предлагавшийся для этого значения термин — идиоматика). Необходимо сказать, однако, что несмотря на все свои теоретические права на существование, фразеология (resp. «идиоматика») не завоевала себе обособленной позиции в литературе по нашей науке, т.-е. нет более или менее обширных отделов литературы, посвященных фразеологии (подобно прочим дисциплинам: фонетике, морфологии, синтаксису, лексике); в большинстве случаев есть только известный материал по фразеологии в трудах, трактующих смежные с ней дисциплины (особенно в работах по лексике). Из числа книг, наиболее подходящих под понятие материала по фразеологии можно назвать, например, Михельсон, М. И. «Русская мысль и речь» I, II. Вообще этой, теоретически вполне возможной и нужной (особенно в практическом отношении — для преподавания языков) дисциплине авторы лингвистических работ уделяли весьма мало внимания, хотя есть основания думать, что она фактически займет обособленную и устойчивую позицию (подобно фонетике, морфологии и т. д.) в лингвистической литературе будущего — когда в последовательной постановке разнообразных проблем наша наука лишена будет случайных пробелов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Общая фонетика.

Органы произношения и их звукопроизводные функции.

§ 16. Органы произношения, — это 1) дыхательный аппарат, состоящий из диафрагмы или грудобрюшной преграды, грудной клетки, легких и дыхательного горла; 2) гортань; 3) надставная труба, состоящая из полостей, находящихся над гортанью, именно — полости рта и и носовой полости.

Функция дыхательного аппарата состоит в образовании струи воздуха. При языковом процессе используется, обыкновенно, только выдыхание (экспирация), т. е. струя, выходящая из легких, а не вдыхание (струя, втягиваемая в легкие из окружающего воздуха). Однако, можно произносить слова и фразы и при вдыхании, и иногда такой способ говорения употребляется затем, чтобы слушающие не узнали по голосу говорящего.¹

Благодаря тому, что главную роль для языкового процесса играет выдыхание воздуха, оно производится во время речи медленно и экономно; вдыхание же, т. е. восстановление запаса расходуемого при выдыхании воздуха, производится во время

¹ Это имеет место в святочных обычаях в швейцарских деревнях: ряженые говорят *тягиал воздух* — чтобы не быть узнаваемыми. Кроме того, в качестве примера особого звука, всегда произносимого именно путем выдыхания (а не выдыхания) воздуха, можно назвать японский «звуковой жест» (заменяющий собою и слово и фразу) — инспираторное в [—s, — если употреблять для обозначения выдыхания знак —s предложенный Jespersen'ом]. Это [—s] ассоциируется с выражением чрезвычайной степени почтения (даже благоговейного страха) перед собеседником, и может заменять собою произнесение фраз в роде *kaš(i)komarimašta* и т. п.; при этом данный «звуковой жест» обычно дополняется и специфическим моторным жестом (жестом в собственном смысле этого слова) в виде типичного в японском церемониале присядания.

От звуков, произносимых с выдыханием (т. е. втягиванием воздуха), каково это яп. [—s], надо отличать 1) «щелкательные» звуки — так называемые *Schnalzlautе* южно-африканских (или «прото-африканских») — с исторической точки зрения) языков: бушменского, пигмейских, готтентотского: в них не происходит ни выдыхания из легких, ни вдыхания в легкие, а лишь перемещение воздуха внутри рта из одной камеры в другую — благодаря раствору язычной смычки, т. е. то самое, что мы имеем при нашем причмокивании или прищелкивании языком. Такой же *Schnalzlaut* — в виде изолированного на положении «звукового жеста» звукопредставления мы встречаем, напр., в узбекском языке (как и в других языках Туркестана, даже у русского населения Средней Азии) для выражения отрицания [это — переднеязычный *Schnalzlaut* — с тем же укладом языка, как и при [t], что мы условно выразим в транскрипции через [—t] (или через [—c]) — обозначая через [—] именно понятие *Schnalzlaut'a*] 2) грузинские, мегрельские, чеченские, абхазские, черкесские и т. д. «смычно-гортанные» или «гамзированные» согласные — напр. [p[?] t[?] k[?] q[?] c[?] č[?]], абхазск. [ψ[?]], — о механизме которых см. ниже. Как и выдох воздуха из легких (до момента раствора гортанной смычки), так и — тем более — вдыхание (*inspiratio*) в легкие, разумеется, совершенно исключено из артикуляции этих звуков, благодаря характерному для них затвору гортанной щели.

речи быстро, для чего используются те небольшие паузы, которые сопровождают в языке переход от одной мысли к другой.¹

Механизм дыхательного аппарата таков, что легкие неспособны к самостоятельным движениям; они расширяются только благодаря поднятию грудной клетки или опущению диафрагмы (при чем это расширение их развивает струю вдыхаемого воздуха). При выдыхании же струя, выходящая из легких, создается потому, что, при отсутствии работы мускулов, поднимающих грудную клетку, эта последняя опускается и выдавливает из легких находящийся в них воздух, или же то же самое выдавливание воздуха из легких производится путем давления на них снизу поднимающейся диафрагмы.

Дыхательное горло соединяется с каждым из легких посредством бронх (их 2). Из дыхательного горла выдыхаемый воздух поступает уже в гортань.

§ 17. Гортань (греч. *λάρυγξ*, лат. *larynx*) представляет собою орган, предназначенный почти исключительно для речевых функций и имеющий замечательное устройство; замечательное — потому, что при всей незначительной величине гортани (отверстие гортани — т. е. отверстие перстневидного хряща — шириной с мужское обручальное кольцо) она представляет собой превосходный музыкальный инструмент, дающий крайне разнообразные, как по качеству, так и по силе, звуки.

Стенками гортани являются хрящи: перстневидный (лат. *cartilago cricoidea*) и щитовидный (*cartilago thyreoidea*). Перстневидный хрящ служит основанием гортани; он представляет собою кольцо, спереди имеющее очень низкий, а сзади —

¹ Это соединение остановок для возобновления запаса воздуха с теми остановками, которые уходят на психическую работу приготовления новой фразы (напр., выбора порядка слов), естественно является очень удобной комбинацией; но не всегда граница между отдельными смысловыми отрезками речи (предложениями) сопровождается прекращением выдыха и следовательно речевой паузой. Очень часто фонетическим выражением синтаксических границ (— конца предложения) является лишь особая мелодия голосового тона (в частности так наз. «мелодия сказуемости»).

высокий ободок. Его, таким образом, можно сравнить с кольцом, имеющим печатку (напр. с вензелем, гербом); месту, где помещается такая печатка, соответствует обращенная назад (и следовательно не ощупываемая) часть перстневидного хряща. Тонкий же ободок обращен вперед, и над ним помещается выдающийся своею средней частью вперед щитовидный хрящ, тот хрящ, который обыкновенно называют адамовым яблоком или кадыком (у мужчин он обыкновенно больше, чем у женщин).

На задней части перстневидного хряща находятся справа и слева по одному небольшому подвижному хрящiku, которые называются черпаловидными (лат. *cartilaginee arytaenoideae*) или пирамидальными хрящиками. Благодаря работе различных мускулов черпаловидные хрящики могут приближаться друг к другу или отходить друг от друга и вращаться в разные стороны. Эти разнообразные движения черпаловидных хрящиков оказываются чрезвычайно важными, так как от этих движений зависит положение голосовых связок, из которых каждая прикреплена одним из своих концов к одному из черпаловидных хрящиков. Другой конец голосовых связок прикреплен к внутренней стороне щитовидного хряща (т. е. противоположному — переднему краю гортани). Таким образом положение голосовых связок зависит от положения и движений 1) черпаловидных хрящиков, 2) щитовидного хряща.

Голосовые связки¹ (лат. *chordae vocales* или *ligamenta vocalia* или *ligamenta glottidis*) отнюдь не надо представлять в виде струн; это края обтянутых кожей мускулов, прикрепленных другими краями к бокам гортани. Таким образом, выдыхаемый воздух отнюдь не может проходить со всех сторон голосовых

¹ Кроме настоящих голосовых связок есть еще лежащие выше их ложные голосовые связки (*chordae vocales spuriae*), которые никакой роли при производстве звуков не играют и служат лишь для предохранения настоящих голосовых связок от попадания к ним посторонних предметов, например крошек пищи.

связок (как ветер обвеваает и справа, и слева струны воздушной, или эоловой арфы), он может проходить только сквозь щель между обеими голосовыми связками; таким образом голосовые связки следует сравнивать с губами (немецкий фонетик Klinghardt называет их *Stimmlippen*), а не со струнами. Сравнение с губами может быть продолжено и по отношению к функции голосовых связок. Когда мы произносим так называемое губное *г* (звук, обозначаемые в письме, как *прр...* или *брр...*; первый произносится, когда останавливают лошадь; второй — при ощущении холода), наши губы совершают ряд последовательных одинаковых движений: именно, сомкнутые (но не сильно сжатые) губы взрываются толчком выходящего воздуха, и на один момент расходятся и продвигаются вперед; затем по выходе сквозь образовавшееся отверстие известной порции воздуха губы опять смыкаются с тем, чтобы новый толчок воздуха немедленно же взорвал эту смычку и вывел губы из состояния покоя; таким образом, этот процесс повторяется безостановочно, и губы находятся в состоянии *дрожания*. Такое же *дрожание* (только с гораздо более частыми последовательными взрывами) испытывают и приближенные друг к другу голосовые связки при образовании того звука, который мы называем *голосовым тоном*:¹ путем соответствующего движения черпаловидных хрящиков голосовые связки приводятся в состояние неплотного соприкосновения одна с другой, при чем выходящий снизу (выдыхаемый из дыхательного горла) воздух своим давлением на сомкнутые голосовые связки взрывает их смычку и на одно мгновение продвигает их вверх, после чего они опять опускаются и приходят в состояние такого же, как раньше, неплотного соприкосновения — с тем, чтобы следующий толчок выдыхаемого воздуха опять вывел их из этого состояния; осуществляющееся

¹ Образование голосового тона, без которого немисливо пение и без которого не обходится в общем и речь (кроме шепотной) составляет главную языковую функцию гортани, но есть и другие: образование особых гортанных звуков, напр. [h] = ар. *ه*, [ʔ] = ар. *ع*, [H] = ар. *ح*, [Q] = ар. *ع*; см. ниже §§ 19 и след.

таким образом движение голосовых связок (оно повторяется несколько сот раз в секунду) является источником воспринимаемого нашим ухом голосового тона. О том, в каких звуках имеется этот голосовой тон, и в каких он отсутствует, мы можем сделать вывод на основании ряда слуховых или осязательных впечатлений, или же объективных (инструментальных) показаний. При этом, для фонетика необходимо, конечно, уметь различать звуки, сопровождающиеся голосовым тоном (так называемые звонкие) от тех, при которых голосовой тон отсутствует (так называемых глухих), по слуху. Но помочь при выработке этого умения различать звонкие звуки от глухих могут и другие способы. Так можно различать звонкие звуки от глухих по наличию дрожания щитовидного хряща, которое легко можно осязать, приложив палец к поверхности этого хряща, т. е. так называемому Адамову яблоку. Дело в том, что одним концом, ведь, голосовые связки прикреплены именно к щитовидному хрящу, которому, следовательно, и передаются дрожания самих голосовых связок; таким образом можно путем чувства осязания убедиться, например, в наличии голосового тона (и дрожания голосовых связок) при производстве звука [z], и в отсутствии такового при производстве звука [s], который будет соответствующим глухим для звука [z], т. е. таким звуком, производство которого отличается от производства [z] только отсутствием голосового тона, а прочие все работы при производстве обоих звуков одинаковы. Равным образом, можно констатировать наличие голосового тона при [v] и отсутствие его при соответствующем глухом [f], наличие его при [ž] и отсутствие при соответствующем глухом [š], наличие его при [b], [d], [g] и отсутствие при соответствующих глухих [p], [t], [k]. Точно так же можно убедиться в наличии голосового тона при нормальном произношении всяких гласных, например [a], [e], [i], [o], [u], и в отсутствии голосового тона при шепотном произношении этих гласных.

§ 18. Возможна и регистрация голосового тона на особых

приборах, например на кимографе, который представляет собой вращающийся с одинаковой скоростью цилиндр, обтянутый закопченной бумагой, на которой подвижное перо очерчивает кривую, соответствующую колебаниям щитовидного хряща; для этого берется пустая (т. е. наполненная воздухом) резиновая капсула, которая прикладывается (или обыкновенно подвешивается на ошейнике) к кадыку; соответственно дрожаниям этого кадыка (т. е. щитовидного хряща, вторящего дрожаниям прикрепленных к нему голосовых связок) приходит в дрожание и воздух, заключенный внутри этой капсулы; от нее идет резиновая трубка, к концу которой прикреплена чувствительная мембрана, и к центру этой мембраны прикреплено перо, которому, следовательно, передаются дрожания воздуха, заключенного в капсуле и трубке; перо устроено таким образом, что колебания мембраны (соответствующие колебаниям воздуха в капсуле и трубке), связанные с колебанием одного конца пера, отражаются в увеличенном виде на другом его конце (перо, следовательно, представляет рычаг, точка опоры которого ближе к концу пера, прикрепленному к мембране, чем к его свободному концу), и этот конец его, двигаясь справа налево и обратно по бегущей под ним закопченной бумаге, записывает на ней кривую, соответствующую дрожанию воздуха внутри трубки, а следовательно соответствующую также и дрожанию щитовидного хряща и дрожанию прикрепленных к этому хрящу голосовых связок. Поэтому каждое колебание голосовых связок будет записываться в виде зигзага кривой, и, зная скорость вращения цилиндра, на который прикреплена закопченная бумага, можно узнать, с какой скоростью происходила вибрация голосовых связок. От изменения этой скорости дрожания голосовых связок зависит высота голосового тона подобно тому, как от частоты дрожаний скрипичной струны зависит высота создаваемого этими дрожаниями звука. Чем чаще колеблется производящее звук тело (скрипичная струна или голосовые связки), тем тон выше. Чем меньше число таких колебаний в единицу времени (например, в секунду), тем тон ниже.

Струна, колеблющаяся со скоростью 435 двусторонних (т. е. взад и вперед) колебаний в секунду (*vibrations doubles*, что сокращенно изображается: V.D.) дает тон la^3 (по немецкой системе a^1); струна, дающая в секунду вдвое более колебаний, т. е. 870 V.D., дает тон на октаву выше, т. е. la^4 (a^2); струна, дающая вдвое меньше число колебаний, т. е. 435 простых (простым колебанием считается половина двустороннего, — движение струны, как взад, так и вперед) колебаний (*vibrations simples*, что сокращенно изображается V.S.), издает тон на октаву ниже ($la^2 = a$). Второе большее число колебаний дает тон на дуодециму выше; т. е., если $la^3 = 870$ V.S. ($= 435$ V.D.), то $mi^5 = 2607$ V.S. ($= 1303$ V.D.). Частота колебаний струны зависит, как от ее длины, так и от натянутости. Чем струна длиннее, тем медленнее ее колебания, и, следовательно, тон, издаваемый ею, ниже. Аналогично этому, чем длиннее голосовые связки, тем они будут более склонны к созданию низких тонов. Поэтому у мужчины, у которого голосовые связки обычно длиннее, чем у женщины, голосовой тон обычно ниже, чем у женщин; в различной длине голосовых связок состоит также главное отличие разных голосов, например, тенора, баритона, баса. Сообразно тому, как одна и та же струна при различных степенях натянутости может давать различные колебания, и голосовые связки могут давать различные тоны, что зависит от различных положений черпаловидных хрящиков (а также щитовидного хряща).

Сила же звука зависит от амплитуды (размаха) колебаний звукопроизводящего тела. Сильно дернутая струна колеблется с большим размахом каждого колебания, чем слабо задетая. Точно так же различен бывает по силе и голосовой тон в зависимости от того, насколько продвигаются вверх и вниз при каждом своем колебании голосовые связки (при записи голосового тона вышеуказанным способом на кимографе можно видеть разницу в силе голосового тона по величине зигзагов на кривой; высота же определяется по частоте этих зигзагов). Усиление голосового

тона, т. е. увеличение размаха колебаний голосовых связок может быть достигнуто, во-первых, путем создания более сильной воздушной струи, выходящей из дыхательного аппарата, что делается усилением давления ребер (грудной клетки) или диафрагмы на легкия. Но может быть это усиление достигнуто также путем уменьшения расстояния между колеблющимися голосовыми связками; если они сближены менее плотно, то выходящая струя воздуха менее давит на их края, и края их, следовательно, приходят в менее сильные колебания, — получается более слабый звук, чем при большей плотности сближения голосовых связок. Таким образом, изменения в высоте и силе голосового тона зависят от различных установок голосовой щели (так называется щель между голосовыми связками).

Как различия в высоте голосового тона, так и различия в силе выдыха, от которой зависит амплитуда колебаний голосовых связок, т. е. сила голосового тона, употребляются в различных языках для дифференциации звукового состава слов по моменту ударяемости (или акцентуационному¹ моменту). Ударение, основанное на относительной высоте голосового тона (т. е. частоте колебаний голосовых связок) называется музыкальным ударением (или музыкальной акцентуацией). А ударение, основанное на относительной силе выдыха, — силовым или экспираторным (от лат. *expiratio* «выдых») ударением; см. ниже § 33.

При инструментальном исследовании явлений, как музыкального, так и силового — экспираторного ударения (поскольку от последнего, т. е. силы выдыха, зависит и сила голосового тона) можно пользоваться как раз вышеуказанным методом регистрации частоты и амплитуды колебаний голосовых связок (посредством кимографа² и гортанной капсюлы).

¹ «Ударение» — по латыни *accentus* (буквальный латинский перевод греч. *Προσ-φδῖα* «напев» — по лат. **ad-cantos* → *accentus*), откуда производное — *accentuatio*, рус. «акцентуация» — «явления ударения, ударяемость, система ударяемости».

² По-французски *cylindre enregistreur* (т. е. «цилиндр-записыватель»).

Экскурс. Приведу несколько данных, добытых посредством этого инструментального эксперимента, по исследованию музыкального удара в японских говорах — из моих работ: 1) «Музыкальное ударение в говоре Токио» (ИРАН 1915) и 2) «Психофонетические наблюдения над японскими диалектами I. Говор дер. Мие префектуры Нагасаки».

1-й пример: Регистрация последовательного изменения высоты голосового тона в двух принципиально различающихся акцентуационных типах «односложных двухморных» (т.-е. состоящих из 1 долгого слога) слов в Токиоском говоре.

Запись производилась (на кимографе Кабинета Экспериментальной Фонетики Петерб. Ун-та) при точно известной скорости вращения цилиндра, что дает возможность установить и абсолютную высоту голосового тона — в музыкальных нотах. Расшифровка в кривых — для трех пар слов, различавшихся (в каждой паре) одно от другого только принадлежностью к разным акцентуационным типам, — именно слов:

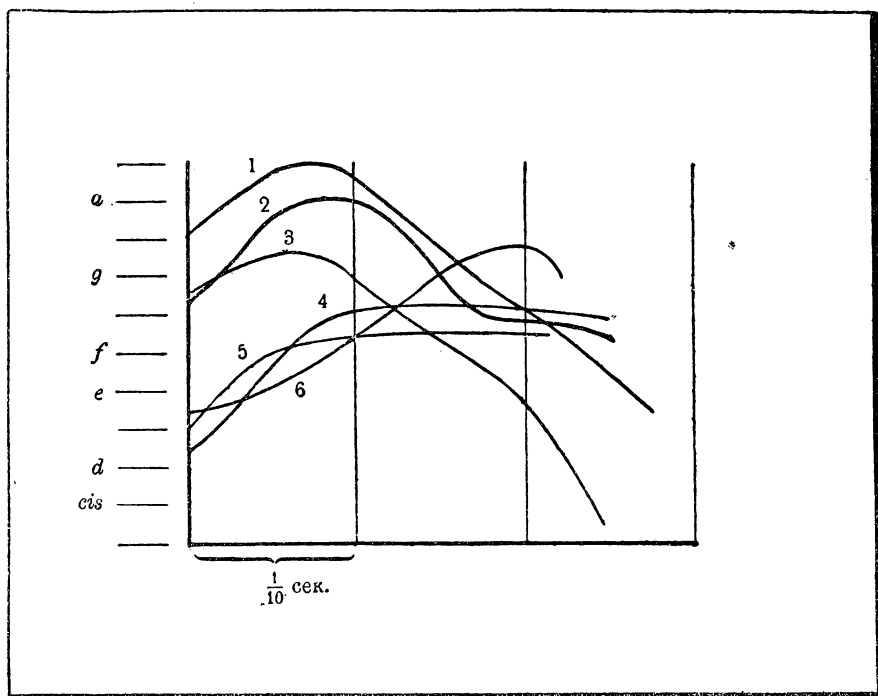
1. ʼoŋ 恩 «милость»	4. oŋ 音 «звук»
2. ʼsai 妻 «жена»	5. ho: 法 «закон»
3. ʼho: 頬 «щека»	6. sai 菜 «овощи, закуска»

дала следующий результат (см. рис. стр. 71):

2-й пример: Иллюстрация двух типов музыкальной акцентуации (баритонных и окситонных слов) в говоре деревни Мие 三重 Нагасакской префектуры — в подсчетах кривых голосового тона, записанных на кимографе.

Каждое слово, в данном говоре, принадлежит к одному из двух возможных для данного числа слогов типов музыкальной акцентуации. При этом один ряд акцентуаций — начиная с односложных и кончая очень многосложными комплексами, противопоставляется другому, как нечто однородное, имеющее одинаковый принцип, что играет первостепенную роль при морфологических изменениях слов. Именно, слово, принадлежащее к тому из этих

типов, который характеризуется *понижением* голосового тона *к концу слова* и который мы поэтому будем называть *баритонным* типом, образует и производные формы (склонения, спряжения и т. д.), также принадлежащие к словам *баритонного* типа (т.-е. с понижением голосового тона к исходу слова). И на-

оборот, если слово принадлежит к типу, характеризующемуся противоположным признаком — *повышением* голосового тона *к концу слова* и потому называемому нами *окситонным* типом, то словами *окситонного* типа будут и производные формы от данного слова. Например:

А) *Баритонные* слова (и формы):

[Баритонный характер слова мы будем обозначать знаком $\underset{\cdot}{\text{}}$ перед последней морфой слова: например $\underset{\cdot}{\text{ha}}$, $\text{ha}\underset{\cdot}{\text{na}}$, $\text{ka}\underset{\cdot}{\text{u}}$, $\text{hapa}\underset{\cdot}{\text{.}}$, $\text{hap}'\underset{\cdot}{\text{a}}\underset{\cdot}{\text{.}}$].

日 ci «солнце, день»

Nominativ.-Genitiv. ci_Lga , ci_Lno

Subjectivus ci_Lwa

Dativus-Locativ. ci_L :

Instrumentalis ci_Lre

Ablativus ci_Lra

買 ka_Lu «покупает» (Praesens)

Praeteritum ko_Lta

Negativ. $\text{kawa}_L\eta$

Praeteritum Negativi kawa_Lta

Progressiv. $\text{k}'a:\text{jo}_L\text{i}$

Perfectiv. $\text{ko}:\text{co}_L\text{i}$

Lingvativ. $\text{ko}:\text{co}_L\text{ku}$

Praeter. Progress. $\text{k}'a:\text{jo}_L\text{tta}$

Praeter. Perfectivi $\text{ko}:\text{co}_L\text{tta}$

Praeter. Lingvativi $\text{ko}:\text{te}_L\text{ta}$

鼻 ha_Lna «нос»

hana_Lga

hana_L :

$\text{han}'a_L$:

$\text{han}'a_L\text{re}$

hanaka_Lra

着 ki_L : «одевает»
(Praesens)

ki_Lta

$\text{ki}_L\eta$, $\text{kira}_L\eta$

$\text{kira}'a_L\text{tta}$

kijo_Li

kico_Li

kico_Lku

kijo_Ltta

kico_Ltta

kite_Lta

и например еще

Accusativ. от Particip. (просубстан-
тивного) Praeter. Lingvativi
 $\text{ko}:\text{te}:\text{tato}_L\text{ba}$ [«того, который
закупил» = «закупившего»]

$\text{kite}:\text{tato}_L\text{ba}$

В) Окситонные слова (и формы):

[Окситонный характер слова обозначается знаком ' перед
его последней морфемой: 'ha , $\text{ha}\text{'na}$, $\text{a}\text{'i}$, $\text{hana}\text{'}$; $\text{han}'a\text{'}$].

火 'ci «огонь»

Nomin.-Genit. $\text{'ci}\text{'ga}$

Subjectiv. $\text{'ci}\text{'wa}$

Dativ.-Loc. $\text{'ci}\text{'}$:

Instrument. $\text{'ci}\text{'re}$

Ablativ. $\text{'ci}\text{'ra}$

и т. д.

花 $\text{ha}\text{'na}$ «цветок»

$\text{hana}\text{'ga}$, $\text{hana}\text{'no}$

$\text{hana}\text{'}$:

$\text{han}'a\text{'}$:

$\text{han}'a\text{'re}$

$\text{hanaka}\text{'ra}$

и т. д.

飲 ㇺ no^Гmu «пьет» (Praesens)

切 ㇺ ki^Г: «режет»
(Praesens).

Praeteritum nu:^Гra

ki^Гtta

Negativ. noma^Гη

kira^Гη

Praet. Neg. nomaśa^Гtta

kiraśa^Гtta

Progress. nomijo^Гi

ki:jo^Гi

Perfectiv. nu:šo^Гi

kitéo^Гi

Linqutativ. nu:šo^Гku

kitéo^Гku

Praet. Progressivi nomijo^Гtta

ki:jo^Гtta

Praet. Perfectivi nu:šo^Гtta

kitéo^Гtta

Praeser. Linqutativi nu:re:^Гta

kitte:^Гta

и Accus. от соответствующего при-
частия nu:re:tato^Гba «напивше-
гося»

kitte:tato^Гba «наре-
завшего».

То же постоянство мелодического типа основы сохраняется и в прочих морфологических ее осложнениях,¹ а также и в Compositis, имеющих первой своей частью данную основу: например t^εa:^Гko «барабан» — t^εa:ko^Гtata^Гki «барабанщик», ha^Гna «нос» — ha^Гna^Гku^Гso «сопли». [Тип акцентуации 2-й части Compositi не имеет никакого значения для акцентуации этого Compositi, хотя он тотчас же выделяется при разложении Compositi: например gumino^Гha или gumi^Гno^Гha «лист растения Гуми». При этом Composita (зависящие в своей акцентуации только от 1-й части) могут быть очень длинными: например ka^Гga «Китай» — ka^Гga^Г-kuninotatemonno^Гgo^Гto «на подобие здания китайской страны»].

Для выяснения физической стороны этой акцентуационной системы мне служили (— кроме собственного моего слуха и само-наблюдения объекта изучения — гр. Токунага) кривые голосового тона, записанные посредством гортанной капсулы на кимографе в Психологической Лаборатории при Токиоском Имперском Университете. В приводимых ниже подсчетах кривых я пользуюсь

¹ Некоторые исключения из этого закона указаны в «Психофонетических наблюдениях над яп. диалектами I».

следующим упрощенным методом дешифровки: отмечаю в десятичных долях миллиметра длину периода кривой голосового тона; но это не длина каждого отдельного периода, а арифметическое среднее для нескольких рядом стоящих периодов, число каковых я каждый раз отмечаю в виде коэффициента перед данным числом. Таким образом 5.14 следует понимать как то, что пять рядом находящихся периодов заняли в общем $5 \times 14 = 70$ десятичных $= 7.0$ мм., но эта сумма могла составиться, например из $13 + 13 + 14 + 15 + 15$, а может быть и иначе. В скобках [], после числа, означающего среднюю длину периода, я отмечаю — также в десятичных долях мм. — амплитуду волны в последнем из данных периодов. Следовательно, если подсчет кривой начинается с цифр 5.15 [10], 7.15 [25], . . . , то это значит, что амплитуда у 5-го периода была 1.0 мм., а у 12-го — 2.5 мм. (средняя же длина периода — 1.5 мм.).¹

Числа, выражающие среднюю длину периодов, дают представление об относительной высоте голосового тона, т. е. о движении высоты в слове (при большей длине периода тон ниже; при вдвое большей, чем данная, тон ниже на октаву); но к сожалению я не могу указать абсолютную высоту, так как скорость была отмечаема только для некоторых вращений цилиндра и была неодинакова при других.

Числа, выражающие амплитуду, могут дать некоторое представление об изменениях силы голосового тона (ибо при одинаковой высоте тона большая амплитуда соответствует большей силе

¹ Надо заметить, что амплитуда первого и последнего периодов какого-либо звонкого отрезка бывает всегда очень мала (ведь эти периоды граничат с прямой линией, которая соответствует глухим элементам — спокойному состоянию голосовых связей). Поэтому в конечной группе периодов (где амплитуда падает до нуля) я цифры для амплитуды (в скобках []) не ставлю. А в части подсчетов я заменяю многоточием конечную группу периодов, на протяжении которой амплитуда (соответствующая силе звука) замирает, а длина периодов крайне быстро увеличивается (что соответствует сильному понижению тона, но уже настолько слабого, что в слуховом восприятии он уже не играет роли).

звука), хотя надо иметь в виду, что при понижении тона амплитуда может увеличиваться и без прироста силы. Там, где ясно выделяется один период по наибольшей для всей рассматриваемой кривой амплитуде, я пишу: *max.*, например 7.14 [45 *max.*]; это значит, что амплитуда последнего из данных семи периодов оказывается максимальной для всего данного звонкого отрезка и равна 4.5 *mm.* Как субъективные, так и объективные показания заставляют полагать, что физическая разница между баритонными и окситонными словами состоит в различии направлений в изменении высоты в конце слова: баритонным присуще понижение, а окситонным — повышение в конце слова.

Но эта общая характеристика обоих типов допускает целый ряд различных физических субститутов каждого типа в зависимости от числа слогов, от склонности к выпадению известных гласных (*i*, *u*) и прочих условий, в связи с чем изменяется и понятие «конца слова», внутри которого происходит характерное для данного типа понижение или повышение.

А) Баритонные слова.

А) 1. Баритонные одноморные слова (из 1 краткого слога).

Понижение происходит внутри гласного данного (единственного) слога. Очень часто к этому присоединяется еще силовая двухвершинность, т. е. ослабление (иногда почти перерыв) дрожания голосовых связок внутри гласного.

Изменение высоты легко улавливается на слух, в особенности же при громком и старательном произношении, когда у произносящего имеется желание подчеркнуть данную особенность, например поправляя иностранца.

Объективные (инструментальные) данные подтверждают слуховое впечатление. Приведу (для баритонных одноморных) подсчеты 5 кривых (из рассмотренных 13-ти; разумеется понижение констатируется и в прочих восьми).

на «имя»: 3.19 [10], 3.18 $\frac{1}{3}$ [21], 4.17 $\frac{1}{2}$ [32], 2.16 $\frac{1}{2}$ [39 *max.*], 4.15 $\frac{1}{2}$ [35], 4.15 $\frac{1}{4}$ [32], 4.15 [30], 4.15 [30], 4.15 $\frac{1}{4}$ [25], 4.15 $\frac{1}{4}$ [23], 2.15 $\frac{1}{4}$ [21], 9.16 [24], 4.16 $\frac{1}{4}$ [26],

4.16¹/₄ [28], 3.16²/₃ [28], 4.17¹/₂ [31], 4.18 [32], 4.18³/₄ [30], 3.20 [26], 2.22 [18], 2.24 [7]...

「не «цена»: 5.18 [5], 5.17¹/₂ [8], 4.17 [12], 4.16¹/₄ [21], 4.16¹/₄ [23], 5.16 [29], 3.15¹/₃ [30], 4.15¹/₄ [30], 4.15 [32], 8.15 [32], 4.14³/₄ [31], 4.15 [31], 4.15 [30], 4.15¹/₄ [31], 4.16¹/₄ [32], 3.16²/₃ [30], 4.18 [31], 2.20 [25], 4.22¹/₂ [13], 3.27 [10]...

「ha «лист»: ¹ 4.12¹/₄ [19], 2.12¹/₂ [30 max.], 5.12 [20], 4.11¹/₄ [18], 7.11³/₇ [13], 3.12 [3], затем следует на продолжении 170 (17.0 mm.) ряд периодов с чрезвычайно малой амплитудой, после чего: 5.12 [3], 7.12⁶/₇ [5], 3.13¹/₃ [8], 3.14¹/₃ [12], 3.15²/₃ [5], 4.17¹/₂ [4]...

「ci «солнце»: 2.16 [35], 3.15²/₃ [36], 3.15 [36], 2.14¹/₂ [31], 3.14 [25], 3.14 [26], 4.13³/₄ [25], 3.13²/₃ [26], 3.14 [27], 3.13²/₃ [25], 3.14 [28], 4.41¹/₂ [29], 3.14²/₃ [28], 4.14³/₄ [28], 3.15 [30], 4.15¹/₂ [30], 4.16¹/₄ [31], 3.16²/₃ [31], 3.17¹/₃ [32], 4.18³/₄ [31], 2.20 [28], 2.21¹/₂ [20], 1.23 [15]...

「je «рукоятка» ² 柄: 4.17¹/₂ [8], 2.17¹/₂ [9], 3.16 [15], 3.15 [24 max.], 2.15 [21], 3.14¹/₃ [19], 2.15 [13], 2.14 [8], затем следует ряд периодов с крайне малой амплитудой на протяжении 500 (50.0 mm.), после чего: 2.15 [7], 3.16²/₃ [9], 2.17 [8], 2.20 [8], 2.21 [7]...

Имеющиеся у меня кривые слов 「ke «волос», 「i «желудок», как и приведенные выше подсчеты слов 「je 柄, 「ha 葉, заставляют считать силовую двухвершинность несомненной для некоторых случаев произношения окситонных одноморных, так как полное почти замирание амплитуды (почти прямая линия) посредине гласного звука тут не может быть истолковано, как следствие повышения тона в начале гласного — перед следующим понижением.

¹ Слова «лист» и «зуб» (ha) различаются в Нагасаки и в Токио (и в Рюк. по согласному: fa: и ha:), но совпадают в Тоса и в Киото.

² В Киото 「e:, Тоса e (Nom. 「ega:, Токио 「e (eга). Начальное *e дает в Нагасаки je (поэтому, напр. *we «картина» → *e → Наг. 「je и совпадает с Наг. 「je ← *i(p)e «дом»).

Примечание. Историческое объяснение этого факультативного явления (— силовой двухвершинности гласного в одноморных баритонных) для меня неясно. Во всяком случае причина его вовсе не связана с теми именно словами, записи которых обнаруживают двухвершинность по моим подсчетам: ясно, что это — уже общая (но притом факультативная) черта всего типового представления баритонных одноморных. Можно только указать, что большинство японских одноморных основ можно возводить к древним двухсложным основам, а потому, может быть, эта силовая двухвершинность — и есть пережиток давнишней (праязыковой) двусложности данного количественного основ, — пережиток, который по тем или другим причинам обнаруживается (факультативно) именно в *баритонных* односложных.

А) 2. Односложные двухморные.

Односложные баритонные из долгих слогов характеризуются также нисходящей мелодией внутри гласной или дифтонга. На слух они отличаются от ударенных на первом элементе токиоских долгих слогов (например Токиоск. 𪛗𪛗: 頰 «щека», 𪛗𪛗 恩 «милость») тем, что в Нагасакских (— в данном говоре дер. Мие) баритонных нет обязательного силового выделения первого элемента в ущерб второму, которое имеет место в данных Токиоских словах.

じ𪛗: «говорит» (Praesens: *Гір-и¹): 4.19½ [13], 4.18½ [19], 3.17 [23 max.], 4.16¼ [20], 7.15 [13], 6.14⅙ [7], 5.13⅘ [5], 7.13⅘ [3], 6.13½ [4], 7.13⅘ [4], 4.13¾ [4], 5.14 [3], 7.14⅘ [3], 4.15½ [4], 7.15⅘ [9], 7.17⅘ [12], 6.18½ [16], 5.21 [14], 4.25 [8], 3.28⅓ [8], 3.34.

о𪛗 «звук» (кит. заимствование: 音): 7.14⅘ [3], 6.15 [4], 7.14⅘ [5], 5.14 [5], 8.13¾ [5], 8.12½ [5], 8.14⅘ [7], 6.15 [9], 7.15⅘ [20], 3.15⅘ [24], 5.16⅘ [34], 3.19 [42 max.], 5.20⅘ [38], 4.22½ [26], 4.21 [8], 3.30.

А) 3. Двусложные баритонные:

Двусложные баритонные слова осуществляют принцип *баритонности* по разному. В большинстве случаев имеется падение

тона внутри гласного последнего слога, аналогичное с падением тона в односложных. Это движение высоты в конечном слоге необыкновенно ясно слышится, когда произносящему приходится давать идеальное (с наибольшим выяснением типических особенностей) произношение данного слова, например обучая меня различению слов ha₁na «нос» и ha₁na «цветок». Это слуховое впечатление подтверждается и кривыми (у меня не было ни одной кривой для двусложных и многосложных баритонных, где был бы намек на повышение тона внутри последнего слога), например:

o₁tta Praeteritum от o₁i (← *woru; Toca ʔo₁ru) — «был»:

Гласный o: 4.17½ [8], 5.16 [12], 5.14 [15], 4.15 [22], 3.14⅓ [23], 6.14⅓ [21], 4.13¾ [19], 8.11⅓ [18], 7.14⅓ [17], 3.19 [10], 3.20.

Далее следует прямая на протяжении 1350 (t: = tt).

Гласный a: 5.13⅔ [20], 5.14 [27], 6.15 [25], 4.15 [25], 5.16 [24], 4.16⅓ [25], 5.16⅔ [22], 5.17 [21], 4.17½ [21], 5.18⅓ [18], 5.19⅓ [16], 4.21¼ [17], 4.23¾ [12], 3.26 [10], 3.28⅓ [7], 3.31⅔ [3], 3.35.¹

Вопрос об ударяемости первого или второго слога в двусложных словах для данного говора не может быть ставимым так, как насчет русского (где ударение силовое) или же японского токиоского (где ударение музыкальное), где один слог с полной определенностью выделяется, как ударенный, из ряда прочих. В данном же говоре (— дер. Мие, как впрочем и других Нагасакских) *первый слог* двусложных баритонных несмотря на то, что в большинстве случаев тахитим высоты приходится именно

¹ Колоссальность падения тона может показаться сомнительной. Но на самом деле — это вовсе не редкость (в кривых, запечатлевших нисходящую мелодию гол. тона) именно на конце кривых, при сильном уменьшении амплитуды (что указывает на то, что это колоссальное падение тона *уже не слышно*). Сравни аналогичное наблюдение А. П. Абель — «Об акцентуации ударенных простых гласных в латышском яз.» в «Изв. Отд. р. яз. и сл. А. Н.» 1915 т. XX кн. 2 стр. 188: «Среди моих записей оказалось несколько кривых, в которых с уменьшением амплитуды длина периодов увеличивается раза в 3 и даже 4 против минимальной, так что по свидетельству этих кривых тон падает на 4 октавы(?)».

внутри него (а не внутри первой части гласного второго слога),¹ не может быть назван ударенным в обычном смысле слова уже потому, что гласный этого (первого) слога способен превращаться в глухой [тогда как в Токио гласный ударенного слога глухим не бывает — см. «Муз. уд. в гов. Токио» Изв. Акад. Наук. 1915, стр. 1620]. Примером такого оглушения гласного в первом слоге двусложного баритонного слова может служить кривая слова *ki₁ta* «север», на которой вышло только *a* (тогда как [*ki₁t*] — без дрожания голосовых связок), давшее следующие цифры (амплитуды не отмечаю):

3.15, 3.16²/₃, 4.17¹/₂.....

Однако, как это ни странно на первый взгляд, понижение гол. тона внутри последнего гласного, — момент видимо имеющий крупное психическое значение, в некоторых случаях может в баритонных словах отсутствовать, так как крайне часто гласный последнего слога может в словах этого типа [в противоположность окситонным] превращаться в глухой и даже исчезать (см. ниже об условиях падения *i* и *u*). Так например произношение слова *ha₁śi* «мост» в виде *haś* является наиболее обычным и [*i*] произносится (конечно, с понижением от начала к концу гласного) только при особо отчетливой фонации. При таких произношениях, как [*haś*] мелодия гласного первого слога ([*a*]) не играет существенной роли и никак не может быть приравнена к понижению внутри последнего слога, наблюдаемому при звонкости конечного гласного. Таким образом, характерное для баритонного типа «понижение к концу слова» в таких произношениях как [*haś*] не осуществляется, оставаясь только в намерении и не переходя в исполнение. Тем не менее принадлежность слова, произносимого в виде [*haś*], к типу баритонному — несомненна, ибо в словах окситонных (например *ha¹śi* «палочки для еды» 箸)² гласный последнего слога не может переходить в глухой или исчезать.

¹ Хотя у меня есть кривые, где *maximum* высоты первого слога (баритонных слов) приблизительно равен *maximum*'у высоты первой части второго слога.

² В Токио 箸 — *haśi* [*haś*], в Киото *ha¹śi*, в Тоса *ha¹sⁱ*.

Иначе говоря, конечный слог баритонного двусложного слова характеризуется понижением внутри гласного, чередующимся с нулем звонкости, что противопоставляется мелодии последнего слога окситонного двусложного слова, которая не способна чередоваться с нулем звонкости.

Итак, в итоге оказываются возможными 3 физических разновидности (три физических типа) двусложных слов (психически единого) баритонного типа:

1) Идеальный физический тип: со звонкими гласными в обоих слогах и с понижением внутри второго слога.

2) Физический тип приведенной выше записи слова *kita* «север», с нулем звонкости в первом слоге и понижением внутри второго.

3) Физический тип [haś], с нулем звонкости во втором слоге.

Но точно определенных норм тут не существует: 1) факультативно всякое двусложное баритонное слово может иметь произношение первого физического типа (идеального); 2) некоторые слова факультативно могут иметь, как произношение второго, так и произношение третьего физического типа. Например слово *ki₁ku* «слушает» (Praesens: *ʔkik-u¹) может быть произнесено или по физическому типу *ki₁ta* с глухим [i̥] и звонким [u], внутри которого будет понижение гол. тона ([u]), или наоборот по физ. типу [haś]: в виде [kiku],¹ т. е. с глухим u и со звонким i. Не невозможно также и произношение *ha₁śi* «мост» по второму физ. типу: с глухим [ḁ] и звонким [i̥]; но оно реже, чем произношение [haś].

¹ В *ki₁ku* гласный u становится глухим ([u̥]), а в слове *ha₁śi* [i] вовсе выпадает — потому, что позиция узких кратких гласных i и после спиранта (здесь [ś]) [или же также после аффрикаты] является условием, благоприятствующим их полному падению (при наличии и других моментов: соседства с глухими согласными, или — как здесь — конечной позиции, после глухого согласного и при том в баритонном именно слове).

А 4) Более чем двусложные слова баритонного типа.

Останавливаться на них мне не позволяет место и я ограничусь лишь общим выводом, что падение мелодии гол. тона происходит в течение трех последних мор¹ слова, какой бы длины оно ни было.

В трехсложных из кратких слогов *maximum* высоты может приходиться и на первый и на второй слог (что киотосцу напоминает его тип ['таме¹на [«здоровый»]]. В баритонных четырех- и более-сложных словах (а также в трехсложных, последний слог которых долог) *maximum* высоты приходится на слог третий с конца (в случае его долготы — на его вторую мору), если два последних слога кратки, и на слог предпоследний (в случае его долготы на его вторую мору), если последний слог слова долог. Но самонаблюдение произносящего далеко не сразу определяет место повышения: мнесцу гораздо легче бывает указать, что повышение находится где-то ближе к началу слова (а не на конце слова, как в окситонных словах), чем точно определить его место; и этого указания ведь вполне собственно достаточно с точки зрения существующей в языке дифференциации слов: им исчерпываются все существующие в данном говоре мелодические различия (кроме стоящих на особом положении эмфатических вариаций мелодии — см. ниже, в конце экскурса).

Б) Окситонные слова.

Б) 1. Окситонные одноморные характеризуются движением высоты, обратным тому, которое имеется в баритонных, т.-е. повышением от начала к концу слога.

В приводимых подсчетах видно, правда, кроме повышения тона, и его дальнейшее понижение — на самом конце гласного, при значительно уменьшившейся амплитуде, но ему (именно в виду малой амплитуды) нельзя приписывать акустического значения.

Где «корень» 根: 5.20 [10], 3.18²/₃ [22], 4.17¹/₂ [37], 6.15 [45 max.], 6.14¹/₆ [37], 4.13³/₄ [35], 4.13³/₄ [30], 7.13⁴/₇.

¹ Морой считается краткий слог или половина долгого.

[24], 7.13⁴/₇ [23], 7.13⁴/₇ [21], 4.13³/₄ [20], 5.14 [20], 6.14¹/₆ [20], 5.14³/₅ [20], 8.15 [20], 4.16¹/₄ [20], 6.17¹/₂ [20], 2.17¹/₂ [18], 5.19.

「**ни** «два» (кит. Го-он'ное заимствование: Клот. **ni**: Токио **ni**): 3.15³/₅ [14], 7.15²/₇ [29], 4.14¹/₄ [36 max.], 9.13 [35], 9.12²/₉ [30], 9.11²/₃ [25], 8.11⁷/₈ [23], 8.11⁷/₈ [23], 9.12 [20], 9.12⁴/₉ [19], 9.12⁷/₉ [17], 8.13³/₄ [11], 6.14⁵/₅ [6], 6.15¹/₃.

「**на** «зуб» **齒**: 3.15²/₃ [11], 2.15 [28 max.], 5.14 [19], 6.13¹/₂ [17], 7.12⁶/₇ [13], 8.12¹/₂ [10], 8.12¹/₂ [9], 4.12¹/₂ [9], 7.12⁶/₇ [8], 7.12⁶/₇ [4], 5.14 [3], 6.14¹/₆.

「**ци** «огонь» **火**: 2.19 [30], 1.16 [37 max.], 4.15 [34], 6.14¹/₆ [24], 4.13³/₄ [20], 4.13³/₄ [20], 4.13³/₄ [18], 8.13³/₄ [17], 7.14²/₇ [14], 6.14²/₃ [16], 6.15 [14], 7.15⁵/₇ [16], 6.16¹/₃ [19], 5.17⁴/₅ [11], 3.18¹/₃.

「**је** «картина»¹ **繪** (*wě, Клото ег., Тоса ег., Токио е): 3.18¹/₃ [9], 3.18¹/₃ [13], 3.16²/₃ [24], 4.15 [34 max.], 5.14 [25], 4.13³/₄ [22], 4.13³/₄ [22], 7.13⁴/₇ [18], 4.13³/₄ [17], 6.13¹/₃ [12], 6.13¹/₃ [8], 6.13¹/₃ [7], 6.13¹/₃ [5], 5.14 [5], 5.14 [5], 4.15 [5], 6.15⁵/₆ [5]...

Б) 2. Окситонные односложные из долгого слога:

juг: «хорошо» (*jo-ku, Adverb. от jo-г'ка «хороший»): 5.20 [17], 4.18¹/₂ [25], 3.17 [31], 2.16 [35 max.], 3.16¹/₃ [27], 4.15 [13], 4.14¹/₂ [10], 8.13³/₄ [3], 4.14¹/₄.

ог'η «милость» **恩** (кит. заимствование): 5.17¹/₅ [14], 3.16²/₃ [20], 4.15³/₄ [27], 4.15 [28 max.], 7.13⁶/₇ [22], 6.13¹/₃ [22], 6.13¹/₃ [18], 6.13¹/₃ [18], 6.13¹/₃ [18], 6.13¹/₃ [17], 7.13⁶/₇ [17], 6.14¹/₆ [16], 6.14 [12], 6.14¹/₆ [10], 7.14²/₇ [8], 6.15 [7], 6.15⁵/₆ [6], 6.16²/₃ [4], 3.16²/₃.

Б) 3. Многосложные окситонные слова.

Общий признак — повышение к концу слова может выражаться и в относительной высоте последнего слога (по сравнению

¹ Это Го-он, как и е — из *γwai (Пекинск. «хуй»).

с предшествующими) и в поднятии тона *внутри* последнего слога¹ (не в счет незначительное понижение к самому концу этого гласного при снизившейся уже амплитуде).

Приведу цифры для $u^{\text{Гsu}}$ «ступка»:

1-ое [u]: 5.20 [4], 5.18 [7], 3.16 $\frac{2}{3}$ [12], 4.15 [29], 2.14 $\frac{1}{2}$ [34 макс.], 6.13 $\frac{5}{6}$ [30], 6.14 $\frac{2}{3}$ [25], 2.17 [11], 4.18 $\frac{3}{4}$.

[s] — прямая на протяжении 400.

2-ое [u]: 8.15 [2], 7.14 $\frac{2}{7}$ [2], 7.12 $\frac{5}{7}$ [2], 6.13 $\frac{1}{3}$ [2], 9.12 $\frac{7}{9}$ [2], 9.13 $\frac{1}{9}$ [2], 9.13 $\frac{1}{3}$ [4], 9.13 [6], 7.12 $\frac{5}{7}$ [10], 5.13 [10], 8.13 $\frac{1}{8}$ [9], 5.13 $\frac{1}{5}$ [4]

Одним из отличий окситонного типа от баритонного является, как сказано выше, устойчивость конечного гласного. Его выпадение в двусложном окситонном совершенно недопустимо. И те крайне редкие случаи нуля вместо конечного *и* в четырех- и более-сложных окситонных словах, оканчивающихся на $s(u)$ которые я наблюдал в произношении г. Токунага, — явление исключительное и, может быть, даже наносное: это — формы на суффикс $-mas(u)$, которые говору д. Мие (как и суффикс $-des(u)$) чужды и проникают в него (при вежливой речи) только благодаря влиянию разговорной «койнэ» (т. е. Токиоского), и то сравнительно весьма редко. Во всяком случае это явление интересно, как использование нового признака окситонного типа для его, различения от баритонного: $agi\text{ma}^{\text{Гsu}}$,² произнесенное как [agi-mas], отличается от $ogi\text{ma}_s\text{u}$, произнесенного как [ogimas], по мелодии тем, что в первом повышение приходится на [ma], а во втором на [gi].

Примечание. Я не касаюсь здесь эмфатического перемещения повышения в окситонных словах — с последней на предпоследнюю мору (что составляет обычную мелодию Императивов:

¹ Особенно хорошо эта элевация тона внутри последнего слога слышна при намеренном подчеркивании признаков окситонного типа, напр. при противополжении слов $ha^{\text{Гna}}$ 花 и ha_{na} 鼻.

² Если бы это были не новейшие заимствования из койнэ, а туземного развития формы, мы имели бы $ai\text{masu}$, $oi\text{masu}$ (с переходом $*ri \rightarrow *r' \rightarrow i$).

например k'i:naŋa're₁: — вежливый Императив от ku^г: «есть», o'ki₁re — Императив oki^г: «встает», и вокативных предложений: например mi^гcu₁je — от женск. имени mi^гcu^гje, aŋ'ga₁: — «Анра!», ласкательно-уменьшительное от мужск. имени aŋa^гta (新).

§ 19. Кроме создания различных оттенков (по высоте и силе) голосового тона, т.-е. ударяемости (музыкальной и силовой), от различного положения голосовых связок зависит еще целый ряд различий между звуками языка: именно, 1) работы гортани (и в частности особые уклады голосовых связок) образуют сами по себе звуки, причисляемые поэтому к категории *гортанных*; 2) особые работы гортани (и голосовых связок), присоединяясь к другим (ротовым) работам, дифференцируют ряды звуков иного (не гортанного, а ротового) образования.

§ 20. Та часть голосовой щели, которая находится между голосовыми связками, называется голосовой щелью в узком смысле слова или междусвязочной или связочной щелью, а та часть, которая находится между черпаловидными хрящиками, называется междухрящевой или хрящевой щелью. При шепоте бывает открыта междухрящевая щель, а междусвязочная закрыта; таким образом, выход воздуха из гортани происходит, но дрожание голосовых связок отсутствует.

При так называемом фальцете (фистуле) междухрящевая щель закрыта, и колеблется только средняя часть голосовых связок (открыта только часть междусвязочной щели). Можно закрыть как междусвязочную, так и междухрящевую щель, т. е. совершенно прекратить выход воздуха из гортани смычкой голосовых связок. Если такая смычка голосовых связок имеется перед началом какого-нибудь гласного, то он начинается с легко заметного на слух взрыва этой смычки (в фонетическом алфавите обозначением этого гортанного взрывного служит ^г). В немецком языке такой взрыв сомкнутых голосовых связок обычен перед начальными гласными, например diese alte Eiche [di:zə

ʼaltə ʼaɪçə], die innere und äussere Einrichtung [di ʼinərə ʼunt ʼɔisərə ʼainriçtən]; возможен он также внутри сложных слов при известной самостоятельности второй (начинающейся с гласного) части такого сложного слова, напр., в Erinnerung [ʼerʼinərən].

В ряде же других языков этот гортанный (смычный) и взрывной согласный ([ʼ], по французски *coup de glotte*, по немецки *Stimmbänderverschluss*) играет роль самостоятельного согласного звукопредставления [т. е. может дифференцировать слова на таких же правах, как, напр., звук *t*, или звук *k* дифференцируют русские слова: *тон* от *он*, *школ* [škol] от *шёл* [šoɫ] и т. п.]. Это имеет место, например, в Касимовском диалекте татарского языка, в арабском языке (как и в обще-семитическом праязыке), в финском (Suomi), латышском (а также — очевидно под влиянием латышского — в ливском), в датском, в некоторых китайских диалектах (— именно в диалектах, сохранивших, так называемый, «5-й тон» — 入聲, который является ничем иным, как [ʼ] на конце слога), в тибетском, в тагальском, а также в некоторых кавказских языках, напр., в чеченском (где данный гортанный взрывной имеет даже два варианта — см. ниже):

1) Касимовский диалект татарского языка отличается, в фонетическом отношении, от др. тат. говоров прежде всего именно регулярной (почти без исключений) заменой всех заднеязычных согласных — *k, g, q, x* (точнее Ч), Ъ (= ɛ), η — через [ʼ] в любой позиции в слове. При этом, так как особенно частыми в словарном материале были звуки *k, q*, то большинство случаев Касимовского [ʼ] падает именно на случаи *k → ʼ, q → ʼ*. Например ʼaɫ «останься!» — из *qaɫ قال (отличается только наличием [ʼ] от aɫ «возьми!»),¹ ʼil ← *kel (тат. kil كیل) «приди!», ʼɫaʼ ← *quɫaɫ (ср. узб. Ташк. qulɔq قۇلاق) «ухо», ʼɫɪʼ ← *qɪrɪq (ср. узб. Ташк. qırq قىرق) «40», хаɫʼ или хаɫɫʼ ← ар. خالق «народ» [сохрани-

¹ Гласный [a] в начале [aɫ] «возьми» начинается уже с раскрытой голосовой щели, [ʼa] в [ʼaɫ] «останься» — наоборот со смычки ее.

к категории звонких согласных: см. «Ibn Ja'ís, Commentar zu Zamachšari's Mufaššal», herausgegeben von Dr. G. Jahn, 2 B., 1886 г. — 1464,7 и 1465,8 (так как «не входит» в перечень глухих, она является звонкой — ^{مَجْهُورٌ}).

Примечания: 1) Из арабского языка [ʔ] проникает вместе с массой арабских заимствованных слов и в другие языки мусульманских народов, хотя часто это проникновение ограничивается только говорами интеллигенции, в частности мусульмански-образованной, изучавшей арабский язык. Так обстоит дело, напр., у узбеков и таджиков: образованные (особенно духовенство) произносят, напр., qurʔn, mæʔælæ (узб. нов. орф. ^{مەسئەلە قۇرآن}, тадж. ^{قرآن مسئلة}), иллитераты же произносят qurɒn, mæʂælæ. При этом ʔ произносится (или же выпускается) и в соответствии арабскому ع [Q] (т. е. ʔ и Q совпадают: или в ʔ, или же в нуле звука): žimʔæ или žimæ ^{جمعه}. Разумеется, особое звукопредставление [ʔ] имеет место (в произношении образованных узбеков и таджиков) только внутри и на конце слова (в žimʔæ, mæʔælæ, qurʔn, mæpʔ ← арабск. ^{جمع}, žæmʔ ← ^{منع} и т. п.), но не в начале слова.¹

2) В сирийском диалекте арабского языка [ʔ] появляется также на месте прежнего q (ق), — ср. вышеописанное Касимовское явление (от которого, впрочем, здесь принципиальное отличие в том, что [ʔ] заменяет не всякий заднеязычный согласный, а только q). Впрочем это q → ʔ в некоторых говорах сир. диалекта (напр. на Ливане) отсутствует.

3) В финском (— Суоми; в эстонском [ʔ] уже отсутствует) [ʔ] встречается на конце слов, напр., appaʔ — «дай!» (эст. appa).

4) В латышском [ʔ] имеет специфические функции — участвуя

¹ Несмотря на то, что новая узбекская орфография регулярно употребляет начальное «немое ʔ» (вместо ʔ в старой орфографии) перед гласной буквой: напр. ئادام ^{ئادام} Ташк. ^{ئادەم} adæm (узб. стар. орф. и тадж. орф. ^{آدم}), ئات ^{ئات} «лошадь» [тур. слово], ئېت ^{ئېت} «мясо» [тур. слово], ئۈچ ^{ئۈچ} Ташк. ^{ئۈچ} «три», «лети!» [тур. слова] и т. д.

в системе акцентуационных различий, и специфическую позицию — внутри гласного (— долгого, оказывающегося благодаря [ʔ] прерывистым), напр. [neʔe] «нет», taʔas и т. д. (при этом долгие гласные с [ʔ], т. е. с «прерывистой долготой», противоплагаются долгим гласным с восходящей или нисходящей мелодией; о происхождении лат. «прерывистой долготы» см. II часть — «Элементы сравнительной грамматики индо-европейских языков»).

5) Такое же [ʔ] внутри гласного встречается и в ливском языке, куда это фонетическое представление проникло, очевидно, из латышского (все ливы — двуязычны и окружены латышским населением). У Wiedemann'a (автора капитальной работы по ливской грамматике) эта «прерывистая долгота» не отмечается.

6) В датском [ʔ] — это так называемый «stød» (см. Jespersen «Lehrbuch der Phonetik»).

7) В китайском языке [ʔ] (при том, обычно, [ʔ] имплозивное, т. е. лишь с смыканием, но без взрыва гол. связок) на конце слога (после гласного, напр. в miʔ 蜜) имеется в тех диалектах (среднего и южного Китая), где конечные не-носовые смычные p t k уже исчезли, как таковые, заменившись именно гортанным смычным [ʔ].¹ Это и есть, так называемый, 5-й тон — 入聲 (в Пекинском, Шаньдунском и др. северно-мандаринских уже исчезнувший).

8) В тибетском же языке [ʔ] в начале слога (перед гласным) выражается особой буквой (Ṣ' = ʔa в отличие от Ṣ = a и Ṣ' = a ← *ṣa) и является с точки зрения фонетической системы VII века (эпохи изобретения алфавита Туми Самбода) особым, именно глухим гортанным смычным согласным; в новом же языке (с развитием высокого, среднего и низкого тонов гласных — в зависимости от категории, к которой принадлежал

¹ Чему в отдельных говорах предшествует конвергенция *t и *k между собой, следовательно *mit → mik и далее → miʔ (откуда в Пекинском, уже с утратой [ʔ], — mi').

предшествующий согласный) к этой характеристике присоединяется еще представление высокого голосового тона в следующем за [ʔ] гласном (— как и после всех древних «глухих непридыхательных смычных», напр. ㄗ 5 и т. д.).¹ Аналогичное явление — образование делений тонов на низкие и высокие [上平 и 下平, 上上 и 下上, 上去 и 下去聲]² в зависимости от предшествовавших глухих (напр. *p, *t, *k... а также *) или звонких согласных (*b, *d и т. д.) имело место и в древне-китайском языке.

9) В тагальском (одном из малайских языков на о. Люцоне) [ʔ] встречается на конце слова — т. е. также как в финском или же в китайском 5-м тоне.

10) Наконец [ʔ] присуще консонантическим системам ряда (хотя далеко не всех) кавказских языков, из которых я остановлюсь, напр., на чеченском и даргинском, где имеются 2 особых звукопредставления (фонемы), являющихся вариантами [ʔ]: 1) нормальное глухое [ʔ], 2) соответствующий звонкий, т. е. звонкий гортанный смычный, который обыкновенно изображают в передаче чеченских слов через ар. ع — «айн»³ [в «Грамматике даргинского языка» Л. Жиркова через ɛ],⁴ почему я условно и буду называть данный тип звука — «чеченским айн'ом».

Примечание. Относительно гортанно-смычной работы в составе ртовых согласных (так называемых «гамзированных» согласных груз., мегрельского и др. кавказских языков) говорится отдельно — см. ниже.

¹ В отличие от низкого тона в а = ㄚ или а = ㄛ (← ㄗа, напр. в Агван agwaŋ ← ㄗаg-dbaŋ букв «сильный голос»).

² Из которых только первая пара — да и то в совершенно видоизмененном физическом виде — сохранилась в Пекинском (где 上平 → ˊ, 下平 → ˋ) или в Мукденском (где в говоре Цзинь-чжоу-фу 上平 → ˊ, 下平 → ˋ).

³ Несмотря на то, что в арабском ع [Q] является спирантом, а не смычным, см. § 23.

⁴ Где данный звук трактуется совершенно правильно (— как звонкий смычный) и употребление для него видоизмененного знака ɛ есть не более, как транскрипционная условность.

Перечисленными примерами далеко не исчерпывается число языков, обладающих звукопредставлением [ʔ]. Это звукопредставление, в конце концов, оказывается не чуждым даже русскому языку, по крайней мере произношению уроженцев Прибалтики,¹ примером чего может служить мой собственный (Е. П.) индивидуальный говор. Именно, м. б. под влиянием немецкого языка, на котором я говорил в детстве, в словах с начальным гласным я нормально употребляю [ʔ]; когда же перед основой такого слова имеется согласный предлога (к, от и т. п.), гортанный смычный [ʔ] оказывается принципиальной границей между данным согласным и началом основы; получаются, таким образом, своего рода «гамзированные» согласные: [kʔas:u] = «к отцу», [atʔas:a] = «от отца» и т. д. В таких же случаях, как «в ад», «в атаманы», этот *coup de glotte* [ʔ], действуя как и прочие глухие согласные, оглушает собою (при медленном произношении, ибо в быстрой речи это [ʔ] я часто пропускаю) предшествующее *v* предлога (или «префикса»): [fʔat, fʔatamanʃ].

§ 21. Если же голосовая щель (как ее междусвязочная, так и междухрящевая части) открыта, и дрожания голосовых связок не происходит, но отверстие щели не слишком широко, то при прохождении воздуха получается трение его о края щели, и шум, который при этом происходит, дает звук, называемый гортанным спирантом [h]. Он имеется в немецком и английском языках, например, в немецких: Hand [hant], Hände [hende], Himmel [himəl], hübsch [hypš], Huhn [hu:n], Geheimnis [gə-'haimnis] и английских: high [hai], horse [hɔ:s], house [haus], how [hau], heart [ha:t], who [hu], whom [hu:m], childhood

¹ Очевидно, под немецким влиянием. Факт наличия начального [ʔ] в немецком произношении гласного *Anlaut* а отразился, между прочим, на следующем «фонетическом» анекдоте рижского происхождения. Пьяный гимназист приходит домой и отец спрашивает его: Was hast du geessen (вм. gegessen)? Тот вместо ответа вынужден был икнуть, но быстро спохватывается и подхватывает [ʔ] икоты добавляя тотчас же слово, начинающееся на гласный: Apfelkuchen. [И равным образом далее, звук позыва к рвоте маскируется звуком [h] — в начале слова *Hamburgerkringel*].

[tʃaɪldhʊd]. Нужно отличать этот звук от спиранта не гортанного, а заднеязычного — [x], который имеется в русском, напр. хата [xata]. Опускание звука [h] в английском, хотя довольно распространено, но считается вульгаризмом, не достойным подражания. Например, у Thackeray'a приводится воззрение, что для джентльмена невозможно жениться на девушке, которая drops her h's [eɪtʃɪz]. Интересно, что лица необразованные, говору коих свойственно такое опускание [h], часто при попытках быть корректными в языке, вставляют этот звук там, где не нужно, как это видно из такого анекдота: A barber, while operating on a gentleman expresses his opinion, that after all, the cholera was in the hair. «Then», observes the customer, «you ought to be very careful what brushes you use». «Oh, sir», replies the barber laughing, «I didn't mean the air of the ed, but the hair of the hatmosphere».

Во французском языке, как известно, буква h не произносится (этот звук исчез еще в вульгарной латыни, поэтому во всех романских языках мы не находим его следов, кроме традиционного изображения в письменности, например: лат. homo «человек», винит. падеж hominem — Франц. on [ɔ̃], homme [ɔm], итальянск. uomo [uomo], испанск. hombre [ombre]). Однако, различают два значения этой буквы: h muette и h aspirée; h muette (напр., в homme) просто лишний, не имеющий никакого значения знак; его употребляют исключительно традиционно, подражая латинскому письму (например, в homme или в histoire, лат. historia); в том, что он не выражает никаких особенностей, связанных с началом тех слов, где его пишут, можно убедиться из того, что при homme и при histoire точно так же возможно élision в формах l'homme, l'histoire и liaison в формах mon histoire [mɔnistwa:r], les hommes [lezɔm], как и при каких-нибудь oncle, ivrogne (где нет буквы h).

Слова же, в начале которых находят так называемое h aspirée, отличаются от таких, как homme, histoire, тем,

что при них избегают делать, как *élision*, так и *liaison*. Поэтому, например, имеются *la hâte* [la a:t], *vous haïssez* [vu aise], *les héros* [le ero]. Однако, такое употребление буквы *h* никакой пользы не приносит уже потому, что рядом существует употребление этой буквы в качестве *h muette*, и следовательно, из письма нельзя почерпнуть указаний относительно того, нужно при данном слове делать *liaison* и *élision* или нет. Исторически появление таких слов как *la hâte* в отличие от *l'homme* (и следовательно различие обеих функций буквы *h*) объясняется следующим: после того, как латинское [h] уже исчезло из произношения, в старо-французском языке появилось новое [h] в словах, заимствованных из германского, куда относятся и слова *hâte* (старофранцузское *haste*), *haïr*; этот звук распространился также на начало некоторых слов латинского происхождения, например *haut* < лат. *altus* и стал произноситься также в книжных словах, где в написание входила буква *h*; к таким словам принадлежит *héros*.¹

Затем, через несколько поколений это [h] в свою очередь исчезло из произношения; но остался след его именно в отсутствии *liaison* и *élision* при словах, где оно раньше произносилось.

Однако, исчезновение [h], как самостоятельной фонемы, из французского языка не препятствует тому, что иногда слабое [h] произносится (но может и не произноситься) там, где встречаются два гласных звука, не разделенных согласными, напр. в *fléau* [fle^ho] или [fleo], *poète* [pɔ^(h)et], *la honte* [la^(h)ɔ:t] и т. д.²

Кроме немецкого и английского, звукопредставление (фонема) *h* встречается еще, напр., в след. языках: арабском (где [h] изображается через *ه*), персидском (— *ه* и иногда *о*, напр.

¹ В *homme* звука [h] не появилось, так как это слово не было книжным и его произношение без [h] неуклонно жило в устной традиции.

² Сравн. те же условия факультативного появления начального *η* в китайском современном языке (перед широкими гласными): как особая фонема нач. **η* уже не существует — совпав с нулем согласного, но зачастую может быть услышано в начале любого слога, начинающегося с широкого гласного.

в 𐎧𐎺𐎠 šo:h),¹ армянском (где h восходит к и.-е. *р и *s), грузинском (ჰ; в современном языке, однако, это h = ჰ, впрочем, уже исчезает из произношения), японском (ハ へ 𐰇 в начале слова = ha he ho),² южно-китайском,³ малайских, корейском (пишется 火), в бурятском (где h ← монг. s, напр. haṯn ← 𐰢), в некоторых из турецких яз. (напр. в османском, азербайджанском, узбекском, и особенно в башкирском, а с другой стороны в туркменском), в ряде северно-кавказских, в финском (Suomi) и эстонском и т. д. и т. д.

В персидском главными источниками h служат: и.-е. *s (напр. в hæft 𐎧𐎺𐎠 ← арийск. saptá ← и.-е. *septṛh)⁴ и с другой стороны арабские заимствования.

В японском современное h восходит к *р через ступень *ф (тот же переход р → f или ф → h мы находим в армянском, в некоторых полинезийских языках [напр. apī → afi → ahi «огонь»;⁵ ср. яп. *pī → fī → Тоса hi^г: Киото ci^г: 火], в древнейшей истории части алт. языков — см. ниже); эта переходная ступень, — ф, сохранилась в Токиоском (и других нормально-японских говорах) только перед гласным u, но на перифериях японо-рюкюской территории (на северо-востоке, и с другой стороны в южной группе: отчасти на о. Кюсю и особенно в рюкюском) ф, или же его субститут f (в Аомори), сохранились и перед другими гласными: напр. Акита фаго || Ток. hako «ящик», fada || Ток. hata «знамя» и т. д.; в Рюкюском говоре Нāфа имеются и

¹ Это конечное в слове h в ряде говоров исчезает: 𐎧𐎺𐎠 → šo (напр. в персидском языке в устах памирских народностей).

² Эти ha he ho (стандартного говора) восходят к *ра, *ре, *ро; слоги же pī, pī дают здесь ci fi (в Тоса hi, hu).

³ В соответствии сев.-китайскому х.

⁴ Тот же переход и.-е. *s → h имел место в др.-греческом, армянском, ирландском.

⁵ Ср. мал. apu (тагальск. apu). Совпадение с аинским apī «огонь» и с нагасакским «детским словом» apu «огонь» делают возможным и сближение с яп. *pī (= *pī^г) → Ток. ci Киот. ci^г: Тоса hi^г: Рюк. (Нāфа) fi: [из *(a)pu], а также с глаголом aʷoŋ-u ← apu-u 煽 𐰢, первым значением которого можно считать «раздувать огонь».

ф, и h (фа: «лист», ha: «зуб»), но в некоторых других Рюкюских говорах (наблюдавшихся Wirth'ом и проф. Невским) сохранилась даже первичная ступень — р. Кроме того в некоторых диалектах h заменяет собою s (напр. se → hi в сев.-вост.; спорадические случаи s → h в часто употребительных словах — и в Киотском: ʔha₁ke ← ʔsa₁ka₁ «ибо», и в Нагасакском и др.). В турецких языках *h (из *f ← обще-алт. *p) исчезает в большинстве языков бесследно (исключение представляет узбекское h в hokuz Ташк. hokiz هوکز «бык») и поэтому в ряде турецких языков — не-мусульманских или же мусульманских, но менее подвергшихся в фонетике персидскому языковому влиянию, звукопредставление h вовсе отсутствует (напр. в казакском языке, где h заимствованных арабских слов превращается в нуль). В других же (азерб., осм., тат. и т. д.) h проникает вместе с арабским и персидским религиозно-культурным словарем.¹ В особом положении стоят башкирский и с другой стороны туркменский языки: в башкирском h появляется и на месте тур. *s (в части случаев; в другой части *s → θ); в туркменском же, где заднеязычный глухой спирант (x или ʁ) отсутствует, h оказывается единственным соответствием для арабских (и персидских отчасти) ح د ه (напр. перс. خانه → туркм. ha:na, перс. هر → туркм. her и т. д.).

Уже из вышеприведенных случаев (происхождения h в разных языках) можно заключить, что h весьма часто оказывается заменой 1) для f (или ф) [— из более древнего р], 2) для s. Третий источник — x (заднеязычный глухой спирант) констатируется, напр., в истории германских яз. (где h ← и.-е. *k, очевидно, через ступень *x; напр. в нем. *hundert* ср. лат. *centum* [kēntum]), латинского яз. (где h ← и.-е. *g^h, очевидно через ступень x) и некоторых других. Это значит, что h является историко-фонетически-нормальным заместителем для различных (глухих) ротовых спирантов (f или ф, s, x), т. е. по мере «изнашивания» этих звуков (f или ф, s, x) они теряют свои характерные для них

¹ То же в узбекском, где h заменяет и арабск. ه и арабск. ح (в Ташкентском же говоре ح совпадает не с ه, но с ح).

ртовые сужения, и от них остается только одно дыхание — с трением воздуха о голосовые связки (что и составляет шум, характерный для гортанного спiranта — [h]).¹

§ 22. В большинстве языков [h] носит принципиальную характеристику *мухого* (гортанно-междусвязочного спiranта). Но возможен и звонкий, т. е. сопровождающийся образованием голосового тона, его вариант, который мы будем обозначать через [ɦ]. В значительной части случаев (разных языков) [ɦ] является лишь комбинаторным (именно интервокальным) вариантом звукопредставления (фонемы) [h]: это мы встречаем, напр., в бурятском, в японском — напр. Киотоском (где интервокальное h = ɦ встречается чаще всего на месте стандартного s в особых морфологических условиях, напр., в суффиксе -mah- ← -mas-, Subjectiv. -mahо (-mahо)|| Ток. -mahо:) и т. д. Но в некоторых языках мы находим именно фонему [ɦ] — в малорусском (где «г» = [ɦ]; ср. выше прим. стр. 35), в санскр. (ॠ) и т. д.

§ 23. Особая гортанная артикуляция наблюдается в гортанных спiranтах, при которых принимает участие надгортанник (epiglottis) и которые можно поэтому называть «эпиглоттальными»; см. ниже в параграфе, посвященном надгортаннику.

Звуки эти в большинстве языков (в том числе во всех западно-европейских) отсутствуют, и известны нам лишь из языков семитских, хамитских и некоторых кавказских.

Наиболее известный пример их — это арабские ʕ² [глухой] и ʕ³ [соответствующий звонкий спiranт].

Таковы же др.-еврейские ך и ם. В практике МФА (= Международного Фонетического Алфавита) окончательный выбор знаков для ар. ʕ и ʕ еще не определился, и в настоящем курсе я

¹ Ср. переход ртовых смычных в *ямзу* — на пути к полному исчезновению согласного (см. выше).

² Называется обыкновенно «ха (или хэ) без точки» (в отличие от ˁ = [x], точнее [χ]), по арабски же название буквы ˁ звучит [Ha] или [Hæ]. В русск. транскрипции ар. слов передавалось иногда через ɣ.

³ Называется «айн» — по арабски [ʕajn]. В русской транскрипции араб. слов передавалось через ʕ или ʕ.

пользуюсь символами [Н]—для ح и [Q] для ع —лишь потому, что эти знаки были предложены в официальном перечне символов МФА (см. Л. В. Щерба «К вопросу о транскрипции» Изв. Отд. Русск. яз. и сл. XVI (1911) кн. 4), вполне сознавая недостатки этих символов (известное неудобство транскрипционного употребления больших букв, а также непоследовательность в выборе Q для звонкого и притом спиранта). Однако, в качестве вполне условных (и временных) символов я допускаю Н и Q — именно для данных звуков (арабского типа, т. е. спиранта), а для так называемого «чеченского¹ айн'а» (т. е. звонкого гортанного смычного: см. выше § 20) употребляю видоизмененную форму арабской буквы ع — именно ع (как у Л. Жиркова в его «Грамматике даргинского языка»).

Примечание 1. Следует обратить внимание на параллелизм в ар. буквах ح и ع и ح и ع : в то время как первые являются *гортанными* (эпиглоттальными), вторые (с добавлением точки) — соответствующими *заднеязычными* (глубоко-заднеязычными) спирантами — [Ч Ъ] (т. е. звуками типа рус. «х» и рус. «г» в слове бога, только более *задними*).

Примечание 2. В дунганском письме арабскими буквами буква ع употребляется для дунганского (китайского) г (см. ниже), которое, конечно, никакого сходства с арабским ع [Q], кроме того что оба являются звонкими проточными, не имеет.

§ 24. При более широком раскрытии голосовой щели, чем то, которое имеется при [h], заметного на слух трения воздуха о голосовые связки не происходит. При этом в виду ширины щели количество выдыхаемого воздуха значительно больше, чем при [h] (разумеется в равные промежутки времени). Так, мы выдыхаем много воздуха, когда дуем на что-либо, и при этом голосовая щель у нас широко раскрыта. Еще шире она раскрыта при быстром вдыхании воздуха (напр., при паузе в речи); это ясно уже из того, что здесь требуется быстро наполнить

¹ Или даргинского, аварского и т. д.

легкия, а быстро влить в какой-нибудь сосуд большее количество жидкости (или воздуха) можно, разумеется, только при большом отверстии сосуда.

Количество выдыхаемого воздуха (в единицу времени), вообще, различно при различных звуках, и соответственно этому различно и открытие голосовой щели. Так при гласных воздухе выходит гораздо меньше, чем при согласных; и следовательно голосовая щель открывается шире при согласных, чем при гласных; между прочим, в этом состоит главная разница между гласным [u] и согласным [w], ртовые работы при которых могут быть сделаны очень сходными, и также—между гласным [y] и согласным [ç] (во французском lui = [lçi]).

§ 25. Звуки [ʔ] [ɛ̥] (гортанные взрывные) и [h] [ɦ] [H] [Q] (гортанные спиранты), механизм которых исчерпывается работами гортани, называют гортанными. Но кроме этих самостоятельных звукопроизводных функций гортань еще присоединяет некоторые работы к работам других органов (при ртовых звуках), и различие этих присоединяющихся к прочим работам работ гортани создает определенные различия между отдельными звуками. Главным различием звуков по работам гортани является различие в зависимости от того, имеется ли при производстве данного звука голосовой тон (т. е. дрожание голосовых связок) или же его нет. Звуки, в которых голосового тона нет, называются глухими; звуки, в производстве которых голосовой тон участвует, называются звонкими. Звук, отличающийся от какого-нибудь глухого звука только наличием голосового тона, при одинаковости прочих работ, называется соответствующим звонким для данного глухого. Например, звук [z] будет соответствующим звонким для звука [s]; звук [v] — для [f] и т. д., как это видно из следующей таблицы, где в верхней строке приведены глухие, в нижней — соответствующие им звонкие:

p f t s š ts tš ç k x Ч H

b v d z ž dz dž j g γ Б Q и т. д.

§ 26. Убедиться в звонкости (т. е. наличии голосового тона) данного звука можно разными способами. Возможно, напр., ощупать дрожание щитовидного хряща, передающее дрожание голосовых связок; можно, конечно, убедиться в этом и по кривой на кимографе. Наконец, можно пробовать петь какую-либо мелодию на данный звук (но эта проба применима только к длительным звукам, которые можно тянуть; таковы, напр. [f], [v], [s], [z], [š], [ž], [x], [ɣ], [n], [m], [r], [l] и гласные; но не мгновенные, каковы, напр. [p], [b], [t], [d], [k], [g]). Ведь пение на разные ноты состоит в изменении высоты голосового тона, и значит возможно только при наличии голосового тона. Потому, например, нельзя петь на звук [s], но можно на [z]. Аналогичным образом можно убедиться в том, что звуки [r], [l], [n], [m] — суть звуки звонкие, как и [a], [e], [o], [i] и вообще все гласные. Но, однако, и для этих звуков возможны соответствующие глухие. Так возможно произносить [r] без голосового тона, и такое произношение (т. е. глухое [r]) имеется в обычном произношении слов министр, шипр, шифр, алебастр (т. е. на конце слов после глухого согласного).¹ Глухое [l'] в сходных условиях мы находим в быстром произношении слова Симфероп(о)ль, глухое [ɫ] в род. множ. мётл, глухое [l] во французских *peuple* [pœpl], *cycle* [sikl] (но надо иметь в виду, что возможно и произношение в виде [pœplœ], [siklœ]; в выражении *peuple français* это [œ] обычно, т. е. говорится [pœplœfrã:sɛ], поскольку в быстрой речи не исчезает и [l] — [pœpfrã:sɛ]); между прочим, этим французское произношение отличается от английского, в котором соответствующие слова

¹ Сообщение звуку [r] глухости от предшествующего согласного — результат ассимиляции. В русском глухие r r' ɫ l' (в министр, вепрь, мётл, воцль) не являются самостоятельными звукопредставлениями (фонемами), а лишь комбинаторными (и даже комбинаторно-факультативными) вариантами (или «оттенками») звонких фонем r r' ɫ l'. Но в некоторых языках возможны и принципиально глухие фонемы ɣ ɣ' ʃ ʃ'. Например они (ɣ ɣ' ʃ ʃ') существуют в Мокшанском диалекте мордовского языка, глухое l имеется в тибетском (напр. в ɭa [или ɭa] «бог»).

[pi:pl], [saikl] не утрачивают звонкости [l]. Можно легко научиться произносить и изолированные (т. е. не сопровождаемые другими звуками) глухие [l], [r]. Точно также могут существовать и глухие [n], [m]; глухое [m], напр., может быть произнесено в род. множ. драхм. Но эти звуки еще менее слышны, чем глухие [l], [r]. Глухое [m], например, равняется звуку обыкновенного дыхания через нос со сжатыми губами (и без прижатия языка к небу). Эти звуки, как и [l], [r], потому и не употребляются в большинстве языков в глухом виде в качестве самостоятельных фонем, что их акустический результат без голосового тона слишком слаб: они недостаточно слышны. Гласные также могут произноситься без голосового тона, например в виде шопотных гласных. Но акустический результат также очень слаб, если от гласного отнять голосовой тон. Поэтому глухие гласные встречаются только в зависимом положении (например в русском, японском, португальском, азербайджанском, узбекском и т. д.), напр., в неударенной позиции в русском топот,¹ или в южно-японском (Нагасакском) произношении слова ki_lta «север», о чем свидетельствует и кривая (голосового тона) записанная мною на кимографе: в ней на все слово ki_lta [= k'ita] имеется только 1 период волнистой линии, т. е. 1 период дрожания голосовых связок (с постепенным понижением голосового тона), приходящийся только на гласный а [это значит, что вся предшествующая часть слова: k'it — состояла из *глухих* звуков].

Примечание. Глухие гласные (вроде вышеуказанных), разумеется, служат этапом к выпадению данного гласного вообще (у последующих поколений). Так в японском при тех же условиях, как в слове ki_lta, но не после [k'], а после спиранта: [s'] или [ç], мы встречаем уже не глухой гласный (i), но полный физический нуль гласного (напр. в Ток. -mašta, в Нагасакском произношении -mašta). В узбекском (Ташкентском) глухим гласным (факультативно чередующимся с нулем гласного) является

¹ Потеря вторым гласным звонкости — результат ассимиляции с соседними глухими звуками [p] и [t], а в японском kita — с глухими [k'] и [t].

1 — напр. в $t\dot{s} \rightarrow t\check{s} \rightarrow \check{s}$, откуда с обратной подстановкой i возможен дублет $\check{s}i\check{s}$ (تش «зуб»); тоже в $t(1)\check{s}læmæq | \check{c}(1)\check{s}læmæq$ «кусать», или в $t(1)\check{s}mæq$ «падать» (из $*ty\check{s}-mæk$ توشمەك).

§ 27. В ряде языков есть тенденция против произношения звонких согласных на конце слова. Она объясняется склонностью не доделывать работу голосовых связок перед тем моментом, когда им предстоит перейти в состояние покоя. К таким языкам принадлежат русский (но не малорусский) и немецкий; обыкновенно произносятся без голосового тона все конечные согласные кроме [r], [l], [n], [m], [ŋ] (и в русском соответствующих мягких [r'], [l'] и т. д.), т. е. тех согласных, которые в глухом виде неудобны (по малой их слышимости) для использования в языковом процессе. Да и то, как выше указывалось, при особых условиях (после глухого согласного в русском) возможны и эти звуки без голосового тона (в министр, но не после гласного, как напр. в пар). Во французском же и в английском языке возможны на конце слова все (имеющиеся в составе данного языка) звонкие согласные. И подстановка глухих согласных вместо конечных звонких очень режет ухо англичанина или француза. Например, в английском надо соблюдать различие между конечными звуками слов: fife [faif] и five [faiv], safe [sef] и save [seiv], niece [ni:s] и knees [ni:z], hiss [his] и his [hiz], sheath [sí:θ] и sheathe [sí:ð] или при группах согласных — между hops [hɒps] и hobs [hɒbz], fix [fiks] и figs [figz]. Во французском не надо смешивать например vif [vif] и vive [vi:v], russe [rys] и ruse [ry:z], cache [kaš] и cage [ka:ž].

Среди восточных языков в этом отношении наблюдается большое разнообразие: в одних оглушение конечных звонких столь же недопустимо, как во французском, — таков, напр., грузинский язык; в узбекском же, наоборот, конечные звонкие смычные (b, d, g) нормально оглушаются.³ Как общее правило

³ Спиранты же (в том числе и имеющие соответствующие глухие: z B) не оглушаются (qiz, toB). Таково же положение дела, в общем, и в туркменском

(и то за исключением тагальского случая) можно указать, что конечные *имплозивные* смычные (не-носовые) (т. е. ^p, ^t, ^k) всегда бывают глухими, а не звонкими — это мы встречаем в языках корейском, аинском, южно-китайском (где уцелели конечные p t k). Неожиданным является различие звонкого от глухого в конечных имплозивных в тагальском языке (где напр. wa^k и tolo^g имеют *разные* конечные звуки: ^k [точнее q] и ^g, — глухой в первом слове и звонкий во втором).

§ 27а. Однако не во всех языках различие согласных по участию или отсутствию в них голосового тона выражается в таких 2 категориях *звонких* и *глухих*, какие мы имеем в русском, французском, турецких, японском (центрально- и южно-японском) и т. д. Так в северно-китайском (мандаринском), в частности в Пекинском говоре, вместо русской категории глухих (— p t k и т. д.) имеется — в классе смычных (включая аффрикаты) согласных — категория *глухих придыхательных* (p^h t^h c^h č^h k^h), о которой речь будет идти ниже (см. § 28), а вместо русской категории звонких (— b d g и т. д.) — категория *непридыхательных*, которые с точки зрения участия в них голо-

(где, напр., персидскому dærd دَرْد соответствует dert دَرْت, но конечные w ژ ð ز B غ сохраняют звонкость).

Впрочем надо заметить, что точная регистрация этого явления (оглушаемости звонких в конце слова, а также внутри слова перед глухими) в разных языках — принадлежит к труднейшим задачам описательной фонетики. Достаточно будет указать, что и в русских фактах (одного даже обще-русского говора интеллигенции), где казалось бы дело уже вполне выяснено, на самом деле имеется ряд промежуточных этапов и исключений. Действительно, как общее правило можно принять, что конечные *парные* (т.-е. имеющие к себе соответствующие глухие, как b:p, d:t, γ:x и т. д.) звонкие склонны оглушаться в исходе слова. Но 1) при некоторых из парных звонких это бывает регулярнее, чем при других: именно при смычных глухой постояннее, чем при спирантах (напр. ж), — что было совершенно правильно отмечено О. М. Бриком в его статье в «Поэтике» (Опояз); 2) оглушению (даже смычных) могут препятствовать некоторые комбинаторные и семантические условия: так оглушение часто отсутствует в коротких и редко употребляемых словах — напр. с и г [s'ig], (телеграфный) код [kod]. Факультативно же звонкий может сохраняться и в таких, напр., случаях, как намеренное противоположение слов «плод» и «плот»: «это не плот [pʎot], а плод [pʎod]». Конечно, [d] появляется в таких случаях не под влиянием орфографии, а из ассоциации косвенных падежей [pʎadā и т. д.].

сового тона, могут быть названы *полузвонкими*, так как занимают промежуточное место между русскими [p] и [b], [t] и [d], [k] и [g] и т. д. Именно, звуки этой категории, — непридыхательные полузвонкие, — ^рb ^дd ^тt ^зʒ ^зʒ (или ^хh) ^кg, в независимой позиции, т. е. в начале слова (а это значит в 1-м слове слова) произносятся с голосовым тоном, начинающимся не с самого начала смычки, а лишь в конце ее, так что звонким оказывается лишь конец самого согласного и переходный период (а в аффрикатах ^тʒ ^зʒ ^зʒ — спирантный элемент: z ʒ ʒ) между концом смычки и началом следующего гласного звука. Для дифференциации этой категории от противоположной ей категории глухих придыхательных (^рc ^тc ^сc ^сʃ ^сʃ (или ^хh) ^кc) этот переходный период — между концом смычки и гласным как раз и является существенным [ибо в полузвонких — он звонкий, а в придыхательных — глухой (= h)]; поэтому противопоставление этих двух категорий оказывается вполне резкоощущительным, несмотря на то, что противопоставляемые величины и не совпадают с русским различием звонких и глухих. Схематически эту разницу (между русскими и китайскими Пекинскими критериями различения) можно представить так:

Рус. та (волнистая черта означает наличие гол. тона, прямая — отсутствие его):

	t	a
	_____	_____
Рус.	d	a
da	_____	_____
Сев.-кит.	^т d	a
^т da	_____	_____
Сев.-кит.	t	^h a
t'a	_____	_____

Но такова характеристика полузвонких только в независимой позиции (в начале слова); внутри же слова (т. е. если данный слог является 2-м, 3-м и т. д. в слове), т. е. между гласными

(а в особенности после дифтонга на носовой п, ɲ) эти полувзвонкие превращаются уже во вполне звонкие: ср. 白 ^pbai, но 明白 ^miɲbai; 哥 ^kg^ʷə, но 大哥 ^tdáɡ^ʷə 哥哥 ^kg^ʷəɡ^ʷə и т. д. [Примеч. при этом аффриката ^tз, — внутри слова з, может утрачивать свой смычный элемент, получая т. о. комбинаторно-факультативный вид z: напр. ^pbi-зə → ^pbiz(i) 鼻子].

Исторически вышеописанный характер северно-китайской категории полувзвонких непридыхательных вполне гармонирует с происхождением ее из конвергенции древних звонких с глухими непридыхательными ($*p \times *b \rightarrow {}^p b$, $*t \times *d \rightarrow {}^t d$ и т. д.).¹ А поводом к этой конвергенции можно считать наличие иноязычной этнической подпочвы в формации северно-китайского (мандаринского) диалекта. И если мы обратимся в поисках этой иноязычной среды (которая могла бы устранить из кит. фонетической системы тройственное различие смычных не-носовых: $p \ b \ p^c$, $t \ d \ t^c$ и т. д., — заменив его парными категориями: ${}^p b \ p^c$, ${}^t d \ t^c$ и т. д.) к ближайшему соседу мандаринского наречия — к корейскому языку [а также и к монгольскому, который, как мы уже говорили выше, — общего происхождения с корейским], то мы увидим, что как раз встреча (скрещение) древне-китайского консонантизма с такой консонантической системой, как корейская, именно и могла придать ему данный результат (конвергенцию звонких с глухими непридыхательными).

Именно, в современной корейской системе смычных мы имеем как раз 2 категории смычных (не считая геминантов и носовых [комбинаторно чередующихся со звонким неносовым вариантом в начале]): 1) глухих придыхательных ($p^c \ t^c \ c^c$ [или ю.-кор. \acute{c}^c] k^c), которые остаются таковыми во всякой позиции, и 2) непридыхательных, состоящих в регулярном комбинаторном чередовании: глухой (непридыхательный) в начале слова и звонкий — внутри слова в интервокальной позиции² (это, следовательно,

¹ В шанхайском же (как и в яп. Го-он'е) эти звонкие и глухие непридыхательные различаются и поныне.

² На конце же слова этому соответствуют глухие импловивные варианты: $p \ t \ k$. Перед носовым же — соответствующие импловивные носовые: $m \ n \ ɲ$.

звукопредставления: р|-b, т|-d, с|-з [ю.-кор. \dot{c}_4 |- \dot{z}], к|-g). Понятно, что если китайский язык (с его 3-мя древними категориями: р b р' и т. д.) воспринимался, на севере нынешнего Китая, населением, имевшим консонантические навыки, подобные (в данном отношении) современным корейским, то результатом именно и должна была быть замена 3-х китайских категорий *двумя*: категорией глухих придыхательных и непридыхательных (аберрирующих по моменту звонкости в зависимости от положения внутри или в начале слова). То же обстоятельство, что в конвергенцию вошли, в кит. словарном материале, и звонкие и глухие (*b и *p, *d и *t и т. д.) объясняет нам и промежуточное (— *полузвонкое*) качество рефлекса (Пек. $^p b$, $^t d$, $^k g$ и т. д.) в независимой позиции.

Что же касается спирантов (бывших в древне-китайском парными: f v, s z, š ž, x γ), то они, следуя тому же принципу конвергенции (звонких с глухими), превратились в сев.-китайском (мандаринском) в не-парные глухие [так в совр. Пекинском мы имеем только глухие f s š ś x].

Кроме сев.-китайского, категория «полузвонких» известна в сев.-восточных японских говорах — в виде $^p b$ $^t d$ $^z k g$. Эти звукопредставления соответствуют 1) интервокальным глухим и 2) начальным звонким центральных говоров (напр. deta → $^t d i^t d a$), и противоплагаются 1) звонким полуносовым $^m b$ $^n d$ z (соответствующим интервокальным звонким центр. говоров) и 2) глухим придыхательным р' т' с' к' (соответствующим начальным глухим и интервокальным глухим геминантам в центр. говорах). Причина такого Lautverschiebung, — очевидно, в аинской этнической подпочве сев.-вост. яп. диалекта, ибо в аинском отсутствует принципиальное различие парных глухих и звонких и интервокальное полузвонкое р в аинском arī («огонь») есть лишь комбинаторный вариант фонемы р; естественно, что аину, воспринимая японские слова, заменяли интервокальные глухие своими «полузвонкими» вариантами глухих фонем; при дальнейшем скрещении это произношение было воспринимается японским ухом уже так, что

интервокальный «полузвонкий» стал дифференцироваться от «вполне глухого» начального, который поэтому был отождествлен (в связи с утратой всяких долгот) с «вполне глухим» интервокальным долгим, или геминантом.¹ Для понимания же соответствия сев.-вост. «звонких полуносовых» Токиоским интервокальным звонким (напр. ^mb в Акита *ũt̚ima^{t̚}zi^{k̚}go^{t̚}do^mba* || Ток. *u^cima-^cikotoba* или ⁿd в *fa^{k̚}goⁿda^{t̚}di* || *hakodate* — назв. города) надо иметь ввиду, что парные звонкие (восходящие к до-японским комплексам «носовой + глухой») в обще-японском были именно *полуносовыми* ^mb ⁿd и т. д. (что подтверждается и современной назализацией в начале интервокальных ^b ^d ^g в говоре Тоса, — в этом «санскрите японской диалектологии»). Естественно, что айну воспринимал эти древне-японские полуносовые именно как «носовой + смычный неносовой», что при дальнейшем скрещении и закрепило (если еще не усилило) назализацию интервокальных звонких ^mb ⁿd ^ŋz² в северо-восточных говорах, тогда как в Токио и прочих диалектах она уже исчезла (за исключением Тоса — где назализация сохранилась в виде весьма слабого и не имеющего принципиальной психической ценности момента).

Кроме указанных сев.-китайских, корейских (где собственно вместо «полузвонких» мы имеем чередования глухих и звонких вариантов одного звукопредставления) и северо-восточно-японских фактов, «полузвонкие» смычные наблюдаются и в некоторых других языках: напр. в некоторых эстонских (внутри слова) и некоторых азербайджанских (в начале слова) говорах.

В общем же, это явление — редкое и, очевидно, такое противоположение глухих и звонких, какое мы имеем в русском, французском и в массе др. языков, является более удобным и выгодным с обще-фонетической точки зрения. Это не значит, однако, что пороги различения, т. е. критерии в оценке данного

¹ И далее для удобства (т. е. усугубления признаков) различения за ними был закреплен (по крайней мере в части говоров) признак аспирации; физический же зародыш аспирации при глухих (напр. *k t*) мы можем констатировать и в Токио.

² Вместо **ŋg* мы имеем просто носовой *ŋ* (как и в Токио).

звука (— в качестве звонкого или наоборот глухого) должны быть вполне одинаковы в русском и во французском и в центрально-японском и т. п. языковых мышлениях. О том, что в деталях здесь разница есть, говорят хотя бы различные оценки сев.-китайских $p^b d^k g$ и т. д. русскими, французскими, английскими и японскими наблюдателями: в то время как русский слух воспринимает эти звуки за *звонкие*, француз и англичанин слышит здесь *глухие*; то же восприятие (— в качестве *глухого*) получалось и у японцев о-ва Кюсю, за что говорят форма позднейших южно-японских заимствований из сев.-китайского: нагасакск. $pe:go\eta$, $p'a:go\eta$ (а также с переходом $p' \rightarrow k^w$ и $k^w a:go\eta$, $k^w a:do\eta$) «гребная гонка в праздник 白龍» — из сев.-китайского $^p bai-lu\eta$ 白龍 «Белый дракон».

§ 28. Другая модификация звуков по различию работ гор-тани состоит в создании различия между придыхательными и непридыхательными звуками. Так например, немецкие глухие согласные [p], [t], [k] произносятся с придыханием, т. е. с прохождением воздуха сквозь суженную как при [h] голосовую щель, особенно в следующих случаях: 1) в начале и середине слова перед ударенным гласным, напр. в *Turm* [t^hurm], *Natur* [$na't^h u:r$], 2) в конце слова перед паузой после ударенного гласного, напр. в *Not* [$no:t^h$], *Weib* [$va:ir^b$]. Этим они отличаются от русских непридыхательных [p], [t], [k].

Из восточных языков категория придыхательных глухих смычных ($p^h = p^c$, $t^h = t^c$, $k^h = k^c$ и т. п.) встречается: в монгольском (но не калмыцком) — см. Ramstedt «Фонетика», в китайском (в Пекинском к категории глухих придыхательных принадлежат след. согласные: $p^c t^c c^c \check{c}^c \acute{c}^c k^c$; в русской транскрипции они пишутся просто как глухие: «п т ц ч ц(и) к»), в северо-восточных говорах яп. языка (напр. в Акита 秋田: $p^c t^c c^c k^c$; они соответствуют Токиоским начальным глухим $p^1 t c(u)$ или

¹ Но не древнему (обще-японскому) *p [напр. в *ра 火 или *ра 齒], которое в Акита дает ф [а *p в сочетании с *i, т. е. *pi → *fi → śy (śy 火)].

с(i) k, а также соответствующим геминантам в интервокальной позиции, напр. *atte* → *at'i*), в санскрите и новоиндийских язз. (наряду с категорией звонких придыхательных — см. ниже), а также в ряде кавказских языков (грузинском, чеченском, абхазском, черкесском), где впрочем они представляют громадное отличие от типичных придыхательных (обладающих резко слышимым элементом *h*, как в китайском, монгольском и т. д.)¹: в данных кавказских языках аспирация настолько незначительна сама по себе, что эти (грузинские, напр.) *p' t' c'* и т. п. весьма близки к русским *п т ц* и т. д.; тем не менее эта категория противопоставляется именно по данной своей гортанной работе (раствору голосовой щели, обуславливающему элемент *h*, т.-е. придыхание [хотя бы и слабое]) другой категории глухих: так наз. «гамзированным» (или «смычно-гортанным») *p'' t'' c'' k'' q''* и т. п.

§ 29. Кроме глухих придыхательных [*p^h t^h* и т. д.] возможны и звонкие придыхательные, встречающиеся, однако, гораздо реже (они известны, главным образом, из санскрита [куда вошли из и.-е. праязыка] и новоиндийских живых языков)². Они отличаются от глухих придыхательных звонкостью в обоих элементах: и в самом смычном и в последующем придыхании (т.-е. в гортанном спиранте); следовательно если *p' = p +^h*, то *b' = b +^h*, (*d' = d +^h*, *g' = g +^h* и т. д.).

§ 30. Четвертой (после звонкости, глухой аспирации и звонкой аспирации) модификацией ртовых согласных посредством (дополнительной к ртовым работам) гортанной работы [или «артикуляции»] является образование «смычно-гортанных» или

¹ Относительно чеченских придыхательных можно указать, что в горных чеченских говорах элемент придыхания более значителен (с объективной, т.-е. физической точки зрения), чем в плоскостном наречии. Что же касается лезгинского, то здесь придыхательные обладают относительно-явственным моментом придыхания (*h*) уже потому, что лезгинский различает не 3, а 4 категории смычных: смычно-гортанный, звонкий, открыто-гортанный придыхательный и открыто-гортанный непридыхательный (напр. *t' d t'*).

² Мнение В. Karlgren'a о том, что обще-китайские **b*, **d* и т. д. были звонкими придыхательными, нельзя считать доказуемым.

«гамзированных» согласных [— «согласных с надгортанной экспирацией» по терминологии Н. Ф. Яковлева]. Эти согласные являются специфическими для кавказских языков (грузинского, мегрельского¹, абхазского, черкесского, чеченского, ингушского, аварского и др.)², при чем наиболее типичный вид их — это смычно-гортанные *глухие смычные* (и аффрикаты); $p^? t^? c^? \check{c}^? (= \check{c}^?) k^? q^?$ [— таков состав этой категории в грузинском; в абхазском же (в литературном диалекте) имеются: $p^? \psi^? t^? c^? c^{w?} \check{c}^? \check{c}^? k^? k^{?} k^{w?} q^? q^{?} q^{w?}$]. Характерный момент этой категории глухих смычных («гамзированных») состоит в том, что ртовая (губная, передне-язычная и т. д.) смычка сопровождается также смычкой (затвором) гортанной щели: и следовательно взрыв ртовой смычки осуществляется не посредством воздуха, прогоняемого через гортань из легких [ибо гортань-то как раз и оказывается закрытой], а посредством воздуха, имеющегося в ртовой камере — над гортанью (в этом и состоит «надгортанная экспирация»). Сама же гортанная смычка (*coup de glotte*, *Stimmbänderverschluss*, «гамза» = [ʔ]) взрывается уже потом [т.-е. в слогах начинающихся с «смычно-гортанного» согласного — при переходе к следующему за данным согласным гласному: $[p^?a]$ состоит таким образом из след. моментов: 1) момент двух смычек: ртовой и гортанной, 2) раствор ртовой (губной) смычки и выход (через губы) воздуха, имевшегося в ртовой камере над гортанью, 3) раствор гортанной смычки, 4) гласный а, с которым начинается и голосовой тон данного слога].

В некоторых, однако, языках (из западно-кавказских в нижне- и верхне-черкесском) смычно-гортанная артикуляция встречается и при спирантах.

Нечто похожее на кавказские «смычно-гортанные» согласные представляют собою и встречающиеся в моем индивидуаль-

¹ Для наблюдения типовых особенностей данной категории можно рекомендовать именно мегрельское произношение.

² Повидимому, смычно-гортанные (именно $t^? c^? \check{c}^? p^?$) имеются и в американо-индейском языке Майя (см. Tozzer, *A Maya grammar*, стр. 19).

ном (русском, но под влиянием нем. языка) произношении сочетания «согласный + coup de glotte [ʔ]» — в таких случаях, как *к отцу* [kʰas:u], *от отца* [atʰas:a], *в ад* [vʰat fʰat], *в атаманы* [fʰatamanʃ].

§ 31. Наконец пятой из модификаций ртовых звуков в полости гортани является артикуляция так называемых «эмфатических» согласных, известных нам из семитских языков. Так как в их образовании принимает участие надгортанник (epiglottis), о них пойдет речь ниже — в параграфе, посвященном надгортаннику.

Сюда относятся, напр., арабские *ض ص ظ* [t̤ ɖ s̤ z̤], т.-е. «эмфатические» (или «эпиглоттализированные»), из которых первые три соответствуют простым *س ذ ت* [t̤ ɖ s], а четвертый, по указаниям арабских грамматиков, не имеет себе не-эмфатического соответствия в арабской системе согласных: это — латеральное (л-образное) z, или — наоборот — z-образное (т.-е. характеризующееся большим расходом выдыхаемого воздуха, а потому и присущим спирантам шумом) l. Кроме этих звуков к «эмфатическим» арабские грамматики причисляют также *ق* [q] и *ج* [ɟ] слова *الله* «Аллах» (см. Н. Юшманов, ДРАН 1925, стр. 58).

Примечание. Диалектически *ض* переходит (очевидно в связи с сильным напряжением языковой работы при «эмфатических») в эмфатическое d, а *ص* (ص) в с («ц»). Тем же сильным напряжением язычной артикуляции объясняется, видимо, и то, что при *ط* (ط) происходит более задняя смычка (— против более глубокого участка нёба), чем при *т* (ت).

В других мус. языках, куда попадают арабские слова с эмфатическими согласными, эти звуки, обыкновенно не сохраняются как таковые, а смешиваются с обычными свойственными данному языку согласными (исключения представляет, конечно, произношение лиц, специально изучавших арабский язык¹). Так

¹ Хотя и в их произношении наблюдаются отступления от арабского оригинала: напр. отлично изучившие арабский язык узбеки произносят *ط ص* и особенно *ظ* в виде лабиализованных, т.-е. в роде [tʷ (точнее tʰʷ), sʷ, ɖʷ или

в узбекском, например, ط совпадает с [t], ص с [s], ظ и ض (как и ð = ð) с [z], то-есть

$$\left. \begin{array}{c} \text{ط} \\ \text{ث} \end{array} \right\} \text{ت} \quad \left. \begin{array}{c} \text{س} \\ \text{ص} \end{array} \right\} \text{س} \quad \left. \begin{array}{c} \text{ظ} \\ \text{ز} \\ \text{ض} \end{array} \right\} \text{ز}$$

(и ث = θ) (как и ذ = ð)

§ 32. Наконец, крайне важны те функции гортани, которые вносят различия между частями слов по ударению. Но так как обыкновенно говорят об ударенных и неударенных слогах, то переходя к вопросу об ударении, нужно предварительно выяснить акустическое понятие слога.

В том, что наша речь естественно делится на отрезки, которые принято называть слогами, нет повода к сомнению. Нет также, в большинстве случаев, спора о числе слогов того или другого слова. Не нужно только исходить при этом из каких-либо предвзятых, например основанных на графике, мнений. Так в моем, напр., произношении слова министр три слога, а в слове жизнь (если только не произносится жисть) — два. Но по вопросу о том, в чем состоит признак отдельного слога, много разных затруднений.¹ Считать, что слогов в слове столько, сколько в нем гласных, неправильно, так как тогда окажется противоречие с числом слогов в министр, жизнь (министр отлично укладывается в стихи на правах трехсложного слова, а жизнь — двухсложного). Наконец, в сербском языке есть слова вроде срп «серб», прст «перст», которые, несомненно, составляют отдельный слог, а между тем в них нет гласного в нашем привычном понимании термина «гласный». Точно также китайское слово t'ɿ составляет 1 слог, а laut'ɿ

z^w, ð^w], а ض даже в виде [w] (вместо [l^h]; кроме того у них часто встречается смещение ظ и ض в одном [ð^w], которое часто наблюдателем будет оценено как w).

¹ Их не менее при вопросе о том, где граница между слогами; но этого сложного вопроса в настоящем курсе я не буду касаться.

«старик» — 2 слога. Ту же функцию имеет и санскритское *ṛ* в словах *vr̥kaḥ* *pitṛṣu* *ṛg-vēda-* и т. д.

Немецкое слово *Linden* [lindən] может быть произнесено без всякого следа гласного после [d]: [lindn] даже без отнятия языка от передней части неба, к которому передняя часть языка вплотную будет прижата за все время от первого [n] до второго; а, между тем, в этом слове будет и при таком произношении два слога. С другой стороны в немецком *Haus* [haus] — два гласных, но слог только один.

То, что обычно представление числа слогов связывается с представлением числа гласных, имеет ту причину, что гласному присуще некоторое акустическое отличие от согласного, состоящее в том, что гласный более звучный, т.-е. лучше слышимый звук, чем согласный.¹ Таким образом, в основу деления на слоги ложится различие звуков по звучности (*Schallfülle*, — не надо смешивать со звонкостью, т.-е. наличием дрожания голосовых связок; я улавливаюсь понимать под звучностью именно акустическое свойство — слышимость звука на большее или меньшее расстояние). Но важным оказывается не просто принадлежность звука к звучным или слабозвучным (иначе гласный звук, как принадлежащий к категории звучных звуков по сравнению с согласными, всегда образовывал бы слог, и слово *Haus* не могло бы быть односложным), а важна относительная звучность данного звука по сравнению с соседними (предшествующим и последующим). И слог можно определить, как отрезок (во времени) речи, снабженный увеличением звучности между двумя менее звучными моментами. И в каждом

¹ Можно ожидать возражения, что и согласный звук может быть хорошо слышим; особенно резко (и на далекое расстояние) слышится из глухих согласных звук [s]; им, например, останавливают идущего вперед человека, до которого этот звук иногда долетает через сильный уличный гул. Но все-таки потенциально звучность гласных гораздо больше, ведь криком (а кричать выгоднее именно на гласные звуки) можно достигнуть максимум'a звучности. И хорошая слышимость [s] состоит, собственно, не столько в силе, сколько в своеобразности составляющих его шумов, которые потому и выделяются от прочих окружающих шумов.

слоге, следовательно, должен быть звук, более звучный, чем моменты предшествующий и последующий. Этот звук называется слогообразующим.

Отсюда понятно, что если гласный окружен двумя согласными, то он будет образовывать слог. Если имеется гласный в начале слова, а после него согласный, то точно также: в слове Аня [an'a] первому гласному предшествует нуль звука и, следовательно, minimum звучности, а само собою разумеется, что между нулем или minimum'ом звучности, с одной стороны, и согласным звуком с другой стороны звук [а] будет составлять центр усиления звучности; то же самое применимо ко второму гласному этого слова, за которым опять следует нуль звука. Если встречаются два гласных рядом, то возможно различное произношение их: 1) возможно ослабление голосового тона во время перехода от одного гласного к другому, как это имеет место в русском аул [auł], и тогда каждый из них будет слогообразующим, как составляющий усиление звучности после ее ослабления (так дело обстоит и при соединении конечного гласного с начальным гласным следующего слога, например в моя Аня [majaan'a]); двусложность сочетания двух гласных будет тем более бесспорна, если дело будет доходить до полной (хотя и чрезвычайно краткой) паузы между ними; 2) возможно тесное соединение обоих гласных без ослабления звучности во время перехода от первого ко второму; тогда один из гласных звуков¹ и именно тот, который обладает большей звучностью будет слогообразующим. В сочетании [au] более звучным является [а] и потому в немецком Haus [haus] [а] будет слогообразующим. В том, что одни из гласных будут более звучными, чем другие, можно убедиться на опыте: долетать на более далекое расстояние будут крики на одни гласные с меньшим усилием, чем на другие. При этом [а] и [о] будут

¹ Если же нет ослабления при переходе от одного гласного к тождественному с ним, напр. в [aa], то они сольются в один долгий гласный [a:].

более звучными, чем [i], [u]. Этим объясняется то, что в немецких односложных сочетаниях гласных [ai] в bei [bai], [au] в Haus и [oi] в Häuser [hoizər] слогообразующими будут [a] и [ə], но не [i] и [u], которые являются неслогообразующими или неслоговыми (для отметки неслоговых гласных употребляется полукружочек над или под буквой).

Нужно отметить, что такие односложные соединения гласных называются дифтонгами, т.-е. двузвучиями.¹ Дифтонг называется нисходящим, когда слогообразующим является его первый элемент, и восходящим, если второй. Дифтонги обычны в английском и немецком языках, но во французском их нет [если не относить к (восходящим) дифтонгам сочетания [wa] [we] [wi] [çi] и т. п., о которых речь будет ниже — при обзоре французской звуковой системы].

Согласные также имеют различные степени звучности. Из них особой звучностью выделяются те звуки, которые выше, в § 26, были отмечены, как нуждающиеся в голосовом тоне для того, чтобы быть слышными. Это звуки — [n], [m], [ŋ], [r], [l] (и различные оттенки их, напр., мягкие [n'], [m'], [r'], [l']). При них, как и при гласных, главным (т.-е. лучше слышным) составным элементом их акустической стороны является голосовой тон, — лучшее средство для производства хорошо слышных звуков из всех средств, имеющихся в языковом аппарате. В силу присущей им большей звучности они представляют сходство с гласными и более часто, чем другие согласные, являются в качестве слогообразующих. Примеры выше: министр, жизнь, серб. срп «серб», нем. Lind(e)n. В силу их звучности звукам [r], [l] и (их оттенкам) дается название сонорных согласных. Иногда под этим (данным по акустическому признаку) названием объемлются также звуки [n], [m], [ŋ] (и их от-

¹ От греч. δι- di «два», φθόγγη phthongē «звук». Соединение трех гласных в одном слоге называется трифтонгом, таково, напр., [iaɯ], очень частое в китайском языке. Иногда (но редко) термин дифтонг применяют к тесному соединению двух согласных, напр. [ts].

тенки), которые называются обычно данным по физиологическому признаку именем носовых согласных. Прочие согласные представляют разные степени звучности в зависимости от следующего:

1) звонкие согласные более звучны, чем соответствующие глухие; эти последние менее звучны уже потому, что лишены самого сильного по акустическим результатам средства из всех средств языкового аппарата — голосового тона;

2) те согласные, при которых выход воздуха на время прекращается, менее звучны, чем те, при которых воздух выходит безостановочно. Таким образом, внутри глухих согласных [p] менее звучно, чем [f], [t] — менее, чем [s], [k] — менее, чем [x]; а внутри звонких: [b] менее звучно, чем [v], [d] — менее, чем [z], [g] — менее, чем [ɣ].

Из этого понятно, почему в сочетании [pst] слогообразующим является [s].

§ 33. После этого можно перейти к понятию ударения. Под ударением в языках русском, немецком, французском и английском разумеется ударение силовое или экспираторное,¹ состоящее в выделении одного из слогов слова путем более сильного голосового тона, чем при прочих слогах. Это выделение касается, главным образом, слогообразующего звука, но не исключительно: например, согласные ударенного слога бывают несколько отличны от согласных неударенных (и это сказывается на различной судьбе тех и других в истории отдельных языков). О тех средствах, которыми производится такое усиление, говорилось выше: сюда относится работа дыхательного аппарата (от силы выдыха зависит сила звука, этим объясняется название силового ударения экспираторным) и установка голосовых связок. В русском языке ударение неразрывно связано с долготой гласных; но этого нет в языках немецком, французском и английском, где ударенный гласный может быть и крат-

¹ От лат. *expiratio* «выдыхание».

ким и долгим в зависимости от слова. Обыкновенно имеется одно ударение в слове, за исключением длинных слов, где возможны второстепенные ударения; но короткие слова иногда соединяются во фразе под одним ударением; обыкновенно этому сопутствует и объединение данных слов с семасиологической стороны, как выражающих одно понятие; таким образом, ударение и в этом случае (как и при нормальном распределении по одному ударению на слово) есть средство, используемое для целей семасиологических: им как бы штемпелюются куски речи, представляющие известную обособленность и самостоятельность. Языки, в которых ударение находится на определенном месте во всех словах, называются обладающими постоянным ударением. Таковы: французский (с ударением на последнем слоге), польский (— на предпоследнем), чешский и с другой стороны финский (— на первом), турецкие (в большинстве случаев — на последнем), монгольские (на первом). Впрочем, ввиду расхождения в месте ударения между языками монгольскими (— на первом слоге) и турецкими (— на последнем), а также показаний корейского языка, а до известной степени и самих монгольских и турецких, можно предполагать, что в обще-алтайском праязыке ударение принадлежало не только первому слогу (как предполагает Н. Н. Поппе на основании монгольского и на основании стабильности турецких гласных первого слога), но было *двухполюсным*, то-есть могло принадлежать или первому или последнему слогу (в зависимости от синтаксической позиции и прочих условий данного момента говорения). На это указывают следующие факты:

1) Такая «двухполюсность» (т.-е. чередование начального ударения с конечным) наблюдается в современном корейском языке: слово в изоляции и на конце фразы (где обыкновенно находится глагол [verbum finitum] или спрягаемая форма прилагательного) имеет начальное повышение; слово же, находящееся в начале или в середине фразы (в том числе перед паузой, искусственно делаемой в предложении [когда фраза обрывается по

середине] или на конце придаточного предложения), приобретает ударение *конечное* (на последнем слоге).¹

2) В калмыцком языке я наблюдал (несмотря на силовое ударение на первом слоге) повышение голосового тона на последнем слоге отдельно произносимых слов, даже в том случае, если данный последний слог уже утратил свой гласный (передавший слогообразующую функцию носовому) — напр. при таком составе посл. слога, как *sq*, *gr* и т. д. Кроме того в вопросительных предложениях я мог бесспорно констатировать случаи ударения именно на последнем слоге.

3) В турецких языках, имеющих обычно конечное ударение, возможна тем не менее эмфатическая депласация (перенос) ударения на первый слог, — напр. в узбекском в вокативных предложениях, напр. *ǎxmæt* (в Самарк. *ǎhmæt*) или (h)ǎj *ǎxmæt* «Ахмед!» «!دەخمەت» [Есть и другие случаи аналогичной депласации (в частности в *verbum finitum*), наблюдавшиеся мною в узбекском и казакском языках].

Сравни эмфатическую депласацию (тоже с последнего слога на первый) во французском: напр. в [*koʃɔ̃*] — *cochon* «свинья!» (как ругательство), в [*œsu dœsu*] — *Un sou, deux sous* «1 копейка, 2 копейки» (в выкриках уличных торговков) см. P. Passy, *Petite Phonétique Comparée*.

И вот подобно тому, как французское явление может исторически объясняться, как пережиток архаического (до эпохи *Dreisilbengesetz*'а) латинского ударения,² можно и в указанной турецкой депласации (т.-е. факультативном чередовании конеч-

¹ Может быть влиянием корейского языка (и данной именно черты) объясняется появление второго (синтаксического) повышения на конце слова в *Satz-Sandhi* в западно-японском говоре — Киото (см. «Психофонетические наблюдения над яп. диалектами. II»), напр. *ʔa₁buraʔa*..... вместо *ʔa₁buraʔa* (Nominativ. от *ʔa₁bura* 油).

² Мнение профессора Л. В. Щербы. Начальное ударение в архаической латыни указывается между прочим качественными переходами гласных первых слогов (бывших в ту эпоху неударенными), напр. *conficio* вместо *con + facio*.

ного и начального ударений) видеть след обще-алтайской «двух-полнотности» ударения.

Но кроме силового (или экспираторного) ударения в языках встречается так называемое *музыкальное* (или *тоническое*) ударение (или акцентуация), основанное на выделении части слова (слога, или части слога, или даже нескольких рядом стоящих слогов, как в западно-японском) по относительной *высоте* голосового тона. Музыкальное ударение существовало в обще-индо-европейском языке, и сохранило свой музыкальный характер в ведическом санскрите, в древне-греческом языке, в литовском и латышском, а из славянских языков — в сербском. Кроме муз. ударение известно напр. в китайском, тибетском (и в прочих «тибето-китайских» языках), аннамском, малайском, японском, айнском, многих африканских языках («банту» и других),¹ наконец в шведском (в виде позднейшего явления и наряду с системой экспираторной ударяемости).² В языках же русском, немецком, французском, английском и громадной массе других (напр. турецких и т. д.) нет определенного музыкального ударения, т.-е. нет определенной мелодии голосового тона для отдельных слов, и различия в высоте голосового тона используются лишь для таких надобностей, как выражение вопроса (— восходящая интонация) или сказуемости (нисходящая интонация — в русском напр.) или же различных чувств (т. е. синтаксизуются и эмфатизируются).³

¹ Для ознакомления же с африканскими явлениями укажу на книгу Panconcelli-Calzia «Die experimentelle Phonetik in ihrer Anwendung auf die Sprachwissenschaft» стр. 105 сл.

² А ввиду исключения мелодические различия могут служить для дифференциации слов (точнее — форм слова) и в эстонском, — см. ниже.

³ Но качество этих синтаксических и эмфатических интонаций варьируется все таки, по разным языкам, и даже диалектам. Сравни. напр. узбекскую или же азербайджанскую «мелодию сказуемости»: обе отличаются, как одна от другой, так и от русской. Ср. Panconcelli-Calzia «Die experimentelle Phonetik in ihrer Anwendung auf die Sprachwissenschaft» S. 110: «Ein Hamburger fragt z. B., indem er im Hochton einsetzt, um am Ende des Satzes einen tief-hohen Sprung zu machen; der Hesse bewegt sich dagegen bei derselben Frage in mittel-tiefer Richtung und geht am Ende steil nach der hohen Lage; der Schwabe zeichnet

В системах муз. ударения следует различать системы «музыкального слогуударения» (Musikalischer Silbenakzent) и «музыкального слогуударения» (Musikalischer Wortakzent).

Первое (музыкальное слогуударение — Mus. Silbenakzent) мы встречаем, напр., в китайском [это так называемые «тоны» (в Пекинском¹ их 4, см. ниже «Фонетическую характеристику кит. языка»); кроме того в китайском существует и слогуударение, но уже силовое, экспираторное], в тибетском, бирманском, сиамском, аннамском, латышском и сербском.

В таких системах («муз. слогуударения») принципиально различаемые мелодии голосового тона умешаются внутри одного слога² (в языках же с «Musik. Wortakzent'ом» это встречается лишь в виде исключения — напр. в Киотоском говоре в противоположении *односложных слов* е^г: 繪^г е^г: 柄^г е^г: 餌).

В качестве примера систем «Musik. Sylbenakzent'a» приведу кратчайшую характеристику 1) муз. акцентуации кит. говора Цзинь-чжоу-фу 金州府 Фынтянской (Мукденской) провин-

sich durch den ausdrücklichen tief-hohen Verlauf aus (Fig. 154)». Что касается русской фразовой мелодики, то она особенно богата интервалами, т.-е. сильными повышениями и падениями голосового тона (в противоположность, например, английскому языку). Не мало специфического мы найдем и в интонациях отдельных русских диалектов: ср. напр. интонацию русских Семиречья, которая для нас настолько непривычна, что позволяет смешивать вопрос с утверждением (наблюдения проф. Петерсона).

¹ В других же говорах число «тонов» доходит до 8 (в Сивьнинском же насчитывается 10 тонов, но из них четыре являются «жу-шэн'ами», т. е. представляют собой ничто иное, как осложнение 4 разных тонов заключительным [?] т.-е. гортанной смычкой). Менее четырех тонов имеет дунганский говор (с 3 тонами: Пекинскому 1-ому и 2-ому соответствует один тон) и единичные Шаньдунские говоры (с совпадением обоих кратких тонов: 2-го и 4-го), приближающиеся, таким образом, к системе некоторых латышских говоров (но без «прерывистой долготы»).

² Обыкновенно эта мелодия явно слышна (и играет существенную роль в словоразличении) тогда, когда она приходится на экспираторно-ударенный слог (многосложного слова); но возможно бывает, все-таки, — хотя-бы и факультативное, — выявление мелодии и в неударенных в силовом (экспираторном) отношении слогах. Это тем более доказывает, что тут мелодия является внутренней принадлежностью данного слогупредставления, а не всего слова (многосложного).

ции, 2) муз. акцентуации в латышском говоре, обладающем наибольшим числом данных различий (по описанию А. П. Абель, *op. cit.*).

1. В говоре Цзинь-Чжоу-Фу различаются (при наличии экспираторной ударенности данного слога; в противном случае мелодия, присущая слогу, ступевывается)¹ след. 4 мелодических представления, характеризующиеся также и количественным признаком — как «долгие» и «краткие» тоны:

1-ый тон (соответствующий Пекинскому «ровному» 1 тону): долгая или двойная, восходяще-нисходящая мелодия [^], напр. t'a ^ 他 «он» (Пек. t'a⁻), ma ^ 媽 и т. д.

2-ой тон: краткая или ординарная, восходящая мелодия ['], напр. ma' 麻 «конопля».

3-ий тон: долгая или двойная, нисходяще-восходящая мелодия [ˇ], напр. ma ˇ 馬 «лошадь».

4-ый тон: краткая или ординарная, нисходящая мелодия [`], напр. ma ` 罵 «ругаться».

Примечание. Так как принадлежность кит. «тонов» к двум количественным категориям: долгих и кратких (по кит. терминологии 仄平) мелодий, существовала и в эпоху создания канона кит. поэтической техники, и в кит. стихах чередуются именно не сами тоны, а категории тонов, то китайское стихосложение оказывается *метрическим* (как и древне-индийское, древне-греческое, персидское и т. д.).

2. В латышском говоре, описанном А. П. Абель, существует 3 вариации долгих слогов (с долгими гласными или дифтонгами):

1) с восходящей мелодией

2) с нисходящей мелодией

3) с прерывистой долготой, т. е. с [ʔ] посредине гласного — напр. [ne'e] «вет».

¹ Но может и выявляться — при особых на то условиях — напр. при чрезмерно отчетливом и медленном произношении всех слогов слова. Основанием для выявления (в таких случаях) определенной мелодии неударенного слога служит чередование одной и той же морфемы-слога между неударенной и ударенной позициями.

Краткие же слоги по мелодии не дифференцируются.¹

Музыкальное словоударение (Musik. Wortakzent) присуще языкам: японскому, айнскому, тагальскому (и др. малайским), а также шведскому и норвежскому.

Приведу в качестве примера систему муз. акцентуации двух западно-японских говоров: Киото и Тоса (дер. Морочи). Восточно-японская же, именно Токиоская система акцентуации описывается ниже — в «Фонетической характеристике японского языка», третья же — южно-японская (наиболее простая система различий) уже описана выше (по говору дер. Мие Нагасакской префектуры).

Характеристика западно-японской системы музыкальной акцентуации.

(Акцентуация в Киото (k'oto) и Тоса).

Слово определяется (в говорах Киото и Тоса) одним периодом высокого голосового тона на протяжении его звукового состава.

Единицей количественного измерения этого периода является мора — один краткий слог или половина долгого (при этом, специфическим отличием Киотоского от говора Тоса являются ограниченные определенной позицией случаи, когда повышение занимает лишь половину моры).

Место и длина «высокого периода» не предопределены каким-либо общим правилом. Он может занимать, как начало, так и середину, и конец слова (Киотоские примеры — ¹а₁ bura, ha¹ta₁ ke, па₁а¹sa), с другой стороны — может состоять из двух и более рядом находящихся (смежных) мор (Тоса ¹нама₁ du «сом», ¹ату₁ i «толстый», — отлично от ¹а₁туй «жаркий»; Киото ¹маме₁ на «здоровый»; Тоса о¹saked'a₁ : — Praedicativus² от ¹sake¹ с пре-

¹ Как и в Токиоском и в Тосаском говорах яп. языка (см. ниже), или в тех из Шаньдунских кит. говоров, которые смешали 2-ой и 4-ый тоны.

² Следовательно о-sake-d'a: значит «это — вино», являясь эквивалентом Токиоск. osakeda, Киотоск. osakeja (в Нагасакском же в главных предложениях вместо Praedicativ'a — бессуфиксальный падеж).

фиксом о₁-) и может наконец занимать весь состав слова (ʼko-domo¹, ʼsake¹, ʼhana¹ «нос» — отлично от ʼha₁na «цветок»). В последнем случае мы имеем одинаковую высоту всех слогов слова, которое однако принципиально создается состоящим из ряда *высоких*, а не *низких* слогов (или мор), так как при присоединении обязательно низких по тону аффиксов этот ровный по мелодии ряд слогов оказывается высоким (например, когда в говоре Тоса, к ʼsake¹ присоединяется о₁- и обязательно низкий по тону суффикс Additiv'a ʼmo или Plativ'a — ʼe, — ʼoʼsake¹ ʼmo «и вино», о₁ʼsake¹ ʼe или оʼsake¹ ʼʼ: «в вино»). Слов, в которых не было бы высокой части, не существует (форманты безусловно не могут рассматриваться, как самостоятельные слова), хотя часто высокой из всего состава слова оказывается только одна мора в каком-нибудь долгом слоге (примеры ho:ʼoʼʼki заглавие известного классич. сочинения, koʼn₁do, ʼʼiʼm₁bo «ось», hoʼʼbo:-kara).

Примечание. О превращении слов с конечной высокой морой (в Киото) в слово сплошь из низких мор — под влиянием Satz-sandhi — будет сказано ниже.

Из сказанного вытекает возможность существования следующих акцентуационных типов различения двухморных слов:

1) Тип с повышением на первой море.

ʼha₁na «цветок», ʼne₁ko «кошка», ʼi₁ke «пруд», ʼku₁ri «каштан», ʼto₁ki «время», ʼma₁me «боб», ʼku₁mo «облако». Это тип, названный Meyer'ом¹ *akzent 1*, для которого им приводится кривая (fig. 3 на стр. 83) *tsuru* (bogensöhne). Нормальным соответствием словам этого типа в Киотоском и Тосаском в других диалектах служат:

в Токиоском (и других восточных) — тип с ударением на втором слоге, которое не переходит на слог суффикса: Токиоск. haʼna «цветок» (Nomin. haʼnana, Subjectiv. haʼnawa Dat.-Loc. haʼnani), toʼki «время» и т. д.

¹ Ernst A. Meyer «Der musikalische Wortakzent im japanischen» — Le Monde Oriental, 1906, 77—86.

в Нагасакском — окситонный тип ha'na (hana'no, hana', han'a'), to'ki и т. д.

2) Тип с высоким тоном в обоих морях.

'hana' нос, 'uśi' корова — бык, 'kaki' назв. плода, 'kani' (Тоса 'gane') краб, 'kane' деньги, 'saga' тарелка, 'take' бамбук, 'kuśi' (Тоса 'kut'i') рот.

По Meyer'у это — *akzent* 2, для него кривая Fig. 4 на стр. 83 op. cit. — *tsuru* (angeln). В Токиоском ему соответствуют «дзэнхэй» (см. мою работу «Муз. ударение в гов. Токио» Изв. Ак. Н. 1915, стр. 1617), т.-е. слова, переносящие ударение на последний слог суффикса: hana «нос» (hana₁ηa, hana₁wa, hana₁i с факультативным повышением на -ηa, -wa, -i), а в Нагасакском — баритонные: ha₁na (hana₁no, hana₁:', han'a₁':) —

ha₁na ha na₁no ha na₁i:

↑ ↑ ↑ ↑ ↑ ↑ и т. д.

То же соответствие в глагольных формах Praesens'a:

Киото и Тоса 'iku' «идет» || Токио iku || Нагас. i₁ku

Киото и Тоса 'kiru' «одевает» (не смешивать с ki'ru «режет»)

|| Токио kiru || Нагас. *ki₁ru → ki₁': (в гов. деревни Мие).

3) Тип с первой низкой и второй высокой морой. Он не отмечен Meyer'ом.

a'sa конопля, ka'sa колпак, po'do горло (происходит из *₁no'mito'), ka'me ваза, u'su ступка, u'mi море, i'ma «теперь», ku'zi «ветошь». В Тоса слова этого типа не отличаются по мелодии от следующего типа (в Casus indefinitus), но характерным их признаком служит то, что при присоединении суффикса, способного чередоваться по высоте тона (т.-е. способного быть — после конечной высокой моры основы — тоже высоким, каковы, например, суффиксы -ga, -no, -ni, социативное -to, суффикс Sybjectivi *pa и др.), повышение простирается вместе с последним слогом основы и на суффикс: так от a'sa «конопля»:

Nomin. a'saga', Subject. a'sa ← a'sawa' ← *a'sa-pa', Dat.-Loc. a'sari', Accus. a'sa ← a'sao'.

Те же падежи от no^Гdo «горло»:

no^Гdoga¹, no^Гda ← no^Гdowa¹,
no^Гdōji¹, no^Гdo ← no^Гdo-o¹.

Мелодия $\text{p} \left| \begin{smallmatrix} \text{f} \\ \text{f} \end{smallmatrix} \right|$ в подобных трехморных комплексах, сохранившаяся в Тоса, может восстанавливаться в качестве обще-западно-японской (а также обще-японской), и замена ее Киотоской мелодией $\text{p} \left| \begin{smallmatrix} \text{f} \\ \text{f} \end{smallmatrix} \right|$ (точнее $\text{p} \left| \begin{smallmatrix} \text{f} \\ \text{f} \end{smallmatrix} \right|$, ибо Киотоские asa^Гηa, asa^Гwa, asa^Гni произносятся с постепенным повышением от первого к третьему слогу) является новшеством.

В Токиоском в словах этого типа соответствует повышение на 1-м слоге (ᵀkasa, ᵀusu, ᵀumi, ᵀnodo), но Токиоское a^Гsa «конопля» составляет исключение — слово, повидимому, заимствовано из западного диалекта.

В Нагасакском соответствием служит окситонный тип (ka^Гsa, u^Гsu, u^Гmi и т. д.), в котором совпали — из 4-х обще-японских типов двухморных слов — три, т.-е. все кроме предшествующего (*ᵀрана¹ «нос» → Киото и Тоса ᵀhana¹ || Нагасаки ha₁na с бари-тонной мелодией).

То же соответствие в глагольных формах Praesentis: Киото и Тоса no^Гmi «пьет» || Токио ᵀnomi || Нагасаки no^Гmi, Киото и Тоса ki^Гru «режет» || Токио ᵀkiru || Нагасаки ki^Гru → ki^Г: (говор дер. Мие).

4) Киотоский (отсутствующий в Тоса) тип с нисходящим повышением на второй море. Первая мора — низка, на второй голосовой тон сильно повышается, чтобы тотчас же опять упасть к концу этой моры. Мору, на которую приходится это нисходящее повышение, я буду обозначать циркумфлексом ^̣. У Meyer'a op. cit. это — Киотоский *akzent* 3; кривая для него — *tsuru* (kranich).

asâ утро, sugû журавль, kamê черепаха, kizû мука аррорут, kaηê тень, kumô паук, sagû обезьяна.

На основании некоторых корейских соответствий, (а также

на основании некоторых других этимологий) нисходящее повышение можно считать рефлексом исчезнувшего конечного носового):¹ asâ || кор. asam «утро», curû ← turû || кор. turum «журавль».

В Тосаском отличие нисходящего повышения от простого уже утратилось, но сохранился обусловленный им (— в силу того, что суффикс продолжает собою тон последнего элемента основы —) низкий тон следующего суффикса, почему следовательно склонение a¹sa ← asâ «утро» — *a¹sa₁ga (из *asâga), a¹sa¹₁ni (из *asâni) и т. д. отличается от склонения a¹sa «конопля» a¹saga¹ a¹saji¹ и т. д. во всех падежах, суффиксы которых способны чередоваться по тону (т.-е. быть высокими или низкими в зависимости от последней морфы основы). Другой пример этого различия — диалектический (Тосаский) Casus temporalis (дефективный по употреблению падеж) на -t'a от a¹sa (← asâ) «утро» и i¹ma (*i¹ma) «теперь» — a¹sa₁t'a «утром», но i¹ma¹t'a «теперь». В Токиоском и Нагасакском, естественно, не сохранилось никаких следов «нисходящего повышения» и слова этого типа отражаются одинаково с предшествующим — Токио ¹asa «утро», Нагасаки a¹sa «утро» (из *asâ); Токио ¹cugu «журавль», Нагасаки cu¹gu «журавль» (из *turû).

Перечисленные четыре типа двухморных слов сохраняют значимость и в том случае, если слово состоит не из двух кратких, а одного долгого слога. При этом в Киотоском в данные четыре типа входят все односложные слова, — как те, которым и в Токиоском соответствует долгий слог, так и те, киотоская долгота

¹ Допуская таким образом ауслаутные носовые для дояпонской эпохи, предшествовавшей формации общепонских парных звонких (b, d, g, z), получается возможность объяснить появление звонких на месте глухих в начале второй части Compositi (в интервокальной позиции, как в Тосак. turi-za:, Ток. curi-za¹о удочка из turi → sawo «удильный шест», или в so-date из so → tate) морфологическим обобщением тех случаев, где первая часть Compositi оканчивалась на носовой, вошедший в формацию звонкого вместе с начальным глухим второй части (напр. m-k в *asam-karo > asagawo название цветка, где *asam «утро» и заменившийся — при изоляции данной морфемы (т.-е. вне Compositi) — нисходящим повышением (*asam → asâ «утро»).

гласных которых является вторичной — в результате диалектического удлинения всех одноморных основ (ср. аналогичный процесс в рюкюском). Таким образом в Киото двухморными являются не только *ho:* (из Го-он'ного **рори*, или Кан-он'ного **рари* ← кит. **far*) — «закон», *ho:* (из **раи* ← **раМ* ← кит. **faŋ*), «сторона», но и *ho:* «парус» (Токио *ho*), *ho:* «колос» (Токио *ho*). Для случаев последнего рода я буду, однако, при обозначении Киотоской долготы условно употреблять не двоеточие, а точку вверху строки (*ho'*), имея под этим в виду, что образованные киотосцы склонны сокращать данные долгие гласные под влиянием стандартного языка (и орфографии). В Тоса же удлинение таких гласных свойственно только одному акцентуационному типу и не относящиеся к нему случаи соответствий с Токиоской одноморной основой также одноморны и потому мелодически не дифференцируются, пока не даны суффиксальные формы. Поскольку же, однако, суффиксальные падежи выясняют акцентуационные различия этих основ и в Тоса, мы вправе считать, что в обще-западно-японскую эпоху односложные основы мелодически дифференцировались даже несмотря на краткость их гласных (подобно тому как краткий слог был достаточным субстратом для представления «нисходящего повышения» на конце двусложных основ). Ясно, однако, что дифференциация эта была исторически-неустойчивой (так как представление мелодии внутри краткого гласного только указанными двумя случаями — в односложных, напр. **rî* «день, солнце» и на конце двусложных основ, напр. *asâ* «утро» — и ограничивалось) и для диалектического развития представлялись возможными два пути: удлинение слога, обеспечившее в Киотоском сохранность мелодической характеристики этого слога, или же утрата ее, имевшая место в случаях сохранения краткого гласного в Тоса-ском.

Киотоские примеры односложных основ:

- 1) Тип с нисходящей мелодией: *to_L:* погода, *to_L:* десять, *sa_Li* игральная кость, *ho_Lŋ* книга; *ci_L:* день, солнце, *ce_L:* корм.

ᵐha_L· лист, ᵐha_L· зуб (два последние слова — гомонимы в Киото и Тоса, но различаются по акцентуации в Токио и Нагасаки), ᵐna_L· имя, ᵐke_L· волос, ᵐne_L· цена. В тех примерах, где стандартный (respective Токиоский) язык имеет краткий гласный (ᵐṣi_L· «день, солнце», ᵐe_L· «корм» и т. д.), образованные киотосцы также обычно сокращают слог и склоняют, таким образом, вместо ᵐṣi_L·-ᵐṣa, ᵐṣi_L·-wa, ᵐe_L·-ᵐṣa, ᵐe_L·-wa — ᵐṣi_Lᵐṣa, ᵐṣi_Lwa, ᵐe_Lᵐṣa, ᵐe_Lwa. Точно такая же акцентуация присуща этим основам и в Тосаском: ᵐhi_Lga, ᵐhi_Lwa «день, солнце», ᵐe_Lga, ᵐe_Lwa «корм» и т. д. При изоляции же (т.-е. в Casus indefinitus) основы hi день, e корм и пр. не имеют в Тоса мелодической характеристики.

2) Тип с ровным (высоким) голосовым тоном: ᵐhoᵐ закон, ᵐsaᵐ три, ᵐoᵐ самец; ᵐṣiᵐ памятник, ᵐeᵐ рукоятка, ᵐkiᵐ дух, ᵐhoᵐ парус, ᵐkoᵐ дитя, ᵐgoᵐ пять, ᵐkuᵐ девять, ᵐkaᵐ комар, ᵐiᵐ желудок (*wi), ᵐṣiᵐ кровь, ᵐtoᵐ дверь. У образованных киотосцев и в Тосаском основы ᵐṣiᵐ памятник, ᵐeᵐ рукоятка (в Тоса hi, e) и т. д. склоняются в виде ᵐṣiᵐṣa (Тоса ᵐhigaᵐ), ᵐṣiwaᵐ, ᵐeᵐṣa (Тоса ᵐegaᵐ), ᵐewaᵐ и т. д.

Поскольку трудно разобраться в восточных и южных соответствиях для предыдущего типа, постольку для данного определенно констатируется соответствие с неударенными одноморными основами в Токиоском (ᵐe рукоятка, eᵐṣa, eᵐwa и т. д.) и с бари-тонными в Нагасакском (ᵐje — je_Lga, je_Lwa).

3) Тип с восходящей мелодией: k'oᵐ: сутры, ʒuᵐ: десять, oᵐᵐ милость, haᵐi легкие, ṣiᵐᵐ огонь, eᵐᵐ картина (*we), kiᵐᵐ дерево, hoᵐᵐ колос, koᵐᵐ мука́, oᵐᵐ хвост (*wo), niᵐᵐ два, taᵐᵐ рисовое поле, teᵐᵐ рука, meᵐᵐ глаз, juᵐᵐ кипяток. В Тоса при этом акцентуационном типе мелодия изолированной основы сохраняется (благодаря удлинению гласного в Casus indefinitus): hiᵐᵐ огонь, eᵐᵐ картина, таким образом, дифференцируется от hi день или hi памятник, e корм или e рукоятка. Суффиксальные падежи, однако, как и у образованных киотосцев: hiᵐᵐga (Киото ṣiᵐᵐṣa), hiᵐᵐwa, eᵐᵐga (Киото eᵐᵐṣa), eᵐᵐwa. В Токиоском одноморным основам этого типа отвечают ударенные (ᵐṣi, ᵐe, ᵐki; — ᵐṣiᵐṣa, ᵐeᵐṣa, ᵐkiᵐṣa — Nom.

от огонь, картина, дерево). Сравни поэтому, например, *Токиоские* 'kiŋa Nom. «дерево» и kīŋa (факультативно kiŋa) Nom. «дух» (от ɿki) или ʕiŋa Nom. «огонь» и ɕiŋa (факультативно ɕiŋa) Nom. «солнце» (от ɿɕi).

4) Тип с нисходящим повышением на второй мере или с восходяще-нисходящей мелодией долгого слога (я не берусь решить, присуще ли нисходящее повышение только второй мере или же три последовательных периода голосового тона: низкий — высокий — низкий, приблизительно могут быть количественно равными): Киото ho:ŋa щека, ai индиго (в Тоса ai — Nominativ. aiŋa; сравни с ai < aŋi название рыбы, где Тосаская форма Nominativi звучит aiŋa).

Тип этот чрезвычайно редок и так как он образуется исключительно из стяжения в один долгий слог двусложных основ с конечным нисходящим повышением (ho: из *porō, ai из awi), то одноморные соответствия ему в стандартном языке, понятно, невозможны. В Тоса этот тип отсутствует, но ai индиго сохраняет признак своего происхождения из ai (*awi) в склонении (aiŋa, не aiŋa), тогда как ho:ŋa щека вполне отошло к предшествующему типу (ho:ŋa или ho:ŋa, в Киото же ho:ŋa).

Как видно из сказанного, средства акцентуационного словоразличения в Тоса не рассчитаны на представление одноморного слова, что и понятно, если вспомнить чрезвычайную редкость и морфологически-аномальный характер слов, состоящих из одного краткого слога. В числе их могут быть или Casus indefinitus от небольшого числа одноморных именных основ или же Nomen verbale от нескольких глаголов (si, ki приходить, ki одевать, mi, de, i, e). Но Nomen verbale в Тоса, в отличие от Киото (где данные однослоги удлинены), не употребляется в императивном значении, а Casus indefinitus имеет минимальные функции (как и в других говорах за исключением южных). Поэтому понятно что основы в роде hi- «день», hi- «памятник» усваиваются из суффиксальных форм ʕiŋa, ʕiŋa (день) и ʕiŋa, ʕiŋa (памятник) и т. д. и

Casus indefinitus *hi* в современном мышлении вторичен по отношению к этим суффиксальным формам. В Токиоском, как я указывал в статье «Муз. ударение в гор. Токио», при аналогичном различии ударенных и неударенных одноморных основ только в склонении (*ʕi-* и *ɿci-* — в *ʕiŋa*, *ʕiwa* и *ciŋa*, *ciwa*), есть возможность намеренной дифференциации их и в Cas. indef.: одно *ci* — абсорбируется из *ʕiŋa*, *ʕiwa* с характером высокого и экспираторно ударенного слога, другое — (из *ciŋa*, *ciwa*) в качестве низкого и слабого.¹ Но в тосаском *ʕhi_Lga* и *ʕhiga*¹ первые слоги (*ʕhi*) одинаково характеризуются, как высокие, и потому не представляют столь благоприятных условий для дифференциации. Тем не менее она оказывается все-таки допустимой, так как в самом исходе слога *hi* в составе *ʕhi_Lga* «день» наблюдается некоторое понижение, немного предвещающее низкий тон следующего слога, а *hi* в составе *ʕhiga*¹ «памятник» сохраняет высокий тон на всем протяжении гласного, и моему объекту, уроженцу Могогi в Тоса, удалось фиксировать и сохранить в изолированном произношении эти оттенки. Социальная ценность этого намеренного различия, однако, ничтожна: оба оттенка *hi* оцениваются слушающим, как фонетически одинаковые, и потому ассоциируются с обоими смысловыми представлениями; он начинает улавливать дифференциацию только тогда, когда сам сознательно ищет ее признаков и фиксирует таким образом деталь, бывшую до тех пор ниже его порога звукоразличения. Но в этом случае намек на понижение тона, если он только уловлен, понимается слушающим так же, как и произносящим, т.-е. ассоциируется непременно с *hi* — в *ʕhi_Lga* «день» (а не с *ʕhi-ga*¹ «памятник»),

¹ Параллели для таких потенциальных словоразличений можно указать и в русском (великорусском); напр. пруд и прут, плод и плот *могут* произноситься с разными конечными согласными (*d* и *t*) под влиянием ассоциации с *d* и *t* косвенных падежей; другой пример: дифференциация неударенных гласных в *она мила* и *она мела*. Конечно, для осуществления этой (факультативной) дифференциации нужны особые условия: когда, напр., учитель диктует: «это — не плот, а плод», и т. п.

в чем легко бывает убедиться посредством диктовки между двумя объектами.

Что же касается основ третьего типа (hi^г — hi^гga, hi^гwa «огонь»), то их принципиально отличная интонация (низкий по отношению к следующему слогу тон) не могла остаться незамеченной, но и не могла выразиться при изоляции основы иначе, как посредством удлинения гласного — ибо это прием, обычный для Тосаского в случаях потребности сохранить семантически-существенный акцентуационный признак. Сошлюсь для подтверждения (того, что Тосаский пользуется удлинением гласного, чтобы сохранить семантически-существенную мелодию этого гласного) на долгий гласный в Accusat. от a^гsa (*asa) «утро» — a^гsa_l: из a^гsa_o, тогда как обычно стяжение а с суффиксальным о дает краткое а (например Accusat. от a^гsa «конопля» — a^гsa ← a^гsa-o¹ «коноплю»).¹ Другой пример, sa^гra_l: (из sa^г-ru_lwa) — Cas. Subjectiv. от sa^гru (sarù) «обезьяна», но в ^гmidu^г ← ^гmidu-wa^г (Cas. Subj. от «вода») и в jo^гra ← jo^гru-wa^г (Cas. Subj. от «ночь») мы видим краткий гласный а. Третий пример: суффикс Conditionalis *-e-(p)a дает а (с мягкостью предшествующего согласного), если оба его слога принадлежали к низким по тону, и а:, если глагольная основа предполагает повышение на *-е-суффикса: ^гjo_lb'a < *^гjo_lb-e-(p)a (от ^гjobu^г звать), но jo^гm'a_l: < jo^гme_l(p)a (от jo^гmu читать). Четвертый пример: суффикс Praedicativi — *^гde_l-a дал -d'a (Токио -da, Киото -_lja) после конечного низкого, но ^гd'a_l: после конечного высокого элемента основы: ^гha_lna^гd'a < *^гra_lna-de-a «это — цветок», a^гsa_ld'a <

¹ Подобные формы Accusativi, совпадают и с Cas. indefin. и с Cas. Subject. (asa ← asa-wa). Констатировать эти правильно-фонетически развившиеся Accusativi и Subjectivi Тосаского диалекта было не легко, так как они наличны только в синтаксическом Sandhi (Acc. — a^гsa ka^гru «жнет коноплю», Subject. — ^гhana^г ^гta_lkai «нос высок (т.-е. велик)»), перед паузой-же готовы проявиться в морфологически-подновленные дублиеты a^гsao^г, ^гhanawa^г. Существование этих кратких форм тем не менее бесспорно — именно как Accus. и Cas. Subject., но не Casus indefinitus.

asâ_L-de-a «это — утро»; но ʔhanad'a_L: < *ʔpana-de_L-a «это — нос»; aʔsad'a_L: < *aʔsa-de_L-a «это — конопля».

Тот же фактор — стремление сохранить семасиологически — нужную интонацию — здесь удлинил и гласные восходящих однослогов: основ типа kiʔ > kiʔ: «дерево» и т. п.

Переходя к словам из трех и более мор, важно отметить, что Киотоский в противоположность Тосаскому сильно упростил акцентуационное разнообразие трехморных комплексов, допустив замену их начального или конечного двусложного повышения односложным (т.-е. поставив | ʔ ʔ вместо | ʔ ʔ ʔ и | ʔ ʔ ʔ вместо ʔ | ʔ ʔ). Таким образом благодаря первому из этих упрощений (| ʔ ʔ ʔ → | ʔ ʔ ʔ) в Киотоском совпало два типа именных трехсложных основ, различающихся в Тосаском: ʔa_Lmuḡa масло и ʔama_Ldu сом — в Киотоском ʔa_Lbuḡa, ʔa_Lmazi и исчезло различие между двумя акцентуационными типами прилагательных: ʔsi_Lroi белый, ʔa_Ltui «жаркий» и ʔaka_Li «красный», ʔatu_Li «толстый» — в Киотоском ʔsi_Lroi, ʔa_Lkai, ʔa_Lcui «жаркий» и «толстый» (подробнее об этом явлении в моей статье «Акцентуация японских прилагательных с двусложной основой» в Изв. Ак. Н. 1917 г.). Эта конвергенция (двусложного начального повышения с односложным) не повела, однако, к полному исчезновению слов типа | ʔ ʔ ʔ в Киотоском, так как данная мелодия (ʔ | ʔ ʔ) сохранялась, если была обусловлена акцентуационными признаками составных частей слова, например, в падежах с обязательно низким тоном суффикса (таковы м. пр. Illativus, Additivus, Limitativus, Attributivus, Comparativus и один из Praedicativ'ов, суффиксы которых -e|i, -mo, -made, -na, -jori, -ja не чередуются по тону в зависимости от последнего элемента основы, а бывают низкими после всяких основ) от ровных двусложных

основ, например ${}^{\text{h}}\text{ana}^{\text{l}}\text{-i}$, ${}^{\text{h}}\text{ana}^{\text{l}}\text{mo}$, ${}^{\text{h}}\text{ana}^{\text{l}}\text{ja}$, ${}^{\text{h}}\text{ame}^{\text{l}}\text{na}$ («здоровый» Attributivus от ${}^{\text{h}}\text{ame}^{\text{l}}$ «здоровье»).

Переход же $\text{f}|\text{f}|\text{f} > \text{f}\text{f}|\text{f}$ (пример: Тоса $\text{o}^{\text{h}}\text{sagi}^{\text{l}}$ — Киото $\text{usa}^{\text{h}}\text{gi}^{\text{l}}$ заяц) является частным случаем минимализации многоморного конечного повышения (до одной моры), которая проведена была с безысключительностью и сделала многоморные периоды высокого тона на конце слова совершенно невозможными в Киотоском.

Таким образом вместе с изменением Cas. indef. $*\text{u}^{\text{h}}\text{sa}^{\text{h}}\text{gi}^{\text{l}} > \text{usa}^{\text{h}}\text{gi}^{\text{l}}$, высокий период был сокращен до одной моры и в суффиксальных падежах: $*\text{u}^{\text{h}}\text{sa}^{\text{h}}\text{gi}^{\text{l}}\text{-}\eta\text{a}^{\text{l}} > \text{usa}^{\text{h}}\text{gi}^{\text{l}}\eta\text{a}$, $*\text{u}^{\text{h}}\text{sa}^{\text{h}}\text{gi}^{\text{l}}\text{-wa}^{\text{l}} > \text{usa}^{\text{h}}\text{gi}^{\text{l}}\text{wa}$ (при низком тоне суффикса $*\text{u}^{\text{h}}\text{sa}^{\text{h}}\text{gi}^{\text{l}}\text{e} > \text{usa}^{\text{h}}\text{gi}^{\text{l}}\text{e}$, $*\text{u}^{\text{h}}\text{sa}^{\text{h}}\text{gi}^{\text{l}}\text{mo} > \text{usa}^{\text{h}}\text{gi}^{\text{l}}\text{mo}$). Другой пример: комплексы, состоявшие из первого низкого и прочих высоких слогов, именно представлявшие сочетание префикса o_l - (обязательно низкого по тону) с ровной высокой по тону основой (например Тосаские $\text{o}^{\text{h}}\text{sake}^{\text{l}}$, $\text{o}^{\text{h}}\text{maturi}^{\text{l}}$), получили в Киотоском повышение только на последней море: $\text{osa}^{\text{h}}\text{ke}$, $\text{omasu}^{\text{h}}\text{gi}$ (суффиксальные падежи: $\text{osake}^{\text{h}}\eta\text{a}$, $\text{omasu}^{\text{h}}\text{gi}\eta\text{a}$, $\text{osake}^{\text{h}}\text{wa}$, $\text{omasu}^{\text{h}}\text{gi}\text{wa}$, но при обязательно низком по тону суффиксе — $\text{osa}^{\text{h}}\text{ke}_\text{l}\text{mo}$, $\text{omasu}^{\text{h}}\text{gi}_\text{l}\text{mo}$).

Описанное частичное устранение многоморных повышений в Киотоском (представляющее переходный этап по отношению к Токиоской системе исключительно одноморных повышений)¹ являлось конвергенцией представлений многоморных и одноморного повышений и именно в качестве таковой отразилось на физическом составе новой мелодии. Так Киотоское $\text{f}|\text{f}|\text{f}$ в противоположность Тосаскому ($\text{Ga}_\text{l}\text{miga}$) произносится в сущности с постепенным понижением от первого слога к третьему через промежуточную высоту второго, т.-е. в виде $\text{f}|\text{f}\text{f}$, являясь сле-

¹ В частности факультативное повышение на последней море токиоских дзэнхеев есть результат конвергенции ровной мелодии (Киото ${}^{\text{h}}\text{kodomo}^{\text{l}}$) с доминирующим в Киото конечным одноморным повышением ($\text{usa}^{\text{h}}\text{gi}^{\text{l}}$).

довательно компромиссом между мелодиями $\uparrow \uparrow \uparrow$ (Тоса $\text{'a}_\text{t} \text{miga}$) и $\uparrow \uparrow \uparrow$ (Тоса $\text{'na} \text{ma}_\text{t} \text{du}$), к смешению которых данный Киотоский рефлекс ($\uparrow \uparrow \uparrow$ в $\text{'a}_\text{t} \text{buga}$, $\text{'na}_\text{t} \text{пази}$) и восходит. Оговори́в эту комбинаторную «полуповышенность» соседней с повышением моры в Киотоском (имеющую место, как при понижении, так и при повышении голоса на протяжении слова, следовательно и при $\uparrow \uparrow \uparrow = \uparrow \uparrow \uparrow$, например, в $\text{па} \text{η} \text{a} \text{'sa} < * \text{na} \text{'η} \text{asa} \text{'}$), я не считаю нужным отмечать ее в транскрипции, символы которой я употребляю исключительно с психофонетическим значением.

Как видно из сказанного, Тосаский существенно показательнее Киотоского для восстановления обще-японской акцентуации, так как изменения в нем коснулись лишь мелодии слога, а границы между высокими и низкими слогами в общем не передвигались, что можно подтвердить рядом примеров из морфологии. Здесь следует назвать, однако, еще один (хотя и факультативный) сдвиг, допускаемый Тосаским в мелодии слога: повышение, начинающееся со второй моры долгого слога и простирающееся на следующий слог (или ряд слогов), факультативно опаздывает на одну мору, т.-е. может начинаться только со следующего слога: таким образом нет, например, принципиальной разницы между акцентуациями $\text{k'o} \text{'ga} \text{'}$ и $\text{k'o} \text{'ga}$ — Nomin. от $\text{k'o} \text{'}$: «сутры (кит. цзинь)», $\text{o} \text{'η} \text{ga} \text{'}$ и $\text{o} \text{'η} \text{ga}$ — Nomin. от $\text{o} \text{'η}$ «милость», (но при следующем низком по тону слоге такое опаздывание, конечно, недопустимо: $\text{k'o} \text{'ga} \text{'}$ то «и сутры», $\text{o} \text{'m} \text{'}$ то «и милость»).

Все вышесказанное имеет ввиду акцентуацию изолированного из контекста слова. По крайней мере для Киотоского¹ я мог констатировать, что мелодия слова может несколько модифицироваться:

I. Влиянием Satz-sandhi; сюда относится следующее явление: конечная «единственно высокая» мора слога перед высоким нача-

¹ Тосаских явлений я здесь не затрагиваю; укажу, что в общем Тосаские мелодии константнее Киотоских — в случаях эфазы и Satz-sandhi.

лом следующего слова (в том числе и перед словом с ровной мелодией) бывает обыкновенно низкой, хотя проявляется в высокую при малейшей паузе между этими словами. Таким образом создается особый род (факультативно) ровного по мелодии слова, отличный от обычных ровных тем, что состоит из ряда низких (а не высоких — как в нормальных «ровных» словах типа 'hana' нос) слогов (факультативно — из ряда низких кроме последнего), например [haʃiŋa] 'sarani' «палочки (для еды) на тарелке», при паузе же между обоими словами haʃi'ŋa 'sarani'.

II. Влиянием эмфаза; я недостаточно уяснил себе значение этого фактора. Замечу только, что 1) конечный слог может приобретать факультативное повышение при паузе *внутри фразы*, например 'a, buŋaŋa — Nom. от 'a, buŋa «масло» может произноситься с вторым эмфатическим повышением как бы вроде 'a, buŋa'ŋa; 2) в некоторых морфологически-сложных комплексах, произносимых без эмфаза с одним повышением (и потому считаемых за одно слово), при эмфазе развивается второе повышение на определенном для каждого отдельного случая месте. Сюда относятся, следовательно, Neo-composita, составной элемент которых факультативно проявляется (синтаксически и акцентуационно) на степень самостоятельного слова.

Физическая сторона западно-японской акцентуации (в противоположность материалам по восточно- и южно-японской) мною не фиксирована в форме цифровых (микроскопических) подсчетов инструментально-записанных кривых, так как непосредственной надобности в этом для общей характеристики данной акцентуационной системы не ощущалось.¹

Интервал между высоким и низким периодами, поскольку я определял его по слуху, колеблется между полутоном и квинтой. Для Тосаского правильная квинта, кажется, является нормой при идеальной фонации, т.-е. при намеренно-отчетливом

¹ Хотя сырой материал инструментальных записей (кривые гол. тона через гортанную капсулу) был мною в изобилии собран по обоим говорам — в Психологической Лаборатории Токиоского Университета.

выполнении произносительного намерения с целью выявить звуковой состав слов.

Но при этом слог, непосредственно предшествующий падению голоса на квинту, сам немного (приблизительно на полутон) понижен: так, например, Тосаское $\text{'nisi}^1\text{'buŋ}$ [— с палатальным п, и с палатализованным s, т.-е. точнее: 'nis'ibuŋ] название местности — имеет такую мелодию:

$\sharp f$ $h f$ ji 'si buŋ (Ниси-бун)	т.-е. fa диэз (малой октавы), fa, si (большой октавы) — для мужского голоса.
---	--

Что касается до силового момента, то связь его с повышением, характерная для Токиоского, в западно-японском более чем сомнительна, и ни в каком случае не является принципиальной. Например, Киотоское $\text{'ha}_1\text{na}$ я нередко воспринимал с «ударением», т.-е. с более сильной экспирацией на втором (т.-е. на низком или музыкально неударенном слоге), хотя перевес силы на этом слоге я никак не мог назвать значительным и хотя опять-таки это восприятие силовой ударенности второго слога отнюдь не было обязательным (для всех повторений слова).

Наиболее ясен силовой момент при минимуме длины высокого периода, т.-е. при Киотоском нисходящем повышении: например, asá «утро» определенно оценивается, как ударенное на втором слоге.

Выпадение гласных наблюдается, как в низкой, так и в высокой части слова,¹ хотя надо заметить, что в Тосаском явление это наблюдается в очень и очень слабой степени. При падении

¹ Благоприятствующие факторы для падения гласных: их узость (u i), соседство с глухими, позиция после спиранта или аффрикаты. В Токио к ним смело нужно присоединить неударенность (в последнем слоге Токиоских «дзэн-хеев» выпадение гласного также невозможно, — ибо это слог — факультативно ударенный). В Нагасаком — при наличии тех же факторов (— благоприятствующих падению гласного: его узость, соседство с глухими, постспирантная или постаффрикатная позиция), участие в этом деле акцента — тоже несомненно, но требует специального описания (см. выше).

гласного в единственно-высоком слоге, мелодия выражается посредством нисходящего повышения в следующем слоге, напр., Киотоск. *štô* < *ʕi_Lto* «человек».

Для иллюстрации приведу по образцу акцентуированной записи текста для говоров Киотоского и Тосаского (деревни Мороги):

1. Перевод на Киотоский говор общеизвестного текста «Солнце».¹

oʕi_L:saŋ. oʕi_L:saŋŋa ʕiwa_Lhatta {или ʕju:_Lniwa}.
 {ateʕno ʕna_Lwa} ² ʕi_L·tci:masu.³ { (w)ateʕwa ʕhora¹ } ⁴
 {ate_Lno ʕna_Lwa} { (w)atewa_L ʕhora¹ }
 {ʕki_Lrakira ʕšitemasse¹} ⁵ ate_Lwa⁶ ʕi_Lŋašikara ʕaŋarima-
 su_Lnoja ʕhošite¹ ate_Lŋa⁷ ʕaŋaruto¹ jo⁸ŋa ʕakeru_Lnodosu.
 ate_Lno ʕa_Lkai ʕki_Lŋkiŋšita⁸ me⁸ʕde madô⁹o ʕno_Lzoite⁹ oʕki_Lnna-
 raŋ ʕši_Lkokujato ʕširašitaŋemasu¹. o:kiŋka ne¹⁰bo_Lke ʕneteru_Lno-
 nara¹⁰ ate_Lwa_L ʕčika_Lrašimabeŋ okišite ʕhatarā_Litari ʕho_Lŋi¹⁰o

¹ Текст этот принято брать за образец при фонетических записях на разных языках; так в журнале «*Maître Phonétique*», напр., можно найти записи этого текста на многих языках (эта стандартизация текста удобна потому, что позволяет обходиться без печатания перевода).

², ⁴, ⁶, ⁷ Окситонное слово (ateʕ-но «мой, моё», ate-ŋa, ate-ʕwa «я»), тесно (без паузы) примыкающее к следующему слову с начальной высокой морой, обычно утрачивает свое конечное повышение (ate_Lno и т. д.).

³ Вместо ʕi_Ltci:masu может быть произнесено ʕi_L·tci:masu¹ (← -te-iimasu): для последнего слога у меня отмечено конечное звонкое u (как и ниже в словах ʕabuttemasu¹, ʕterašimasu¹, ʕšimasu¹). Вообще в Киотоском u (после спиранта), повидимому, несколько устойчивее, чем в Токио (наибольшая же устойчивость кратких u, i встречена была мною в Тосаском).

⁵, ⁸, ²¹ -šitemasse, вм. ʕšitemasse¹ (из site-(w)imasu-se) и -š(i)ta (← ʕsi_Lta (Praeter. от ʕsuru¹) — грамматикализация форм от ʕsuru¹ (с утратой собственного повышения), которая часто встретится и ниже: напр. ʕšikusašī_L-mo-šimasu вм.-mo ʕšimasu¹).

⁹ В обычном темпе вместо z (в pozote) произносится, по общему (для интервокальной позиции) правилу, спирант z : pozote. См. ниже «Фонетический состав японского языка».

¹⁰, ²² Дублет (свойственный эмфатическому произношению) — ʕneteru_Lno ʕna_Lra [просубст. прич. от Perfectiv. от ʕneru¹ + грамматикализованный Conditionalis от naʕru]; подобный же эмфатический дублет — с прояснением второго ударения — в дублете teʕra_Lnanʕda_Lra (Conditional. Praeteriti Negativi).

jon¹¹da_Lri 'i¹⁰okima_Lwattari¹¹ 'surujo_L:ni 'çikatteru_Lnoja¹⁰ana.
 'çu_L:te 'na_L: 'e_Lrai 'ta_Lbi¹²wo¹² 's¹⁰imasse¹ 'te_Lŋ¹⁰o zu¹:tto 'ta_Lbisu-
 runo:su.¹³ ço¹'tto_Lmo ðittô 's¹⁰i_Ltešimaha¹⁰ŋ.¹⁴ 'so_Ljakedo¹⁵ 'me_Lttani
 { 'kutabureruko_Ltomo } arâsimaha¹⁰ŋ. 'a_Ltamani¹wa¹⁶ 'ka_Lmmuri¹⁰o
 'kabuttemasu¹ 'ki_Lrakirašita { 'çi_Lkarino }¹⁷ 'ka_Lmmuridosu. 'ho-
 site¹ 'kono¹ 'çi_Lkari¹⁰o { do¹'ko_Limo }¹⁸ 'kaš¹i_Lkoimo 'okuttagama-
 su_Lnoja. ki¹de_Lmo 'i_Ledemo 'mizuno¹ 'u¹ede_Lmo 'terasimasu¹.
 (w)ate¹ŋa 'terasuto¹ nan¹de_Lmo minnâ 'pi_Lkapika 'ucuku_Lsi(:)
 me:ma¹su. { a¹'ko_L: 's¹⁰itaŋeru_Lš¹⁰i } 'atata¹'ko(:)s¹⁰itaŋeru. ate¹wa
 nan¹de_Lmo 'atatamemassa_Lke¹⁹ 'na_L:kuda_Lmo¹ŋja 'koku¹-
 mocu¹⁰wo²⁰ 's¹⁰ikusaš¹i_Lmošimasu.²¹ (w)ate¹ŋa { или ataš¹i¹ŋa }
 ha¹ta_Lkeja te¹ra_Lnandara²² nani¹š¹⁰i_Lto¹cu ha¹š¹⁰imaha¹⁰ŋ.

¹¹ Вместо iŋoku в Киот. есть и специфический (вульгарный) дублет ŋoku (ср. рюк. ŋuŋcu-ŋ, Ток. ŋoku).

¹² 'ta_Lbi «путешествие», tabi «яп. чулки».

¹³ Можно было бы сказать и tabi-suru-no-dosu.

¹⁴ Реально осуществляется (благодаря падению i) в виде š¹⁰esimaha¹⁰ŋ (с нисходящим повышением на te).

¹⁵ -ja в so-ja-kedo — суфф. Praedicativi, экв. Т. -da, Тоса -d'a_L/ -d'a_L: (в Нагасакском же [гов. Мие], в главных предложениях, этому суффиксу соответствует нуль, в придаточных же — 'ai ← -de-aru).

¹⁶, ²⁰ atamani-wa, как и kokumocu-wo были произнесены с эмфатическим повышением на последнем слоге: 'a_Ltamani¹wa, 'koku¹mocu¹⁰wo.

¹⁷ Genitiv. (как и в других говорах) может факультативно (примыкая к след. слову) получать ровную мелодию.

¹⁸ Оба суффикса (Illativi -j и Additivi -mo) требуют низкого тона; поэтому «правильным» дублетом является do¹'ko_Limo. Второй же дублет (с повышением на i) объясняется, м. б., аналогией к мелодии простых Additiv'ов (на -mo) от окситонных основ.

¹⁹ -sa_Lke, -ha_Lke — варианты 'sa_Lkai, — киотского эквивалента токиоского -кага («ибо»), тосакского -k¹i¹ni или -ke¹ni, нагасакск. -ke¹ŋ, -ke¹ŋka. После низкой моры, -sake (и др. фонетические варианты) факультативно утрачивает повышение на sa (resp. ha).

²¹ См. 5.

²² См. 10.

II. Образец акцентуированной записи текста по Тосаскому говору дер. Мороги: 'kamiden¹ 神田 «Божье поле».

'kor'a¹ on'nas'i¹ 'to_Lsademo 'me_Lttapi 'mi_Len. 'morogi-mu_Lrato 'sono¹ 'tonarino¹ 'hiro:kamu_Lrata¹ i'mapi¹ ma'da mu'kas'i_Lno 'hu_L:ga 'nokott'o_Lru.² ha'ru sa'η_Lgatu ta'ja 'ja_Lma-ga 'daibu¹ a'o_L:nattatokipi 'to_Lk'o 'ha_Lkatte i'po 'uepa_L: 'ikaη¹.³ 'sonoma_Lepi 'it'ibaηsa_Lkie 'ka_Lmisamae 's'in_Lderupi⁴ i'po 'ueru¹. 'muranou_Lt'ina 'ud'igami_Lto⁵ 'ju_L:te ta'tta hi'tto_Ltu 'sonomu_Lrao⁶ 'mamoru¹ 'ka_Lmisamaga a'ru. 'sono¹ 'ka_Lmisamanotamepi a'rutoko_Lroji na'kamano¹ to't'iga⁷ a'tte 'korepa¹ z'i'kipi¹ 'jo_Ltte go'koko¹ 'ueru¹. i'ma sa'η_Lgatupa e'i 'hi_Lo 'e_Lro:de⁸ 'taueno¹ 'hi_Lo 'kimeru¹. 'sorekara¹ 'kor'o¹ 'uerupa¹ 'morogimu_Lrano 'it'ibu_Lrakuno 'mo_Lηga⁹ min'na_L: de'ru. 'mo-

¹ Из 'hi_Lro-oka «Широкий холм» + 'mu_Lra-to-wa.

² Perfectiv. (из nokotte-oru).

³ Conditional. Negativi (uen'a:) + Negativ. (ikaη — «не идет, — нельзя») дают Necessiv'ный оборот: «надо сажать = если не сажать, нельзя».

⁴ s'inderu — экв. sonaeru «преподносит». В Тоса Praesens (как и некоторые другие формы verbi finiti) имеют полное склонение на правах имен (со значением Nomen actionis) [ср. напр. ku'ro ma'tu «ждет прихода»: kuro Accusat. из kuru-o].

⁵ Уд(э)игами — местное божество, покровитель деревни. В Мороги таковым является Хатиман.

⁶ Дублет (фонетически-правильный для Тоса) — 'sono-mu_Lга со стяжением га-o → га.

⁷ t'i в Тоса (вм. токиоского ci) вполне соответствует русскому *ти*. Для русского не-тренированного слуха, впрочем, разница между t'i (в Тоса) и ci (в большинстве яп. говоров) останется неуловленной. Ср. ниже о «*ти*» в русской транскрипции яп. слов.

⁸ Gerund. (деепричастие) от 'e_Lgabv «выбирает».

⁹ it'i-buraku-по moη-ga «люди одного околodka (buraku)». Мороги делится на 7 buraku, являющихся, собственно, отдельными, друг от друга отграниченными поселками. Интересно, что и между этими buraku есть некоторые диалектические различия (гл. обр. в формах словаря), стоящие в связи с социальными различиями: так в бедных рыбацких поселках Ниси-тобара и Хигаси-тобара, расположенных на самом берегу моря, влияния стандартного языка незаметно, и потому удедевают те диалектические термины, которые в центральном «бураку» (Хон-мура) уже вытеснены койнзизмами.

rogimu¹rao 'nanabu¹rakupi 'wa¹keru. 'sonde¹ ma¹ineŋ¹ 'hito-
bu¹rakudutu 'ka:ride¹ 'jaru¹.

'konoto¹ki 's'in¹kaŋga⁷ 'ino¹r'os'ite 'ka¹misamae o'mi¹k'o¹
's'in¹deru. 'se:kara² 'muranoi¹ekara 'a¹tumeta³ 'ko¹mede
{ 'me¹s'o 'ta¹ite } 'kor'o¹ 'pigi¹tte da¹ŋ'goto¹ 'mot'ito:¹ 'ko-
{ 'me¹s'otaite }
s'ira¹ete⁴ 'kore¹mo 'ka¹misamae 's'in¹deru. 'korega¹ su¹muto¹
'kos'iraet'a¹:tta 'got'iso:¹ 'kute⁵ 'sak'o¹ no¹:de¹⁶ { 'i¹wau }
{ 'ju¹wau }
so¹ko¹e 'ki¹ta 'kodomora:ja:¹ 'mot'ito:¹ da¹ŋ'go:¹ 'ho:t't'aru¹.⁶
'hi¹runo 'me¹s'iga su¹n¹dar'a⁷ 'sorekara¹ mi¹n¹na¹:ga 'deka¹keru.
'konoto¹kipa 'wa¹kais'imo 'musu¹memo 'ki¹re:na 'kimono(:)¹
'ki¹:te⁸ 'aka¹i 'tenogojo¹ 'ka¹butte⁹ 'oto¹ka 'kos'i¹e¹⁰ 'h'o:-
ta¹ŋo¹¹ bu¹rakura¹ite¹² 'ona¹ga 'ta¹suk'o ka¹kete¹³ te¹:wa¹¹⁴

¹ Accus. от o-¹mi¹ki — водка, употребляемая в качестве жертвоприношения.

² Стяжение из sore-kara.

³ Praeteritum от 'atu¹meru «собирает». По общему правилу, глаголы, имеющие (в Praes.) высокое начало слова, в форме Praeteriti сужают этот высокий период до меньшего числа слогов (здесь до одного a¹), но обязательно на самом начале слова. Под эту формулировку подойдут и Praeterita (и Gerundia) от «ровных» (в Praes.) глаголов — напр. 'a¹keta от 'akeru¹ и т. п.

⁴ По той же формуле (³) объясняется 'kos'ira¹ete — Praeter. от 'kos'iraeru¹ «изготавливает, готовит». Как мы видим, акцентуация спряжения в Тоса представляет значительно больше разных подтипов, чем в Киото, где все виды акцентуации Praesentis сведены к двум («ровным» и «окситонным»).

⁵ От ku¹: «ест». В диалектах ku-и вовсе не имеет уничижительного оттенка («жрать»), как в Токио.

⁶ От по¹mu «пьет».

⁷ Modus Dativus — из ho:tte-jaru, — от 'ho:ru¹ «бросает».

⁸ От 'kiru¹ «одевает».

⁹ От 'ka¹bugu «надевает на голову».

¹⁰ В отличие от токиоского, киотоского и прочих, тосаский сохраняет различие i и e после гласного: поэтому суффикс Illativi звучит здесь, как и в других случаях, — -e (в Киото было бы ko:si:).

¹¹ Низкий финальный тон в h'o:taŋo (Accus от 'h'o:ta¹ŋ) ассоциируется с представлением самой данной основы (где на ŋ = N приходится понижение), тогда как в предшествующем слове ('kos'i¹e) понижение тона морфологизовано, — ассоциируясь с представлением падежного суффикса -e.

¹² От bu¹rakurasu¹.

¹³ От 'ka¹keru.

¹⁴ Это один из весьма редких случаев, когда на суффикс Illativi по неволе (вопреки его принципиальной характеристике) приходится высокий (а не низ-

ʼho_Lsoi teʼokʼoʼ¹ ʼsa_Lgete² ʼsoreʼ_L:wa ʼkamidanoʼ neʼbatutʼoʼ³
 ʼippaiʼ ʼiretʼaʼ_L:ru. ʼsorekaraʼ zeʼjoʼ⁴ ʼso_Lroete⁵ hoʼkanobuʼ_Lra-
 kue ʼosʼikaketeikuʼ.⁶ ʼmitʼideʼ ʼotoʼ_Lko: ʼmiʼtuketarʼaʼ⁷ ʼotoʼ_Lkoga
 toʼkomaʼ_Lete⁸ ʼsakʼoʼ ʼnomaʼ_Lseru. suʼn_Ldarʼa ʼonaʼ_Lgoga ʼta_L-
 gono⁹ ʼtuʼtʼo ʼkaoʼ_Ljara ʼa_Lsʼijara ʼgotaʼ_Lidʼu: ¹⁰iʼppaiʼ ʼnuruʼ.
 ʼsonnapisʼiteʼ aʼsa_Lkara ʼbamʼ_Lmade¹¹ hoʼ_Lbojioru ni_Lŋʼgʼo
 ʼowaʼ_Leru.¹² ʼkonnapiʼ ʼmikkaʼ { ʼtuduʼ_Lkete ʼjaruʼ } ʼkoregaʼ
 haʼru_Lno¹³ ʼkamidenʼ ʼmaturidʼaʼ_L:. ʼkoŋkoʼ (или oʼsʼimaikoŋkoʼ).¹⁴

Перевод. Божье поле. — Это даже в Тоса редко встречается; но в Мороги и в соседней с ней деревне Хироока еще до-

кий) тон: Illativ. от teʼ: «рука» 1) должен иметь низкую первую мору te- и повышение на второй (т. е. на суффиксе), что требуется самим представлением данной основы, 2) наоборот, в силу общей характеристики Illativʼa, тон суффикса должен быть низким. Это противоречие разрешается в пользу лексической ассоциации, в жертву которой приносится морфологическая: Illativ. от teʼ: звучит teʼ:. Поэтому и второй суффикс -wa (ибо здесь сложный падеж: Illativ. — Subjectiv.) получает, по общему правилу «гармонии тонов», высокий тон: teʼ:waʼ.

¹ Accus. от te-ʼokeʼ «ведерко» (te- / teʼ: + oʼkeʼ).

² От ʼsageruʼ. Здесь: «взяв (в руку)».

³ ʼkamida-noʼ neʼbatuʼtiʼ «глина с божьего поля»; kami-da — синоним kamidenʼ.

⁴ Accus. от zeʼi (не ze:, так как в Тоса дифтонг ei различается от e: долгого) «множество, толпу».

⁵ От ʼsoroʼ_Leru.

⁶ Из ʼosʼikaketeʼ (от ʼosʼi-kaʼ_Lkeru) + ʼikuʼ.

⁷ Cond. Praet. от ʼmi-tuʼ_Lkeru «замечает» — из miʼru и ʼtu_Lkeru.

⁸ От toʼkomaeruʼ «схватывает» (|| sukaŋairu).

⁹ ʼta_Lgo «ведерко», синоним teoke.

¹⁰ «Все пять частей тела» (голова, руки, ноги).

¹¹ В ʼbamʼ_Lmade («до вечера») понижение на 2 последних слогах обусловлено принципиально-низким тоном суффикса ʼmade, а в предшествующем слове aʼsa_L-kara («с утра») — наоборот особенностью основы: aʼsa_L- из *asā.

¹² niŋʼgʼo — Accus. от ni_Lŋʼge (|| niŋ-ŋeŋ) «человек» (китаизм, первоначально со специфическим буддийским значением). Вместо owaeru в Токио было бы okkakeru «преследуют».

¹³ Суффикс с низким тоном, ибо haʼru_L- («весна») — из *paŋû (Киот. haŋû || Ток ʼharu).

¹⁴ koŋko (или o-sʼimai-koŋko) употребляется (особенно детьми) как формула окончания рассказа или сказки (— своего рода «аминь»).

сих пор остался (этот) древний обычай. Весной в марте, когда поля и леса («горы» — 'ja₁ma || Ток. ja^Гma) совсем позеленеют, нужно назначить время и сажать рис (i^Гne). Перед этим прежде всего сажают рис для приношения божеству. В деревне имеется только одно божество, охраняющее (именно) эту деревню под названием Удигами (Удзигами). [Примечание. В Мороги — это Хатиман]. В известном месте есть общественная земля (паката-но tot'i) предназначенная для этого божества, и на ней сообразно ('jo₁tte от 'joru¹) сезону (z'i^Гki) сажают разные хлеба (go^Гkoku¹ — 5 основных злаков). Теперь же, в марте, назначают (решают) день посева риса, выбрав (для этого) хороший день, и вот на этот посев выходят все люди с одного из околodков деревни Мороги. Дер. Мороги делится на 7 околodков («бураку»), и вот каждый год работает один из околodков по очереди (ka:ride).

В это время жрец (синтоистский — 's'i^Гŋkaŋ¹) совершает молебствие ('ino¹ri) и божеству преподносится вино. Затем варят кашу (— 'me₁s'i; «кушаньем» здесь является именно каша из разварного риса) из риса, собранного по домам деревни, и готовят «данго» и «моти», — это тоже преподносится божеству. По окончании этого празднуют за едой ранее приготовленных угощений и питьем вина (сакэ). Подошедшим сюда детям бросают «моти» и «данго». По окончании обеда все выходят наружу. В это время молодые люди ('wa₁kai-s'i или -s'u) и девушки одевают красивые платья, на голову надевают красные платки, и мужчины привешивают себе к пояснице «хётан» ('h'o:ta¹ŋ, т.-е. выдолбленную тыкву), а женщины, подвязав рукава ['ta₁suke — шнурки для подвязывания рукавов на спине], берут в руки узенькое ведро и накладывают в него дб-полна глины с «божьего поля». Затем, толпой отправляются в другие околodки. Если по дороге они увидят (заметят) мужчину, то мужчины схватывают его и поят вином. Затем женщины мажут ему глиной из ведерка и лицо, и ноги и все тело. Таким манером они преследуют людей повсюду с утра до вечера. Так продолжается 3 дня. Это — весенний праздник «божьего поля». Конец (koŋko).

§ 34. Сверху гортань может закрываться грушеобразным хрящиком, укрепленным тонким концом во внутреннем углу кадыка над голосовыми связками. Он называется надгортанником (epiglottis). При глотании надгортанник, следуя за движением языка, опускается и закрывает вход в гортань, так что пища скользит по его поверхности в пищевод.

При арабских ح ع [H Q], и эмфатических [t s z¹ ð] надгортанник, приближающийся к голосовой щели, участвует в звукопроизводстве — см. ниже «Характеристику консонантизма арабского языка».

Сравни Panconcelli-Calzia «Die experimentelle Phonetik in ihrer Anwendung auf die Sprachwissenschaft», стр. 47: «Bei dem gepressten Einsatz bewegt sich der Kehldeckel auf den Eingang des Kehlkopfes zu, ohne ihn völlig zu erreichen. Die Stimmlippen geben einen tief klingenden Ton. Der ganze Kehlkopf hebt sich. Der mit diesem Einsatz gebildete Laut klingt gequetscht und gepresst. Der gepresste Absatz findet statt, indem die Stimme zu Ende geht. Die Araber bezeichnen diesen Einsatz bzw. Absatz mit ع ».

Там же стр. 51 относительно «эмфатического» t: «Schon das unbewaffnete Ohr hört bei der Explosion des t (= [t] в нашей транскрипции) einen eigentümlichen kurzen Schlag, der nur vom Herunterklappen des Kehldeckels herrühren kann».

Итак при арабских ح ع [H Q], как и при «эмфатических» согласных (ط ص и т. д.) имеет место приближение надгортанника к голосовой щели (хотя и не вплотную), а значит и трение воздушной струи о надгортанник. Поэтому звуки ح ع [H Q] можно называть «эпиглоттальными», а «эмфатические» ط и т. д. — «эпиглоттализированными».

§ 35. Пространство над гортанью называется зевом (pharynx). Из зева есть проход в полость носа и (ниже) в полость рта. Границей между полостью рта и проходом в носовую полость является подвижное мягкое небо или небная

занавеска (*velum palati*), главная функция которой состоит в открытии и закрытии прохода из зева в полость носа. При опущении небной занавески проход этот открывается, при ее поднятии (при котором край небной занавески прижимается к задней стенке зева) закрывается. Различие в положении небной занавески является очень важным для качества производимых звуков. При ее опущении, воздух, выходящий из гортани, может выходить через полость носа, и это прохождение всего (если нет выхода через рот) или не всего выдыхаемого воздуха через нос служит причиной отличия так называемых носовых звуков от неносовых. Носовыми могут быть как гласные, так и согласные. При первых воздух выходит, как через рот, так и через нос. Всякий неносовой гласный можно (хотя и не с одинаковым удобством) сделать носовым, оставив все прочие условия, кроме положения небной занавески, одинаковыми.

И те люди, которые «говорят в нос», т.-е. не подымая, как следует, небной занавески, обладают, конечно, и носовыми гласными. Носовой характер звука, т.-е. различаемое на слух отличие от соответствующего неносового гласного, может быть больше или меньше в зависимости от степени опущения небной занавески (в связи с чем изменяется, конечно, и количество выходящего через нос воздуха). При французских носовых гласных, — их четыре: [ɛ̃], [ɑ̃], [ɔ̃], [œ̃] — опущение небной занавески значительное. В связи с этим интересно отметить, что все эти 4 гласных являются гласными широкими по расстоянию языка от неба. Узких же носовых гласных [ĩ], [ũ] и даже [ẽ], [õ] во французском (кроме диалектов) нет. Объясняется это тем, что удобнее соединять опущение небной занавески с большим раскрытием рта (что сопровождает более широкие гласные), иначе можно бояться (при сильном опущении мягкого неба), что проход между мягким небом и языком будет слишком узок. И мы видим, что французский язык постепенно избавился от узких носовых гласных, заменив их широкими: [in] > [ɛ̃], например в *vin* < лат. *vinum*, *prince* < лат. *principem*, *fin* < лат. *finem* (о том, что

раньше был узкий гласный [i] свидетельствует традиционная орфография: *i* → *n*). Точно также [e], за которым следовал принадлежащий к тому же слогу носовой согласный, изменилось в более открытый звук [a] с носовым характером, например, в следующих словах: *vent* < лат. *ventum*, *sentir* < лат. *sentire*, *tempête* < лат. *tempestas*.

Носовые гласные, присущие французскому языку, отсутствуют в немецком и английском. Потому англичане и немцы заменяют во французских словах носовые гласные через сочетания: неносовая гласная + [ŋ], произнося, например, *dans* [dā] как [daŋ]. Такого произношения во французском следует избегать. Носовые гласные отсутствуют и в русском языке в качестве самостоятельных фонетических элементов (фонем), но в некоторых случаях они могут быть произносимы, как заместители имеющихся в намерении простых гласных. Таковы, например, гласные слов *мама* [мама], *няня* [п'ан'а]. В них первое [а] произносится с опущенной небной занавеской потому, что такое положение неба требуется как для предшествующего, так и для последующего согласного звука; и следовательно носовой характер этого звука — результат ассимиляции к соседним носовым согласным.

Кроме французского носовые гласные имеются в польском, португальском, некоторых китайских диалектах, чеченском и некоторых других языках.

§ 36. Крайне важную и почти во всех языках используемую роль играет небная занавеска при производстве согласных звуков. На первом месте стоят носовые смычные согласные, т.-е. те, при которых при открытой для выдыхаемого воздуха носовой полости (— потому они н о с о в ы е) прекращен выход воздуха через рот путем смыкания ротового прохода (— потому они и с м ы ч н ы е). Таким образом, существенным моментом для с м ы ч н ы х н о с о в ы х является прохождение воздуха через нос при отсутствии его выхода через рот. Однако, при этом крайне важно, до какой границы все-таки полость рта наполняется выдыхаемым воздухом, т.-е. какая часть ротовой полости участвует в образовании

звука, составляя, вместе с открытой носовой полостью, так называемую звукопроизводную камеру.

§ 37. Если смычка имеется только на крайнем конце ртовой полости, т.-е. на выходном ее отверстии — губах, то звукопроизводная камера при смычном носовом состоит из всей полости рта и полости носа. Так обстоит дело при образовании звука [m]. Обе губы вплотную прижаты одна к другой (т.-е. образована губно-губная смычка), так что прохода между ними нет, и, следовательно, воздух не выходит из рта: выход его из легких совершается через полость носа; в этом можно убедиться, если при длительном произношении [m] поднести к ноздрям руку или пушинку. При этом выходящий из носа воздух соприкасается с тем воздухом, который наполняет полость рта, и это обстоятельство — наличие единой наполненной воздухом камеры (которая только очень сложна по форме, состоя как бы из двух сообщающихся коридоров — ртовой и носовой полостей) — создает характерный для [m] акустический результат. Нужно только помнить, что сам по себе тот звук, который при выдыхании воздуха создается внутри этой ртово-носовой звукопроизводной камеры, очень слаб и усиливается до хорошей звучности только при присоединении голосового тона (см. выше — § 26, о глухих носовых). Таким образом звук [m] мы можем охарактеризовать с точки зрения звукопроизводных работ как согласный смычный губной носовой (можно еще прибавить звонкий, но это обыкновенно при носовых уже подразумевают). Как уже говорилось, слово смычный означает наличие смычки, препятствующей выходу воздуха только из полости рта, и не нужно из соединения слов смычный и носовой думать о наличии какой-либо смычки внутри носовой полости или около входа в носовую полость (такое ограничение термина смычный в применении только к закрытию ртовой полости спереди, конечно, условно). Слово же губной применяется к звуку [m] потому, что работают губы: они образуют ту смычку, которая является крайней границей наполненного воздухом ртового коридора.

звукопроизводной камеры; это сближает [m] с другими губными (точнее губно-губными) [p], [b].

§ 38. Но если ротовый коридор звукопроизводной камеры короче, т.-е. если смычка, составляющая преграду для выхода воздуха, помещена более вглубь рта, то это отражается и на акустическом характере звука, который тогда не будет [m]. Если эта смычка устроена передней частью языка, прижатой к переднему концу твердого неба (т.-е. около верхних зубов), то получается звук [n]. Звук этот называется смычным переднеязычным носовым (что он звонкий — обыкновенно подразумевается). Переднеязычным он назван по участвующему в его образовании активному органу — языку и в частности передней части (кончику) языка. Этот признак сближает его, следовательно, с переднеязычными неносовыми смычными [t], [d]. По пассивному же органу, участвующему в смычке, звук [n] (как и звуки [t], [d], у которых смычка одинаковая с [n]) можно было бы назвать переднеязычным (так как пассивным органом, участвующим в смычке, т.-е. органом, который служит одной из смыкающихся поверхностей, но сам для достижения этого смыкания активного движения не совершает, служит передняя часть неба около верхних передних зубов) или же губным и загубным (в эти понятия — зубной и загубной — может быть внесено различие; к [n] применимо то, что говорится ниже — в § 48, о месте смычки при [t]).

Звукопроизводная камера при звуке [n], следовательно, состоит, как и при [m], из двух сообщающихся между собой коридоров — полостей носа и рта, но при [n] один из этих коридоров — ротовый — короче, чем при [m], так как границей его служат не губы, как при [m], а кончик языка и передняя часть твердого неба.

Являясь звуками смычными, [n] и [m] вовсе не обязательно должны быть взрывными, т.-е. сопровождаться взрывом образуемой при них смычки (что является уничтожением преграды, препятствовавшей выходу воздуха через рот). Разумеется,

если за [m] и [n] следует гласный звук, разжатие (взрыв) смычки неизбежно, так как гласный должен произноситься с открытой для прохода воздуха полостью рта. Таково, например [m] в слове мать [mat'], [n] в слове наш [naš]. Но можно делать, можно и не делать разжатие смычки на конце слов сам [sam], сон [son]. Точно также можно, не делая взрыва, произносить очень долгое [m] (мммм...) или [n], протягивая их хотя-бы полминуты, и затем прекращать звук, так и не раскрыв рта. Воздух выходит только через нос и этого (при наличии голосового тона) вполне достаточно для акустического результата. Но тянуть без взрыва долгие неносовые смычные глухие [p], [t] с тем, чтобы от этого получился акустический результат, нельзя: если мы и будем устраивать, напр., в звукосочетании [ap:a]¹ с долгим [p], чрезвычайно продолжительную смычку, то во время ее мы имеем просто акустическую паузу, и слуховое впечатление получается только при взрыве смычки.

Так как при [m] смычка такая же, как при звуках [p] и [b], а при [n] такая же, как при звуках [t] и [d], то это можно символически выразить в виде пропорций:

$$[m]:[p] = [n]:[t] \dots (1)$$

$$[m]:[b] = [n]:[d] \dots (2).$$

В пропорции (1) первый член каждого отношения отличается от второго наличием: 1) звонкости, 2) прохода воздуха через полость носа. А в пропорции (2) — только наличием прохода воздуха через полость носа.

§ 39. Кроме [m] и [n], возможны и другие носовые смычные согласные, отличающиеся от [m] и [n] по форме полости рта. Сюда относятся звуки [m'] и [n'], т. е. «мягкие» м, н слов мять [m'at'], няня [n'an'a]. В них, несмотря на одинаковость места смычки с соответствующими «твердыми» [m], [n], форма полости рта отлична от формы полости рта при этих последних, так как средняя часть языка при «мягких» является

¹ По-русски нужно было бы написать аппа.

приподнятой к небу (среднеязычное сближение, о котором см. ниже).

К этим звукам применимы, например, формулы:

$$[m'] : [m] = [n'] : [n] = [p'] : [p] = [t'] : [t] \text{ и т. д.}$$

$$[m'] : [b] = [n'] : [d]; \quad [m'] : [p] = [n'] : [t].$$

Кроме того, возможны другие носовые смычные, отличающиеся от $[m]$ и $[n]$ по месту образования смычки. Сюда относятся, например, звук $[\eta]$, образующийся путем прижатия задней части языка к задней части неба (т.-е. такой смычки, которая имеется при звуках $[k]$, $[g]$). При этом звуке, следовательно, ртовый коридор звукопроизводной камеры короче, чем при прочих носовых — $[m]$ и $[n]$. Но нужно иметь в виду, что смычка может быть производима разными пунктами задней части языка и против разных пунктов задней части неба, в зависимости от чего изменяется и звук. Если смычка образована около самого края заднего неба, то получается так называемое глубокое (или глубокозаднеязычное) $[\eta]$, при котором ртовый коридор в звукопроизводной камере совершенно отсутствует, — воздух из зева поступает в полость носа, не сообщаясь при этом с воздухом в полости рта.

Если же смычка устроена более впереди, например, на границе твердого неба с мягким, то получается менее глубокое $[\eta]$, при котором участвует в составе звукопроизводной камеры и некоторая часть ртового коридора.³

Звук $[\eta]$ имеется в немецком и английском языках (но не в начале слова). В немецком письме он обозначается через *ng* (например *lange* $[laŋə]$, *lang* $[laŋ]$, *singen* $[ziŋn]$) или через *n* перед *k* (например в *Bank* $[baŋk]$, *denken* $[deŋkn]$).

¹ В турецких (сингармонистических) языках встречаются обыкновенно два варианта $[\eta]$: более глубокий (т.-е. более задний) в словах заднего состава (с гласными $[a]$, $[o]$, $[u]$ $[ɯ]$) и менее глубокий (более передний) в словах переднего состава с гласными $[e]$, $[æ]$, $[ø]$, $[y]$, $[i]$. В случае надобности первый из них (более глубокий) можно обозначать знаком $[\eta]$ — в отличие от более переднего $[\eta]$. Но пока потребности в таком уточнении транскрипции не встречается, я употребляю один и тот же знак η в типовом его значении.

Впрочем в некоторых говорах имеются произношения *ng* внутри слова как [ŋg] (следовательно *lange* — [laŋgə]) и конечного *ng* как [ŋk] (следовательно *lang* — [laŋk]).

В английском [ŋ] обозначается обыкновенно или через *ng* или через *n*. В конце слова всегда пишется *ng* (например, *long* [lɒŋ], морфема *ing* [iŋ] в *coming, doing* etc.), внутри слов тоже иногда *ng*, например в *singer* [sɪŋə], а буква *n* употребляется для передачи звука [ŋ] перед буквами *k* и *g* (в этом случае *g* читается как отдельный звук [g] — после [ŋ]), например *think* [θɪŋk] *finger* [fɪŋgə].

Среди восточных языков [ŋ] в независимой позиции (т.-е. не только в положении перед заднеязычными [k], [g], а в качестве самостоятельного звукопредставления перед разными другими звуками и в конце слова) встречается довольно часто: напр., в санскрите, большинстве турецких языков кроме османского (напр. в узбекском *تەڭ* tɒŋ «заря»; по новой орфографии *ŋ* пишется *ڭ* كڭ), корейском, китайском, японском, малайском, полинезийских и меланезийских, а также в ряде финских и других языков.

В современном Пекинском случаи [ŋ] ограничиваются, правда, конечным в слове *ŋ* («нъ» в старой русской транскрипции), который является не согласным, а конечным неслоговым элементом дифтонга (напр. *aŋ, iŋ* и т. д.) — см. ниже «Фонетическую характеристику китайского языка». Но в обще-китайском языке имелся и *вполне согласный* **ŋ* в начале слога: напр. в **ŋi* «*б*» (чему соответствует тибетское **lŋa*), откуда Пек. [u] (или [*u]) — с исчезновением **ŋ*, а в Кантонском — [ŋ] (с исчезновением гласного **u*); японское же (Го-он'ное) соответствие дает *go*, т.-е. переход кит. **ŋ* → яп. *g*, — благодаря невозможности в японском звука [ŋ] в начале слова.

Но падение начального **ŋ* (в **ŋi* → *i* и т. д.), т.-е. смешение (конвергенция) начального **ŋ* с представлением гласного начала слова (**ŋa* × *a* → *a*, **ŋi* × *i* → *i* и т. д.), обусловило возможность *факультативного* появления [ŋ] (или [ʔ], т.-е. слабого *ŋ*) перед

начальным гласным (за исключением узких гласных) уже в любом слове — как в таком, где раньше был *ŋ, так и в таком, которое начиналось в древности прямо с гласного: напр. 愛 aḷ [— яп. чтение aḷ, что указывает на отсутствие *ŋ в обще-китайской праформе] может произноситься и в виде aḷ и в виде ŋaḷ = [ʔaḷ]. Частота появления такого (психо-фонетически не учитываемого) [ŋ] колеблется — в мандаринском наречии — по отдельным говорам: насколько я заметил, наиболее характерны в этом отношении Мукденские говоры.¹ В японском Токиоском (и Киотоском) имеются два [ŋ], принадлежащие к принципиально совершенно различным звуко-представлениям (фонемам): одно из них — согласный [ŋ] в начале слога (только не в начале слова), соответствующий звуку g в южных говорах и g = [ŋg] (— с очень слабым и неосознанным элементом ʔ) в Тосаском: напр. Токио и Киото aŋo 鰐, Нагасаки ago, Тоса ago = [aŋgo]; другое — это неслоговой конечный элемент дифтонгов (aN oN iN eN uN) в независимой позиции (— на конце слога) или же перед заднеязычным: напр. ʔoŋ 恩 oŋ 音, ʔoŋ-ŋa oŋ-ŋa, ʔoŋ-kaга и т. д. [см. ниже «Фонетическую характеристику японского языка»].

В других же говорах встречается и N = [ŋ] слоговое (в зависимой позиции: перед заднеязычным согласным), напр. Киотоск. ŋŋok-и — вулгарн. дублет к iŋok-и (Ток. iŋoku).

Происхождение второго из этих звуков, — ŋ = N на конце слога, ясно: это ŋ (в современном произношении) заменило собой *n которое принесено было на японскую почву китайскими заимствованиями с конечным n (на месте обще-китайских *n и *m), а затем стало появляться (из редукции слога *nɿ) и в японских слогах, напр. в Negativ. *sen → seŋ (= se-N) из классич. *se-nu.²

¹ Среди которых возможна и дальнейшая эволюция: уподобление этого [ŋ] звукопредставлению n, и следовательно переход aḷ → ʔaḷ (благодаря конвергенции *ŋa X a) → paḷ (благодаря конвергенции ʔ X n), напр. páisi «любит» (вместо áisi).

² Сравни *mu → M (откуда далее u, а в рюкюском нуль) в Subjunctiv. *siramu → siraM { → яп. sirau → šíro:
→ рюк. síra.

Происхождение же чисто-согласного (антевокального) η (в $\text{ガ } \text{キ } \text{グ } \text{ゲ } \text{ゴ}$ внутри слова), отсутствующего в южной группе (и в Тоса), допустимо объяснять конвергенцией до-японского $*\eta$ и обще-японского $*g = *\eta g$ (получившегося из «нос. $+*k$ » в таких случаях как $\text{asam-karo} \rightarrow \text{asa-}\eta\text{garo} \rightarrow \text{Ток. asa}\eta\text{a}^{\text{w}}\text{o}$): в части говоров рефлекс этой конвергенции унаследовал качество от $*\eta$ (в восточных, сев.-восточных и большей части западных), а в другой части — от $*g$ (откуда южное g [в ago и т. п.]).

Примечание 1. Отсутствие чисто согласного η в южных и в Тоса дает возможность появления и антевокального варианта $\eta = N$ (это η отличается слабостью заднеязычной смычки от Токиоского η в $\text{а}\eta\text{o}$), напр. в Тоса $\text{o}\eta\text{o}^1$ — Accusat. от $\text{o}\eta$ (音 или 恩), Нагасакск. $\text{jama}\eta\text{ije}^{\text{Г}}\text{no} \leftarrow \text{jama-no-ue-no}$ 山ノ上ノ [-*no- в Compositis дает -N-, которое перед гласным произносится в виде η (как здесь: в $\text{jama-}\eta\text{-ije-}^{\text{Г}}\text{no}$]).

Примечание 2. Отсутствие согласного η и соответствующего «мягкого» η' (в $\text{キ } \text{ヨ}, \text{キ } \text{ヤ}, \text{キ } \text{ユ}$) в Тосаском говоре открывает дорогу для эволюции $\text{p}' \rightarrow \text{p}$ (см. ниже). В Токио же этого не бывает, так как p могло бы совпасть с η' (т. е. утратилось бы различие $\text{ニ } \text{ヨ}$ и $\text{キ } \text{ヨ}, \text{ニ } \text{ヤ}$ и $\text{キ } \text{ヤ}$ и т. д.).

В громадном большинстве языков, где есть фонема $[\eta]$, она все-таки не встречается в начале слов (что и понятно с общefonетической точки зрения: малейшее несоответствие во времени между взрывом смычки [при нач. η] и началом голосового тона уже делает η неслышимым). Исключение представляют, напр. малайские (а также полинезийские и меланезийские) языки и «тибето-китайское» семейство.² Но и там, и там фонетическая эволюция частично приводит к устранению этого звука в начальной позиции. Так Манильский говор тагальского языка имеет уже начальное $[\text{o}]$ — вместо $[\eta\text{o}]$ в говоре Batanga.

Исчезновение нач. $*\eta$ в китайском уже указывалось выше [$\text{u} \leftarrow \eta\text{u}$ (тиб. (1) ηa) «5»]. И то же самое мы встречаем и в ти-

¹ Черта : обозначает слоговую границу.

² Африканских языков я здесь касаться не буду.

бетском: письменное **ḡag-dbaḡ* ныне произносится уже в виде *agwaḡ* («сильный голос», отсюда и монгольское имя Агван).

Кроме перечисленных возможен еще носовой средняя язычный [ɲ], т. е. такой, при котором смычка образована средней частью языка (т.-е. местом, находящимся между пунктом, устраивающим смычку при [n], и пунктом, устраивающим смычку при [ŋ]), против средней части неба. Таков французский звук, передаваемый в орфографии через *gn*, напр. в *agneau*, *oignon*. (См. о нем ниже в очерке французской звуковой системы). Акустически он похож на русское [n'], но есть и некоторое отличие от этого звука. Из восточных языков [ɲ] имеется в китайском (напр. в «ню» [ɲiu] 牛 «корова»), в Тосаском говоре японского языка (вместо Токиоского n'), в якутском и некоторых других.

К этому же типу относится и венгерское «пу» и сербское ъ. Весьма вероятно, что тот носовой, который дал начальный *j* в турецких языках — в таких случаях как *ja:z* || кор. *n'ḡam* (см. выше), также звучал (в эпоху, предшествующую переходу в [j]) в виде **ɲ*.

Кроме «носовых» согласных в некоторых языках (хотя и весьма редко) встречается категория «звонких полуносовых»: *mb nd ḡg* (или *^mb ⁿd ḡg*); при них, следовательно, поднятие небной занавески происходит внутри согласного (внутри периода смычки). Сюда относятся «звонкие полуносовые» северо-восточных японских говоров (см. выше; «полуносовыми» были и общеяпонские звонкие **b* = *mb* **d* = *nd* и т. д.) и современного тибетского языка (ᠨᠨ, ᠨᠢ, ᠨᠣ и т. д.). Кроме того факультативную чередуемость между носовым и неносовым звонким (*m | b*, *n | d*...) можно указать для корейского языка и Амойского диалекта китайского языка (то же нужно предполагать в китайском источнике Кан-он'а, так как обще-китайское *m* → Кан-он *b*, *n* → *d* и т. д.).

Наконец в южно-американском ботокудском языке суще-

ствуют недифференцированные «звонкие или носовые» смычные фонемы $m|b\ n|d\dots$ (один и тот же комплекс один раз может быть воспринят наблюдателем как *ама*, другой раз — как *аба*, и т. д.).

Конечные «глухие носовые» («*mh*, *nh*, *ng*» в транскрипции) сантальского и других языков в юго-восточном углу Азии представляют собою лишь ту особенность, что голосовой тон прекращается раньше, чем прекращается выход воздуха через нос; раскрытия же ртовой смычки не происходит и эти звуки принадлежат, следовательно, к категории «имплозивных».¹

§ 40. На середине краевой дуги мягкого нёба имеется мясистый отросток, который легко можно видеть в зеркале и который носит название язычка или маленького язычка (лат. *uvula*, франц. *luette*, нем. *Zäpfchen*). Звуки же, образуемые им, называются язычковыми или увулярными.

Этот орган слишком мал, чтобы сам по себе он мог устраивать касанием своим о язык полный затвор ртового прохода (т.-е. препятствие для выхода воздуха через рот). Потому смычные увулярные звуки войдут, собственно говоря, в категорию заднеязычных *в е л я р н ы х* (от *velum palati* «мягкое нёбо»), при которых местом касания языка оказывается свод мягкого нёба, а в его составе, следовательно и язычек (*uvula*).²

Самостоятельная роль язычка таким образом исчерпывается устройством неполной преграды внутри струи выдыхаемого воздуха. Обычное всего встречается это в соединении с дрожанием язычка, т.-е., когда струя воздуха выводит язычек из состояния покоя и продвигает на некоторое расстояние вперед, после чего он опять возвращается в прежнее положение, чтобы снова быть из него выведенным. Так образуется *я з ы ч к о в о е* или *у в у л я р -*

¹ Т.-е. имеющих лишь имплозию (смычку) — без эксплозии (взрыва).

² В элементарном курсе фонетики я считаю позволительным не останавливаться на принципиальном различии «заднеязычных» (типа [k]) и «велярных, или увулярных» (типа [q]) в зависимости от того, какой орган оказывается — в том и другом случае — активным (— задняя часть спинки или же *velum*).

ное г, которое может быть и звонким [R] и глухим [Я]. Оно имеется в индивидуальных произношениях различных языков, напр. русского (где такое [R] — одна из разновидностей «картавых» р; глухое же [Я] произносится такими картавящими людьми на конце слов министр, смотр), немецкого, английского (так называемое Northumbrianburg). Оно встречается иногда и во Франции, где, однако, преобладают другие сорта г: или 1) переднеязычное дрожащее [г], очень распространенное в провинции, или 2) «парижское» г grasseyé—т.-е. увулярное недрожащее [ʁ], которое отличается от [R] отсутствием дрожания язычка. Характерным для [ʁ] оказывается трение воздушной струи о помещенный поперек ее язычок; струя эта, однако, не приводит язычок в дрожание, и потому акустический результат исчерпывается соединением указанного шума от трения с голосовым тоном. Слабость воздушной струи при парижском [ʁ], зависящая, конечно, от малого количества выдыхаемого воздуха, придает этому звуку акустическое свойство, приближающее его к гласным звукам (ведь при гласных воздуха расходуется меньше, чем при согласных, и шумы, создаваемые прохождением воздуха через полость рта, слабее; они даже плохо слышны без голосового тона).

Отсюда мы можем ожидать в будущем и полной утраты парижского [ʁ], хотя бы и в известных только позициях.

Среди восточных языков преобладают, однако, случаи не увулярного, а переднеязычного «Р» [г] (— разных вариаций — см. ниже). О двух «р» в армянском см. в соответствующем приложении (о звуках армянского языка).

Зато весьма часто встречаются звуки акустического типа «Х» и «Г» (глубоко-заднеязычные спиранты), при производстве которых принимает известное участие и язычок (увула), почему их можно называть также и «увулярными». Это — *ḫ* *ḡ* арабского и турецких языков, которые — чтобы подчеркнуть их глубоко-заднеязычный и в то же время увулярный характер, я позволю себе обозначать теми же знаками [ḫ] [ḡ], что и недрожащие

увулярные «Р» (глухой и звонкий). Участие увулы в звукопроизводстве этих $\dot{\text{r}}$ $\dot{\text{r}}$ обусловлено тем, что ввиду поднятия весьма глубокоотстоящего пункта задней части языка, образуемое этим поднятием сужение верхней своей стенкой имеет как раз конец мягкого неба и увулу; а следовательно трение выдыхаемого через это сужение воздуха происходит как раз об увулу (и с другой стороны о выпяченную кверху глубокозаднюю часть спинки языка), чем и вызывается особый присущий этим звукам ($\dot{\text{r}}$ $\dot{\text{r}}$ = [ʁ ʁ]) акустический эффект, состоящий в хрипящем (или как будто напоминающем царпанье) оттенке спираントного шума.

Не трудно убедиться, что разница между увулярным «Р», — если оно перестает быть дрожащим, — и звуком типа $\dot{\text{r}}$ (т.-е. глубокозаднеязычно-увулярным звонким спирантом) весьма не велика. За это говорит и наблюдаемое в известных немецких говорах полное смещение (конвергенция) [R] и [ʁ (т.-е. $\dot{\text{r}}$)], иначе говоря немецких «r» и «g», благодаря чему в данных говорах совпадают, напр., слова *Wahren* [va:Rən (при увулярном «r»)] и *Wagen* [va:ʁən], — в одном [va:ʁən].

Однако, рассмотрение звуков этого типа (ар. $\dot{\text{r}}$ $\dot{\text{r}}$ = [ʁ ʁ]) мы отложим до изложения всей серии заднеязычных согласных.

Примечание. Тагальское (велярное) k, со смычкой против увулы, при переходе к проточному характеру (— в интервокальной позиции), получает акустический характер именно увулярного «р» [ʁ], и потому русским, напр., ухом склонно восприниматься иногда как [ʁ] и квалифицироваться как звук типа «Р».

§ 41. Язык по своим звукопроизводным функциям занимает настолько первенствующее положение по сравнению с прочими органами, что в ряде языков слово, означающее язык в смысле органа употребляется также со значением языкового процесса вообще, и также отдельных языковых систем, объединяющих известные человеческие общности (напр.: русский, польский, испанский языки). Так обстоит дело с рус. язык, греческ. *glossa*, лат. *lingua*, франц. *langue*, англ. *tongue*, тюр. *til*, *dil*.

Язык, благодаря массе заключенных в нем мускулов, может до чрезвычайности менять свою форму. При этих изменениях формы языка, в состоянии наибольшего поднятия (или выпячивания) оказывается одна или другая часть языка, и эта часть языка и оказывается, обыкновенно, наиболее важной для звукопроизводства. В зависимости от того, какая часть языка (кончик его, середина, или же самая задняя часть) является приподнятой и таким образом наиболее существенной для образования данного звука, возможно деление звуков, образуемых языком, по месту образования: на звуки, образуемые кончиком языка, звуки, образуемые серединой языка, и звуки, образуемые задней частью языка. Но не нужно забывать, что не только тем, какая часть языка выше всего поднята, обуславливается различие звуков; форма языка (в том числе уклад не столь высоко поднятых его частей) также имеет значение. И, наконец, крайне важно то, в чем состоит функция приподнимаемой части языка: представляет ли она полную смычку с небом, — смычку, препятствующую, следовательно, выходу воздуха изо рта, или нет; если нет, то, может быть, приподнятием данной части языка к небу образована щель, о края которой при наличии сильного выдыха может происходить трение выдыхаемого воздуха; или может быть данная часть языка приводится струей воздуха в дрожание, что дает особый акустический результат. Все это составляет деление звуков, образуемых языком, по способу образования.

§ 42. Эти два деления: по месту и по способу образования могут быть применены также и к тем звукам, при которых главная работа совершается не языком, а другим активным органом, например, губами. Если мы назовем с точки зрения деления по месту образования те звуки, при которых главной работой является работа той или иной части языка, язычными, то придется назвать губными те, при которых главная работа совершается губами (или только одной губой). Равным образом можно говорить о звуках гортанных (таковы например [ʔ], [h]) и увулярных ([R]).

Деление по способу образования должно быть принимаемо в расчет, как при противополжении гласных звуков согласным, так и при классификации согласных. Именно, необходимым условием гласных звуков является отсутствие смычки в полости рта и следовательно свободное истечение воздуха изо рта; в некоторых же согласных обязательно должна иметься (хотя бы на некоторое время) смычка, преграждающая выход воздуха через полость рта. И значит, если мы разделим звуки языка по способу образования на смычные и несмычные, то внутри первого класса будет часть согласных (напр. [p], [t], [k], [b], [d], [g], [m], [n], [ŋ]), а внутри второго — несмычных — все гласные и кроме того часть согласных.¹

При классификации согласных, деления по месту и способу образования проливают свет почти на все главные отличия одного звука от другого, и потому в следующих §§-фах, я буду исходить в характеристике каждого отдельного согласного из совмещения этих делений (т.-е. от ответов на вопросы: 1) каков данный звук по месту, 2) каков он по способу образования) и только потом переходить к прочим, уже второстепенным особенностям работ данного согласного.

При рассмотрении же гласных звуков дело обстоит сложнее. Во-первых, при многих гласных ответ на вопрос о месте образования бывает затруднителен: ведь при всех гласных играет крайне важную роль положение языка, и потому все гласные следует назвать язычными; но, с другой стороны, при многих гласных крайне важным является и участие губ (таковы [o], [u]); затем, при некоторых гласных не легко бывает определить, какая часть языка играет наиболее важную роль — есть гласные, при которых затруднительно сказать, каким местом язык больше всего приближен к небу (таково русское [a]). Во-вторых, чрезвычайно важную роль при гласных играет форма языка, требующая иногда сложного описания и нередко даже с трудом определяемая.

¹ О противополжении гласных согласным вообще см. ниже § 51.

§ 43. Понимая под различием места образования различие по тому или другому активному органу, совершающему главную работу для данного звука (ср. § 41), мы можем различать следующие классы согласных по месту образования:

1) губные согласные (образуемые губами или одной губой), сюда относятся, например, [p], [b], [m], [f], [v], [φ], [w];

2) переднеязычные, образованные кончиком или самым началом спинки языка; это, например, [t], [d], [n], [s], [š], [r], [ʎ], [ts], [tš];

3) среднеязычные, образованные средней частью спинки языка; это, например, [j] и соответствующий глухой [ç] — см. § 25, а также смычные [h] [ħ] [ɹ] и боковой (латеральный) $\begin{bmatrix} 1 \\ j \end{bmatrix}$;

4) заднеязычные, образованные задней частью спинки языка; это, например, [k], [g], [ŋ]; о подразделении заднеязычных на неглубокие и глубокие см. ниже;

5) увулярные, это, например, [R] (см. § 40);

6) гортанные, это, например, [ʔ] и [h].

Звуки классов 2), 3) и 4) можно называть общим именем язычных согласных.

§ 44. По способу же образования возможны деления согласных на:

1) Смычные, т.-е. такие, при которых образуется полный затвор, препятствующий прохождению воздуха через полость рта. Например к смычным относятся: [p], [b], [m], [t], [d], [n], (о [ts] и [tš] см. ниже), [k], [g], [ŋ] и [ʔ].

2) Щелинные, т.-е. такие, при которых работа активного органа состоит в устройстве не смычки, а лишь сужения, так что воздух имеет возможность выходить изо рта, но на пути своем встречает сужение прохода (воздух испытывает о стенки этого прохода трение, которое и является источником характерного для данного согласного шума).

К щелинным относятся например: [f], [v], [φ], [w], [š], (о [χ] см. ниже), [j], [ç], [x], [h].

Щелинные иначе называются еще спирантами (от лат. *spiro* «дышу»), дыхательными, придувными или проточными.

3) Дрожащие, при которых активный орган находится в состоянии дрожания, т.-е. совершает ряд последовательных движений взад и вперед.

К дрожащим относятся [r] и [R] (см. § 40). Кроме того возможен губной дрожащий звук, который передается в русском письме через бррр..., если он звонкий, и через тпррр..., если он глухой.

4) Боковые или латеральные (от лат. *latus, lateris* «бок»), т.-е. такие щелинные, при которых проход воздуха имеется по бокам (или с одного боку) смычки. Таковы различные виды звуков л: русские [χ], [l'], нем., франц. и англ. [l]; итальянск., сербск., якутск. [l̥]. Кончик языка образует смычку, как при [t], но края языка опущены, и потому воздух имеет выход по краям (или с одного края) смычки.

5) Аффрикаты или сложные согласные,¹ — состоящие из тесного соединения смычного с щелинным, одинаковых по месту образования. Таковы [ts] (= русск. ц), [tš] (= русск. ч). Вступившие в соединение [t] + [s] одинаковы по месту образования, и тот и другой согласный — переднеязычны. Точно то же в соединении [t] + [š].

Может возникнуть вопрос: почему употребляется особый термин для комбинации двух звуков, почему не удовольствоваться характеристикой обоих элементов ([t] и [s], или [t] и [š]) в отдельности. И, с другой стороны, если ужé придуман термин для комбинации: смычный + щелинный, то почему его не употреблять для всякой комбинации смычного со щелинным, то почему его не

¹ Иногда их называют согласными дифтонгами, см. примеч. к § 32 на стр. 113.

применять к таким комбинациям, как [ks], [pš] и т. д., а только к тем, где оба элемента одинаковы по месту образования? Ответ на это двоякий: 1) в русском ц (= [ts]) и ч (= [tš]) связь обоих элементов более тесная, чем в сочетаниях [ks] в Александр или [ksʹ] в Ксения: [ts] как и [tš] сознаются в виде единого звука (фонемы, см. ниже) и, как таковые, могут противопоставляться неслитным соединениям тех же элементов в отсыпать [atsʷpatʹ] и в подшапкой [patšapkaɯ]; 2) возможность такого объединения обоих элементов в едином представлении звука имеет и физическую причину: при последовательном соединении смычного со щелинным, одинаковых по месту образования, нет необходимости в каких-либо особых установочных работах для второго элемента — нужен лишь взрыв смычки, имеющейся при первом элементе, только требуется, чтобы за взрывом не было стремительного отхода активного органа (при [ts] и [tš] — передней части языка) от места смычки, а, наоборот, чтобы этот орган по дороге задержался на некоторое время в том положении, которое нужно для данного щелинного ([s] или [š]).

Однако, несмотря на то, что громадное количество языков говорит именно в пользу вышеприведенного понимания термина «аффрикаты» (— в виде тесного соединения смычного и спира́нта, лишь одинаковых по месту образования, — потому именно, что в громадном количестве языков фигурируют в качестве единого согласного звукопредставления именно лишь такие соединения, но не kš ps и т. п.), в отдельных единичных случаях встречаются и иного состава сложные согласные, — состоящие из неодинаковых по месту образования смычного и спира́нта, — которые, с психофонетической точки зрения (в качестве единого согласного звукопредставления), также могли бы претендовать на термин «аффриката».

Случаи эти, повторяю, весьма редки. Наиболее типичным из них является дунганское звукопредставление tʃʹ, восходящее к мандаринскому čʹ (= tšʹ) перед губным (слоговым или неслоговым) гласным (u), напр. в tʃʹu 出 ← čʹu («чу» в русской тран-

скрипции) [развитие это: $\underline{tf}^*(u) \leftarrow \underline{t\check{s}}^*(u)$ вполне параллельно переходу $f \leftarrow \check{s}(u)$ напр. в $\underline{fi} \leftarrow \underline{\check{su}}_{\text{д}}$ 水 «вода»; переход этот — переднеязычного спiranта в губной, перед губным гласным — наблюдается и в других кит. говорах].

Кроме того, сюда можно было бы (с известными оговорками) привлечь и северо-восточно-японские сочетания ks , fs или fs (в части Аоморийских говоров), напр. $k\check{s}ta$ 北 «север» ($\leftarrow k^*ita \leftarrow kita$), Аомори $fs\check{i}$ 火 «огонь» ($\leftarrow \phi i \leftarrow *pi$).¹

§ 45. Пять перечисленных в предшествующем §-е классов согласных по способу образования могут быть различным образом сближаемы друг с другом.

Так, классы 1) и 5), т.-е. смычные и аффрикаты могут быть объединяемы, как смычные, или затворные в широком смысле слова, т.-е. как звуки, в которых имеется смычка на пути выдыха воздуха из легких через рот, и в этом смысле могут противопоставляться всем прочим классам согласных и всем гласным (ср. § 42). Щелинные имеют близкое сходство с латеральными; и, наконец, щелинные, латеральные и дрожащие можно объединить под общим представлением *п р о т о ч н ы х* (в широком смысле) согласных.

Кроме того нужно помнить, что по акустическому признаку и по сходству в гортанных артикуляциях латеральные объединяются с дрожащими, а иногда и носовыми смычными, под именем сонорных согласных, см. § 32.

§ 46. Мы условно понимали под различием места образования различие в активном органе, совершающем главную работу данного звука. Но нужно считаться также с различиями в пассивных органах, а эти различия не всегда зависят от различий в активных. Положим, до известной степени место пассивного органа уже определяется из того, каков активный. Если активный орган — кончик языка, то ему естественнее и легче всего

¹ В других же Аоморийских «огонь» уже просто $s\check{i}$ (из $fs\check{i}$), в Акита же $\acute{s}y$ [губная работа перешла от согласного к гласному, что становится понятным в связи с конвергенцией $*pi \rightarrow \acute{s}y$ 火 и $\acute{s}u(N) \rightarrow \acute{s}y(\eta)$ 春 (Кан-он)].

производить работу (приподыматься, образуя смычку или сужение) против той части неба, против которой он лежит в нормальном (спокойном) положении, т.-е. против передней части твердого неба — около верхних передних зубов.

Некоторых же пунктов неба, например, края мягкого неба (где язычок) коснуться кончиком языка даже невозможно. Но, во-первых, встречаются в звуках отдельных языков такие работы, при которых кончик языка занимает довольно далеко отстоящую от его спокойного положения позицию. Так он может приходить в соприкосновение (устраивать смычку) с верхней губой,¹ или наоборот может загибаться назад до средней части неба.² И, во-вторых, даже небольшие различия в месте пассивного органа (при тождественности активного) могут дать ощутительные акустические различия.

Остановиться следует 1) на различии пассивного органа при губных, 2) при переднеязычных согласных.

§ 47. Говоря о губных, мы должны различать с одной стороны такие звуки, как [p], [b], [m]; с другой стороны такие, как [f], [v].

Различие между ними состоит не только в способе образования ([p], [b], [m] — смычные, а [f], [v] — щелинные), но и в том, что органами, участвующими в звукопроизводной работе, при первых являются обе губы (нижняя может рассматриваться, как активный орган, так как она совершает больше движений, чем верхняя), а при вторых — нижняя губа (активный орган) и верхние зубы (пассивный орган). Потому для первых употребляется название: губногубные, а для вторых — губнозубные согласные. Но можно произносить, вопреки русским привычкам, и губногубные щелинные ([ɸ], [w]) и губнозубные смычные ([ɸ], [β], [μ]).

¹ Получается звук, на слух средний между р и t; о наличии этого звука в одном из американских языков говорит Jespersen (Lehrbuch der Phonetik).

² Это имеет место, например, при китайском «какуминальном» ɣ («эрл» в русской транскрипции).

Из этих звуков особенного внимания заслуживают губно-губные спиранты ([ф w]), и в частности звонкий, — [w], встречающийся (в замену [v] в русском) в громадном ряде восточных языков.

Укажу прежде всего, что транскрипционный символ [w] я позволю себе употреблять с родовым значением для всякого из вариантов губно-губного звонкого проточного. А вариантов этих встречается много и они обладают такими крупными отличиями, что объединение под одним символом [w] английского, напр., [w] в waɪ [wɔ:] и японского [w] в [ɾwaɐ] возможно только условно — при наличии подробного описания звука в фонетическом описании данного языка. Отмечу следующие вариации:

1) w = осогласненное или неслоговое u (= ɥ), отличающееся, следовательно, от [u] слогового только гортанной работой (и значит ббльшим расходом выдыхаемого воздуха в единицу времени). При этом налицо — и сильная губная работа, и поднятие задней части языка (как при [u]). Примечание. Соответствующий глухой — [m] имеется в английском, напр. в which [mɪʃ].

Такое w = ɥ имеется, напр., в китайском (— в числе вторых элементов слогового представления, напр. k'ɕai, ɕai; см. ниже «Фонетическую характеристику кит. языка»), в тибетском (напр. wa «лисица»), арабском (وقت waqt), а также в турецких и ряде других.

2) Японское w (в слове wa) — с весьма слабой губной работой, состоящей в том, что нижняя губа (а верхняя обыкновенно не работает) подымается немного выше края нижних передних зубов, оказываясь таким образом внешней границей ротового резонатора (но не выпячивается вперед).

Примечание. Та же слабая губная работа имеет место при глухом — [ф] (в fu), а также при гласном [u] японского типа (с весьма слабой лабиализацией и недостаточным поднятием языка, почему характерный тон японского [u] оказывается сравнительно весьма высоким).

3) Один из факультативных вариантов испанского [b], см. ниже.

4) Абхазское «губно-дорсальное» \check{w} (ʃ в Абхазском Аналитическом Алфавите).

Примечание. Соответствующий глухой — «губно-дорсальное» [ʃ̥] = \check{p} в Абхазском Аналитическом Алфавите. К губным проточным иногда причисляется и абхазский звук сложной (комбинированной) артикуляции — [Q^ч] = \check{w} в Абхазском Аналитическом Алфавите, но он, конечно, не может считаться вариацией \check{w} и строго говоря, его следует относить к лабиализованным (см. § 47 а) гортанным, а не губным согласным.

См. ниже «Фонетическую характеристику абхазского языка».

§ 47 а. От губных (или лабиальных) согласных следует отличать согласные лабиализованные, т.-е. «огубленные»: такие, которые по основной работе принадлежат к другой категории по месту образования (к заднеязычным, переднеязычным и т. д.), но сопровождаются также губной (\check{w} -образной) работой, как дополнительной.

Встречаются «лабиализованные» согласные фонемы сравнительно в немногих языках. Наиболее частыми звукопредставлениями этого рода являются лабиализованные заднеязычные: k^w g^w (и η^w). Они имеются, например:

1) в южных (включая Рюкю) и северо-восточных японских говорах — главным образом в словах кит. происхождения (Нагасакск. $k^wa\acute{s}i$ 菓子, $g^wa\acute{s}u$ 月), но частично проникают (как фонетическое новшество) и в чисто-японские, напр. Нагасакск. (говор дер. Мие) $\text{ʔ}k^wa$ «тутовое дерево» 桑 (из $kuwa \leftarrow *kupa$), $\text{ʔ}k^wa$ «мотыка» 金秋 ($\leftarrow kuwa \leftarrow *kupa$). Тут они развивают даже соответствующие «мягкие» (палатализованные) варианты: $k^w' = k^q$, $g^w' = g^q$ (повинуясь общей схеме чередований «твердого» и «мягкого» согласных), напр. Dativ.-Loc. $k^w'a^r$ ($=k^q'a^r$), Instrumentalis $k^w'a^rre$ ($=k^q'a^rre$; из $*kuwa-e-de$) — от $\text{ʔ}k^wa$ 桑; Dativ.-Loc. $k^w'a_{\text{L}}$ ($=k^q'a_{\text{L}}$), Instr. $k^w'a_{\text{L}}re$ ($=k^q'a_{\text{L}}re$) — от $\text{ʔ}k^wa$ 金秋 [ср. тот же принцип чередования в Dat.-Loc. $jam'a^r$;

Instr. jam'a:ɾge от jaɾma]. Рюкюск. пример: mi:kkʷa «слепой» (←mekura).

В центральных же японских говорах эта категория звуков уже исчезла (но на прежнее их существование указывает орфография).

Кроме японского заднеязычные лабиализованные известны еще в вотском, абхазском (где впрочем есть и другие ряды лабиализованных — см. ниже); имелись они, очевидно, и в индоевропейском языке (напр. в *kʷetǵōres «4», откуда лат. quattuor, ср. греч. гомеровск. πῑσυρες [*kʷ → p] и аттич. τέσσαρες). Наиболее богатым лабиализованными согласными фонемами является абхазский язык, обладающий след. фонемами этой категории (в абжуйском наречии): cʰw zʷ cʰw kʰw gʷ kʰw qʰw ʧʷ ʙʷ ɲʷ и Qʷ (или же Qʰ) [в знаках Абх. Аналит. Алфавита: ҧ, Ҩ, ҩ, Ҫ, Ҭ, Ҭ, Ұ, Ұ].

§ 48. Если мы будем произносить последовательно ш и с [ššššš], мы убедимся, что активным органом при обоих звуках является кончик языка,¹ но положение, занимаемое им при том и другом звуке, различно. При [s] он образует сужение с самой передней частью неба — у самого края верхних резцов, при [š] он более загнут кверху и образует сужение с более задней частью неба. Такую же разницу в положении языка мы имеем и при аффрикатах [ts] и [tš] (она обусловлена разницей в положении языка при вторых элементах этих аффрикат — [s] и [š]).

Условимся называть звуки, произносимые с поднятием кончика языка к самому краю зубов (как [s], [ts]), звуками I-го этажа, а звуки, произносимые с поднятием кончика языка к более задней части твердого неба (как [š], [tš]) — звуками II-го этажа (их называют обычно какуминальными от лат. *casimen* «вершина»). Так как при звуке [tš] первый компонент аффрикаты имеет смычку II-го этажа, то при некотором навыке

¹ По крайней мере у громадного большинства русских [š] корональное, а не дорсальное, т. е. образуемое кончиком языка, а не спинкой; последнее нужно считать диалектическим.

мы можем научиться выделять этот первый элемент из сочетания [tʃ] и произносить его отдельно или перед гласным. Он будет отличаться от простого русского [t], как и от [t̥], выделяемого из [ts], только принадлежностью к звукам II-го этажа, т.-е. какуминальностью. Эта черта обозначается в фонетическом письме точкой под буквой — [ṭ]; соответствующий звонкий будет [ḍ], соответствующий носовой — [ṇ].

Этот какуминальный характер свойствен английским переднеязычным [t], [d], [n], чем они отличаются от соответствующих русских, немецких, французских. В некоторых же индийских языках (в том числе и в санскрите) на лицо обе разновидности каждого звука: [t] и [ṭ], и [d] и [ḍ], [n] и [ṇ], признаваемые как отдельные фонемы.

§ 49. Выше (в § 41) упоминалось о том, что общая форма языка может иметь влияние на акустический результат звука. Так, например, спирант [s] и спирант [θ] (глухое — «hard» th напр. в thin [θɪn]) являются одинаковыми и по способу (они — щелинные), и по месту (они — переднеязычные) образования и даже по пассивному органу (они могут быть произносимы около одного и того же пункта неба). Различие между ними создается именно особой формой языка: при [s] язык сдавлен с боков и образует вид желобка с несколько приподнятыми краями, по которому проходит узкая, сосредоточенная, сильно бьющая струя воздуха. При [θ] это образование желобка отсутствует, поверхность языка как-бы распластана (конец языка приподнят к небу с той же формой, какая ему присуща при спокойном положении), струя воздуха от этого получается широкая, разбросанная. Такая же разница находится и между соответствующими звонкими: [z] и [ð] (звонкое — «soft» th, напр., в англ. thou [ðau]).

Кроме английского звуки типа [θ], [ð] имеются еще в языках испанском («c(i)», «-d»), арабском (ث ذ), туркменском (где θ ð заменили собою обще-турецкие s z, и потому пишутся через س ز), башкирском (—наряду с s ← c ← o.-тур. *č, и редким z), шугнанском, бирманском, и в единичных японских говорах (напр.

ð^z в говоре Ёнэдзава в слогe ð^zi ← *gi, *ju, напр. ð^zið^zi «лилия» ← ju^zi, joð^zi^za «ресторан» ← g'o:ri^za); кроме того Тосаские s z, обладающие слабым сибилантным (свистящим, s-образным) шумом, в сущности сильно напоминают θ ð, почему их следовало бы писать [s^θ z^ð].

Перечисленные звуки разных языков не являются, однако, вполне тождественными друг другу; это — разновидности одного общего типа звуков θ ð.

Разница между русскими [s] и [š] тоже отчасти состоит в различии формы языка, не исчерпываясь указанным в § 48 различием по месту пассивного органа; но вопрос этот очень сложен и потому может быть опущен в элементарном курсе. Оставляя за символом [š] родовое значение — для звуков акустического типа «Ш», отмечу, что кроме š коронального (т.-е. образуемого кончиком языка), как в нормальном русском произношении «ш», встречается еще существенно отличный вариант — дорсального «ш» (— знак [š]), образуемого поднятием передней части спинки (dorsum) языка. Долгий вариант дорсального š, т.-е. [š:] мы встречаем в Московском произношении «щ» (но в говоре петербуржцев, в частности в моем лично, «щ» есть комбинация двух звуков [šč] = «шч»).

Благодаря тому, что при дорсальном [š] поднимается к нёбу *спинка* языка, а это близит акустическое впечатление данного звука с категорией палатализованных (т.-е. «мягких» — см. ниже), [š] воспринимается русским ухом — по сравнению с š корональным — как «мягкий» согласный. Но строго говоря, можно было бы различать «мягкий» и «твердый» варианты в обоих сортах «ш» (и у дорсального, и у коронального). напр.:

[š] корональное («твердое») — рус: ш, вотское ш = š в составе аффрикаты «ч» = tš

[š'] корональное («мягкое») — вотск. ш = š' в составе аффрикаты «ч» = t's'

[š] дорсальное (сравнительно «твердое») — английское sh

[ś'] дорсальное («мягкое») — японское ś (в śi シ śa シ ヤ śo シ ヌ śu シ ヌ), польское ś.

Примечание. Этот вариант, — [ś'], фактически оказывается близким к русскому [s'] = «сь».

Пятый вариант, вернее вариант четвертого варианта ([ś']) имеется напр. в Мукденском гов. кит. языка в виде [ś⁶].¹

Но различие этих вариантов в транскрипции проводить оказывается излишним (достаточно охарактеризовать имеющийся в данном языке звук в фонетическом описании), так как в одном и том же языке встречается обычно или 1 или (реже) 2 звука типа «ш», но не 4 или 3.

Два звукопредставления (— коронального и дорсального) «ш» имеются напр. в санскрите (ष् и ष), во многих говорах татарского языка (ṣ и ṣ̣), в китайском (š и ś resp. ś⁶), а также в тех русских говорах, где «щ» = [ś:].

§ 50. На различиях в форме языка основано также противоположение русских «мягких» согласных соответствующим «твердым». Именно, благодаря наличию второстепенной работы, присоединяющейся к главной характерной для данного звука работе и состоящей из приподнятия к средней части неба средней части языка (той части, которая образует сужение при [j]), ряду звуков (именуемых «мягкими») сообщается акустический результат, отсутствующий в ряде соответствующих «твердых» т.-е. таких согласных, при которых главные работы те же самые, что и у «мягких», но вышеуказанная второстепенная отсутствует. Таким образом звук [p] (па па) противопоставляется звуку [p'] (пить, пять), звук [b] (ба ба) — звуку [b'] (бить, бяка), [m] (муж) — [m'] (мать) и т. д.:

- [f] (фауна) — [f'] (филин, фяля)
- [t] (тот) — [t'] (тина, тетя, тюль)
- [d] (дом) — [d'] (диво, дядя)
- [n] (ныть) — [n'] (Нил, нюня)

¹ См. ниже «Фонетическую характеристику кит. языка».

[s] (сам, сыт) — [s'] (сила, семь, семга)
 [z] (зонт) — [z'] (зима, зябнуть)
 [r] (рама) — [r'] (прямо)
 [ɫ] (лом) — [ɫ'] (лед)
 [k] (кот) — [k'] (кит, Кяхта)
 [g] (гром) — [g'] (гимназия, гетры, гяур)
 [x] (хата) — [x'] (хитрый).

Звуки [š] (шум), [ž] (жать), [tš] (чудо) и [j] (я, ель, елка, есть, юн, вьюн) не имеют в русском соответствующих пар. Из них последний — [j] вообще не может иметь соответствующей пары, т. е. соответствующего «твердого» потому, что та работа, которая при прочих мягких, является второстепенной и составляет лишь их отличие от «твердых», при (j) оказывается главной: ведь [j] согласный среднеязычный, и если мы устраним имеющееся при нем поднятие средней части языка, то никакого согласного уже не будет.

Надо заметить, что в фонетике принято называть это характерное для «мягких» согласных поднятие средней части языка к небу — среднеязычным сближением или палатализацией (от лат. *palatum* «небо»), почему и сами мягкие согласные называются осреднеязыковленными или палатализованными (в отличие от непалатализованных «твердых»). Но такие согласные, как [j], где поднятие средней части языка — работа не второстепенная, а главная, — уже не осреднеязыковленные, а среднеязычные. Среди среднеязычных возможны и смычные неносовые (воспринимаются на слух, как нечто среднее между [k'] и [t'], [g'] и [d']), и спиранты ([ç], [ʃ]) и носовой (франц. *gn* в *agneau*, *oignon*, *régner*) и латеральный (итальянское, южно-французское мягкое l).

Кроме русского категория парных (т.-е. соответствующих «твердым») «палатализованных» согласных звукопредставлений ([p' t' s' и т. д.]) встречается еще: во многих других славянских языках, напр. в польском (но не в сербском, где есть лишь па-

латальные [а не палатализованные] [h̥] [h̥] [j̥] [ɲ] = сербск. «h̥ h̥ љ љ»), в японском (во всех говорах кроме Рюкюского¹ и части северо-восточных), восточно-Финских (напр. в мордовском и вотском), а также в ирландском. В большинстве же языков эта категория (а следовательно и «парность» консонантизма по «мягкости» и «твердости») отсутствует, хотя в соседстве с передними согласными (в особенности перед [i]) согласные и могут принимать — во многих языках — комбинаторный «мягкий» или «полумягкий» оттенок (но это уже будет не отдельная фонема, а лишь комбинаторный вариант нормальной «твердой» фонемы).

Кроме того надо заметить, что в ряде языков, не обладающих категорией «палатализованных», встречаются *палатальные* сонорные: [j̥] [ɲ̥]. Это имеет место, напр., в южно-Французском (в сев.-Французском же j̥ → j), итальянском, калмыцком, восточно-лужицком и др.

Экскурс. Об обозначении японских палатализованных согласных в русской практической транскрипции. Совпадение между фонетическим строем русского языка, с одной стороны, и японского — с другой, состоящее в наличии категории парных «мягких» т.-е. палатализованных согласных,² делает для русской практической транскрипции японских слов не только позволительным, но и обязательным использование в данных случаях (— т.-е. для передачи «мягких» согласных в яп: словах) тех же графических приемов, какими передаются русские «мягкие» в аналогичной позиции. Вот почему, в составлении общепринятой ныне

¹ В рюкюском некогда также существовали парные «палатализованные» или «мягкие» согласные (появившиеся, как и в японском благодаря волне китайских заимствований, где например *k̥i давало яп.-рюкюск. k' и т. д.), но фонетическая эволюция привела к их уничтожению (напр. *k' × *t' → č, *g' × *d' → ź, *r' → d в нач. слова напр. r'ũ:k'u: 琉球 → рюк. du:cu:, и т. д.).

² Наличие этой категории упустил из виду Edwards в своем Etude phonétique de la langue japonaise, что и является одним из двух основных пробелов этой работы [у Edwards'a k'a, например, трактуется и транскрибируется как kja и т. д.].

русскими японологами¹ практической транскрипции (изложенной в «Трудах Яп. Отд. Общ. Востоковедения» № 1, 1917), я счел необходимым совершенно изгнать те приемы, которые представляли слепое подражание западно-европейской транскрипции (вроде «*нио* или *nio* = Ромадзи *ryo*», «*шо* = Ромадзи *sho*» и т. д.), и передавать японские слоги с «мягкими» согласными так, как пишутся по-русски русские слоги с соответствующим (или ближайшим к японскому) «мягким», т.-е. палатализованным согласным. Получились следующие соответствия (между написаниями в Ромадзи и в русской транскрипции): *kyu kyu kyo* = *кя кю кё*, *gya gyi gyo* = *гя ю гё*, *shi sha shu sho* = *си ся сё сё*, *chi cha chu cho* = *ти тя тю тё*, *ji ja ju jo* = *джи дзя дзю дзё*, *nya nyi nyo* = *ня ню нё*, *hya hyi hyo* = *хя хю хё*, *rya ryi ryo* = *ня ню нё*, *bya byi byo* = *бя бю бё*, *mya myi myo* = *мя мю мё*, *rya ryi ryo* = *ря рю рё*. [В качестве же дублетного приема, поскольку употребление буквы ё (и особенно ē Ē Ē) встретит типографские затруднения, допустимо вместо *кё гё сё* и т. д. писать *кьо го сьо* и т. д. — в виду принципиального тождества звуковых ассоциаций (в русском графическом мышлении) между комплексами «буква парного согласного (напр. *н, с, т*) + ё» и «буква парного согласного + ю»]. Особых замечаний требуют, впрочем, написания *ти тя тю тё*, так как русская транскрипционная практика (до моей транскрипции) употребляла здесь буквы *ц* или *ч* (*ци* или *чи*, *ця* и т. д. вплоть до *цио чيو* в м. моего *тё*). Тем не менее можно доказать, что выбор *ти тя тю тё* (для яп. *ち* *са* *су* *со* = Ромадзи *chi cha chu cho*) является здесь единственно возможным, как продиктованный объективными фонетическими данными (соотношением между русской и японской системами согласных).

В русской языковой системе *t'* оказывается без сомнения ближайшим соответствием к японскому звуку (*с*), имея с ним ту

¹ За исключением (вполне, разумеется, естественным) двух авторов прежних транскрипционных систем — проф. Позднеева и Спальвина. Отмечу, впрочем, теоретическое признание «транскрипции Японского Отдела» профессором Позднеевым — в 1916 и 1917 гг.

общую черту, которая является наиболее существенной принципиальной характеристикой их обоих: как русское t' (= *ть*, или в $t'i$ = *ти* $t'a$ = *тя* и т. д.), так и японское \acute{c} принадлежат к парным мягким фонемам [в группе глухих переднеязычных затворных]. Объективное (физическое) сходство — между рус. t' и яп. \acute{c} — продолжаю усматривать далее и в присущем обоим этим звукам аффрикатном характере, — ибо рус. t' , именно с объективной точки зрения, также содержит, вслед за смычным, известный спирантный элемент, т.-е. может быть представлено как t'^s [тогда как яп. \acute{c} = $t's$]. Правда, в японском (в Токиоском и в большинстве говоров) звуке спирантный элемент этот более значителен; и для русского t' вполне точным эквивалентом будет лишь соответствующий Тосаский звук [в Тоса \acute{c} = $t'i$ т.-е. вполне равно русскому *ти*]; токиоское же (или представленное большинством говоров) \acute{c} будет точно соответствовать польскому или белорусскому звуку (\acute{c}). Но поскольку разницу между Тосаским и токиоским корреспондентами ($t' \parallel \acute{c}$) свободно игнорирует русский (не тренированный) слух, постольку и против графического отождествления токиоского \acute{c} с русским t' не возникает никаких возражений с точки зрения требований, предъявляемых к практической транскрипции [где задачей, ведь, является не объективная характеристика звука, а именно выявление ближайше соответствующих друг другу различий в двух соизмеряемых системах звукопредставлений — в данном случае японской и русской]. Наконец можно и эмпирически — путем фонетического эксперимента — убедиться, что в русском языковом мышлении восприятие японского \acute{c} ассоциируется именно с звукопредставлением t' . Я лично помню, напр., что приступая к практическому изучению японского языка и будучи в то время совершенно свободен от влияния какой-либо транскрипции, я без всяких колебаний отождествлял яп. \acute{c} с русским *ти* и не подозревал о наличии какой-либо разницы между обоими слогами. Разумеется, этот транскрипционный выбор («*ти*» для яп. \acute{c}) можно защищать лишь с точки зрения подлинно-русского

языкового мышления: для немца, говорящего по-русски и произносящего *ти* с «твердым» *t* (—*t*i в.м. *t'i*), пропадает основной мотив выбора написания *ти* (в.м. *ци* или *чи*). Равным образом у латышца, обнаруживающего в русской своей речи влияние фонетики родного языка (латышского), вместо *t'* (палатализованного переднеязычного) можно рассчитывать услышать *h* (палатальное, т.-е. среднеязычное); а этот звук японцем может быть оценен и как *k'* (т.-е. палатализованный заднеязычный): следовательно в соответствии русскому написанию *ти* будет воспринято ** (k'i)*, в соответствии русскому написанию *тя* — *k'a* и т. д. Но понятно, что в выработке русской транскрипции я должен был считаться с обще-русской нормой, а не со случаями индивидуального смещения звуковых систем. С другой стороны, надо оговорить, что если бы в языке, для которого создается практическая транскрипция, существовали бы различия в роде *t*i — *t'i* и т. п. (как в китайском: ср. *t'jæn* 天 и *ś'jæn* 錢, или в Нагасакском говоре д. Мие, где различаются *t^ha*: и *śa*:), то решение должно было бы быть иное.

Особого рассмотрения заслуживают заднеязычные согласные — именно в восточных языках (арабском, турецком, грузинском и др. кавказских и т. д.), где эта категория делится на 2¹ под-категории по месту образования: 1) *неглубоких* — и 2) *глубоких* заднеязычных.

При первых (не-глубоких, каковы напр. арабск. *ك* [*k*], тур. *ك* [*k*], *گ* [*g*]) приподнимается к нёбу сравнительно не-глубоко отстоящий участок задней части спинки языка — лежащий против границы твердого и мягкого нёба или даже против твердого нёба.

При вторых же (глубоких, каковы напр. арабск. *ق* [*q*], турецк. *ق* [*q*], туркменск. начальное *ç* [*g*], арабск. *ح* [*ħ*], арабск. и турецк. *ح* [*ħ*]) приподнимается к нёбу значительно более даль-

¹ А иногда более чем 2. Но на таких случаях (имеющих место, напр. в некоторых кавказских языках) я позволю себе здесь не останавливаться.

ний участок задней части языка, — лежащий против мягкого нёба. Поэтому, с точки зрения противолежащего языку органа, первые называются иногда «твёрдо-нёбными», а вторые «мягко-нёбными».

Таким образом, различаются следующие типы заднеязычных звуков:

	Смычные.		Спиранты.		Носовой.
	Глухой.	Звонкий.	Глухой.	Звонкий.	
Не-глубокие . . .	k	g	x	ɣ	ŋ (= ɳ)
Глубокие	q	ɢ	ʁ	ʁ̥	ŋ̤ (= ɳ̤)

Примечание. Для заднеязычного носового обеих категорий употребляют обычно один знак (ŋ), но возможна и дифференциация их — знаками ɳ и ɳ̤.

Звуки [k g x ɣ] имеются в русском языке. Если мы прибавим к ним русск. [k' g' x' ɣ'], мы получаем также две подкатегории заднеязычных, но уже не те, что только что рассмотрены: это будет 1) ряд не-глубоких [k g x ɣ], 2) ряд еще более передних (благодаря палатализации) [k' g' x' ɣ']. Возможна, конечно, и промежуточная ступень — «полумягкое» k в русском к этому.

Глубокие [q], [ʁ], [ʁ̥] имеются в арабском и в ряде турецких, напр., узбекском, татарском и других. Звонкий же [ɢ] — явление чрезвычайно редкое: он известен мне главным образом из туркменского языка (напр. туркм. ɢa:n «кровь» ← о.-тур. *qa:n).

Примечание. Отсутствие [ɢ] смычного в арабском и др. языках, имеющих глухой смычной [q], стоит, повидимому, в связи с тем, что звонкие смычные на пути перерождения в аффрикату и в спирант обычно всегда опережают соответствующие глухие. Сравни то же в ряду не-глубокозаднеязычных: k уцелело (в виде ڪ), а g → ځ (ج) [Сравни جبر (откуда узбекское جهير) и русск. алгебра, — где ځ из древне-арабской формы слова الجبر].

Типы согласных звуков.

		Смычные (неносовые).	Спи- ранты.	Аффри- каты.	Дрожа- щие.	Боковые.	Носовые.
Губные.	Губно- зубные.	p b	ф w f v	pф	ψ β φ		m
	Губно- зубные.						
Переднеязычные.	Корональные.	t d	s z θ ð š ž ɬ ɮ s̥ z̥	ts=c dz=ɜ tʃ=č dʒ=ʒ tʃ̣=č̣ dʒ̣=ʒ̣		l̥ l	n
	Дор- саль.	ɬ ɮ			ɾ ɾ̥ ɾ̣ ɾ̣̥	l̥ l	
Средне- язычные.		h ɣ	ç j			ɭ	ɲ
Заднеязычные	Пала- тализ.	k' g'	x' ɣ'				
	Не-глу- бые.	k g	x ɣ	kx gɣ			ŋ
Глубокие	Глубокие	q ɢ	ɬ ɮ ɮ̥ ɮ̥̥				ɢ
	Увулярные.				Я R		
Гортанные.		ʔ ʕ	h ɦ H⇒ Q=c				
Эпи- глот.							

Вышеприведенная таблица содержит те транскрипционные символы согласных, которые я употребляю в настоящем курсе, и которые в общем являются несколько видоизмененной формой Международного Фонетического Алфавита. При этом я отнюдь не придаю тем некоторым изменениям и пополнениям, которые здесь внесены (в систему согласных символов МФА), принципиального значения, и не считаю мой выбор в этом отношении окончательным: это просто та система обозначений (согласных), которая сложилась у меня на практике, — когда приходилось пользоваться системой МФА в применении к звуковому составу разных языков и по мере надобности вносить в нее известные уточнения, или пополнения.

Вообще же по поводу транскрипционной системы надо заметить следующее:

1) полного тождества звуковых значений у символов транскрипции ожидать немислимо, поскольку эта транскрипция применяется к ряду разных языков: звуки одного и того же типа имеют в каждом языке свои особенности (более или менее ощутительные); хорошо, если эти особенности будут оговорены в фонетическом описании данного языка или говора, и тогда ими незачем уже обременять транскрипцию: достаточно, если она будет указывать родовую категорию (— т и п), к которой принадлежит данный звук [такие *типы* звуков и указаны в вышеприведенной таблице].

2) все-таки, совершенно ясно, что желательно единообразие (по крайней мере в основных чертах — в главных типовых символах) в транскрипции — и в работах одного лица по разным языкам, и в работах всех лингвистов. С этой целью созданы универсальные системы транскрипции, напр. «Visible Speech» Bell'a [ныне уже никем не употребляемый, и имеющий, следовательно, лишь историческое значение в нашей науке], Русская Лингвистическая Азбука [сокращенно РЛА] — на основе русского алфавита, Международный Фонетический Алфавит [сокращенно МФА; опубликован в брошюре изданной

Международной Фонетической Ассоциацией: «Exposé des principes de l'association phonétique internationale. 1908»].

3) по ряду соображений я считаю наиболее рациональным следовать именно МФА. Однако, МФА вовсе еще не законченная система и нуждается в пополнениях и уточнениях, что становится совершенно ясным при попытках применения ее к ряду восточных языков (так напр. для абхазского мне пришлось ввести $\psi^?$ β ψ^c и другие отсутствовавшие в МФА символы). Возможность пополнений предвидели и сами авторы МФА (члены Международной Фонетической Ассоциации). Один из приемов пополнения — это введение для нового звука того знака, которым этот звук обозначается в данной национальной письменности (так напр., я позволяю себе отказаться от предложенных в МФА символов для среднеязычных смычных [с ʒ], введя взамен сербские буквы [h h], употребляемые именно с этим значением в сербском алфавите).

4) Кроме тех видоизменений и пополнений, которые вошли в процессе работы в мою транскрипционную практику (на основе МФА), есть еще глубоко продуманная система дополненного (и несколько видоизмененного) МФА, опубликованная профессором Л. В. Щербой в статье «К вопросу о транскрипции» (Изв. Отд. русск. яз. и сл. Ак. Наук, т. XVI (1911 г.) кн. 4-ая). С этой системой я и считаю нужным познакомить читателя — см. ниже.

Кроме того я привожу еще (по вышеупомянутой статье Л. В. Щербы): 1) Систему знаков МФА — в том виде, как она опубликована Международной Фонетической Ассоциацией (в 1908 г.), т.-е. МФА в основной, первоначальной форме; 2) систему знаков РЛА; 3) систему знаков употребляемых в работах К. Бругман'а (автора капитальной работы по индоевропейской сравнительной грамматике: «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen») и других индоевропейцев.

Нужно признаться, что объединение в транскрипции между

лингвистами так и недостигнуто (универсальные системы, как-то МФА, РЛА и наконец транскрипция Brugmann'a, объединяют лишь известные группы лингвистов: МФА — главным образом западноевропейских и в меньшей степени русских фонетиков и вообще авторов работ по описательному языкознанию; РЛА — большинство русских востоковедов-лингвистов, Бругмановская транскрипция — авторов работ по сравнительной грамматике индоевропейских языков); поэтому читателю необходимо знакомиться с рядом транскрипций. Унификация же фонетической транскрипции, по крайней мере для работников СССР, стоит, по моему мнению, на очереди среди насущнейших задач наших краеведческих научных объединений.

5) Кроме вышеназванных универсальных систем, на значение универсальной транскрипции претендует и яфетидологическая транскрипция академика Н. Я. Марра. Я не считаю возможным излагать ее в настоящем курсе (ограничиваясь тем, что в «Характеристике грузинского консонантизма» и в «Фонетической характеристике абхазского языка» я даю ее соответствия к моим транскрипционным знакам), так как яфетидологическая транскрипция, несмотря на то, что в основе ее и лежат известные теоретические положения, не является фонетической транскрипционной системой [дело в том, что выбор известных обозначений продиктован не физиологическим составом данных звуков, а этимологическими соображениями о происхождении их; фонетическим nonsens'ом является и распространение понятия «аффрикат» на заднеязычные спиранты и смычные, а с ним и появление знаков вроде $k \ q \ k \ q \ \check{g}$ — в параллель к $t \ \acute{t} \ t \ \acute{t} \ \acute{d}$ (тогда как на самом деле подлинные заднеязычные аффрикаты представлены в меньшинстве кавказских языков, и в таких системах, как грузинская, абхазская или чеченская совершенно отсутствуют)].

Повторяю, что нижеследующие таблицы знаков, предлагаемых для обозначения согласных в универсальных системах транскрипции, я привожу по вышеупомянутой статье «К вопросу

о транскрипции»; как читатель увидит, новшества, предложенные самим Л. В. Щербой, повторяются, в большинстве случаев, и в вышеприведенной моей (Е. П.) таблице согласных символов (выработавшейся у меня в процессе практической работы) и теоретических возражений против предложенных Л. В. Щербой знаков у меня не имеется.

Таблица согласных символов Международной Ассоциации (МФА).

		Бронхо- вые.	Гортан- ные.	Языко- вые.	Задне- небные.	Небные.	Языч- ные.	Губные.
Согласные.	Взрывные		ʔ	q ɢ	k ɡ	c ɟ	t d	p b
	Носовые				ŋ	ɲ	ɳ	m
	Боковые				ɭ	ʎ	l	
	Дрожащие			ɹ ʀ			r	
	Придувные	h ɸ	h ɦ	ç ʁ	(m w) x ɣ	(ç) ʃ ʒ	ʃ ʒ s z ɬ ʈ ɖ	f v ɸ ʋ ɱ w ɸ

Объяснения знаков (МФА 1907—1908 г.).

Согласные. — Небные c ɟ известны во французском, в диалектическом произношении слов *qui* сi, *dai* je (ср. русские диалектические *тисть*, *андел*), или в венгерском, в словах *kotya*, *magyar*. — q — арабское *каф* (глубокое к). — ʔ слышится в немецком (северном) перед начальными гласными; это «гортанный взрыв», *stød* в датском, *хамза* арабов. — ɲ — французское *gn*

в *règne*; ŋ — германское *ng* (заднеязычное *н*). — ʎ — «*l mouillé*» южно-французского, *ll* испанского, *lh* португальского, *gl* итальянского, ʎ сербского. — ʎ — твердое *л* русского и польского. — *г* — *р* обыкновенное раскатистое. — *в* — раскатистое язычковое *р*.

гв — простые губногубные спиранты: *ф* слышится при тушении свечки губами (при «фуканьи»); *в* — *b* испанского *sabér* и одна из разновидностей голландского *w*. — *ц* образуется точно также, но с поднятием передней части языка — это консонантическое *и* французского *lui*. При *м* *w* поднимается задняя часть языка: *w* — консонантическое французское *ои* в *oui*, *м* — одна из разновидностей английского *wh*. — *θð* произносят, прикладывая конец языка к верхним зубам или ставя его между зубами: *θ* — глухое английское *th*, греческое *θ*, исландское *þ*, *ð* — звонкое английское *th*, исландское *ð*, греческое *δ*. — *ʎ* южно-английское *г* (без дрожания). — *ʃʒ* — обыкновенные *ш* и *ж*. — *ʃj*, немецкие «*ich-laut*» и *j*. — *х* — немецкое *ch* в *ach*, испанское *j* в *jabon*; *g* — немецкое *g* в *wagen*, как его произносят часто на севере Германии. — *ч* — арабское *kh* в *khalifa*, иногда испанское *j* и немецкое (швейцарское) *ch*. — *в* — датское *r*, арабское *gh*. — *һ* — звонкое *h* арабов, чехов и малороссов. — *н* и *q* — арабские *hha* (һа) и «*ʿaīn*».

Дополнительные знаки (к МФА 1907—1908 гг.).

Долгота обозначается : (как и после гласных, так и после согласных символов).

Дополнительные знаки, изменяющие значение основных знаков. — Глухие звуки обозначаются кружечком внизу, а звонкие перевернутой крышечкой, так: *ɾ* — *р* звонкое (*rare*), *ɾ̥* — *р* глухое (*poutre*).¹

Какуминальные звуки, образуемые поднятием кончика языка, обозначаются точкой внизу *ɽ*, *ɽ̥*, *ɽ̥̥* (*ar* в юговосточном английском

¹ В моей же практике, наоборот (как и у многих авторов) перевернутая крышечка под буквой (*ɾ̥*) означает *глухость*, а кружочек под буквой — слогообразующую функцию. Е. П.

part). Эмфатические согласные арабского — двумя точками снизу: *s*, *t*, *d*. Согласные, сопровождаемые гортанным взрывом: *k'*, *p'* (грузинское *t'setsa*). «Мягкие», «палатализованные» согласные обозначаются точкой наверху: *š*, *ž*, *ř*.

Наконец, можно ставить буквы в виде экспонентов, так \int^s обозначает \int , несколько напоминающее *s*. Неслогообразующие гласные обозначаются так: *й*, слогообразующие согласные — *ң*.

Объяснение знаков (в видоизменении МФА, предложенном

Л. В. Щербой — 1911 г.).

Вместо неудобных и непривычных с \int Λ международного алфавита для палатальных смычных и бокового я выбрал очень удачные знаки Бодуэна-де-Куртенэ, представляющие из себя лигатуру соответственных переднеязычных с *j*. Неудобное *g* я заменил Бругмановским знаком *g*, который неудачно употреблен в м. а. для заднеязычного звонкого спиранта. Рядом с *ŋ* допускаю Бругмановский знак *ŋ*, точно так же как рядом с *u* — знак, принятый в германской филологии *ŭ*. — Разницу между *ф* *u* и *м* *w* я вижу, вслед за Jespersen'ом в том, что при первых щель широкая продольная, а при вторых более сконцентрированная; иначе говоря *ф* *u* являются слабыми чуть раскрытыми *p* *b*, а *м* *w* — глухим и звонким *и* с сильным консонантным шумом на губах, т.-е. закрытым *и* с энергичной работой губ. — $\frac{1}{2}$ $\frac{1}{2}$ (знак обязательно отвесный п над буквой) — дорсальные *ш* и *ж*, которые могут быть твердыми и мягкими. — \check{s} \check{z} (допускаю и знаки м. а.) — корональные *ш* и *ж*, могущие быть твердыми и мягкими. Знаки эти являются в полной мере международными и потому я счел необходимым ввести их наряду со знаками м. а. Так сделал и Jespersen, в общем принимающий м. а. — Для *θ* *ð* я допускаю и другие общепринятые варианты. — Вслед за Jespersen'ом считаю возможным отличать заднеязычное *r* без дрожания от заднеязычных спирантов, но думаю, что пока можно и не отличать двух рядов таких заднеязычных *r* без

Таблица знаков для согласных в видоизмененной форме МФА, предложенной проф. Л. В. Щербой (1911 г.).

		Гортанные.	Язычковые.	Я з ы ч н ы е.			Г у б н ы е.	
				Задне-		Передне-	Зубно-	Губно-
				Более глубокие.	Менее глубокие.			
С м ы ч н ы е.	Чистые.	ʔ		q ɢ	k ɣ	t d		p b
	Носовые.			ŋ [ɲ]	ɲ	n		m
Щ е л и н н ы е.	Простые.	h ħ ħ [h] ħ [q]		x ɣ ɣ	χ γ γ	j [ɰ] l χ s z ʃ ʒ š [ʃ] ž [z] θ [p θ] ð [ð d] ɹ	f v	ɸ ʋ [ɸ] ɱ w ɸ
	С д р о ж а н и е м.		я ʁ			r ř		
С л о ж н ы е.						c ɟ č ȝ ć		

дрожания: для каждого языка все равно придется давать предварительные объяснения (ключ к алфавиту). — При неразличении в данном языке двух рядов заднеязычных всякий, конечно, может выбирать любые знаки и в любом сочетании. Для арабских *hha* (h) и *ʿaīn*, механизм которых неизвестен (бронхи только тут не при чем), я позволяю себе предложить знаки ħ и ħ̣, наряду со знаками м. а., которые мне кажутся неудобными. — ř — переднеязычное дорсальное г (чешское ř), которое, конечно, может быть твердым и мягким (в чешском оно твердое). Прекрасное описание Хлумского (Chlumsky) в *Revue phonétique* 1911, стр. 36 и 37, чешского ř еще более убеждает меня в том, что я был прав в своем анализе его существенных моментов (ср. Известия Отд. р. яз. и сл. XV, 1). Само собой разумеется, что под *dorsum* в данном случае я разумел его самую переднюю часть. — с — я присваиваю значение обыкновенного русского ц или немецкого z; z — соответственный звонкий, который до сих пор изображали через *dž*; č — русское ч, а ž — соответственный звонкий (*dž*) — оба корональные, тогда как *č̣ ẓ̌* — дорсальные (твердые и мягкие); различать *č̣ ẓ̌* переднеязычные и среднеязычные представляется мне мудреным на практике. Само собой разумеется, что этим далеко не исчерпывается все богатство аффрикат; но это дело предварительных объяснений или экспонентов, так с^s может значить, что преобладает спирантный элемент; t^s, наоборот, что преобладает смычный и т. д. Нужно помнить, что если отмечать все разнообразия звуков человеческой речи, то потребуются бесконечное число знаков в буквальном смысле слова.

Из нововведений, которые бы я себе позволил провизорно предложить — это знаки для глухих — l, ḷ, r, ř. Я полагал-бы, что для этого можно воспользоваться греческим алфавитом, т. е. взять λ, ḍ, ρ, ṛ̌.

Л. В. Щерба.

Знаки для согласных, употребляемые Бругманом (сравнительно-грамматическая транскрипция).

Гортан- ные.	Задненебные.		Небные	Зубные.	Губные.
	Более глубокие.	Менее глубокие.			
h	q g	k g	t' [k] d' [g']	t d	p b
		я	ñ	n	m
	ɣ		l'	l	
				r	
	x ɣ	χ γ	š ž	s z	f v ɸ
			š ž	š ž	
			χ' j	ɸ [ɟ] ɖ [ɟ̌]	
				c	
				č	

Русская лингвистическая азбука.

Согласные.

			I		II		III	IV		V	VI
			Губные.		Передне-язычные.		Средне-язычные.	Задне-язычные.			Гортанные шумы.
			Губно-губные	Зубно-губные.	Язычно-зубные, альвеолярные и дорсальные.	Церебральные.		Язычно-небные.	Язычно-велярные.		
Ш у м н ы е.	П р о с т ы е.	Спиранты. Смычные. <div> <div>Глухие.</div> <div>Звонкие.</div> </div> <div> <div>Глухие.</div> <div>Звонкие.</div> </div>	п	(п)	т	т	ћ	ѣ к	к		ʘ ɿ
			б	(β)	д	д	ђ	г г	г'		ɣ
С л о ж н ы е.			f	Ф	ђ с с̣ ш	с̣ ш̣	ѣ	х̣ х̣	х'		h ɦ
			w	в	џ з з̣ ж̣	з̣ ж̣	ј	џ̣ џ̣	џ'		ʂ
С о н о р н ы е.	Звонкие.	<div>Носовые.</div> <div>Звуки Л</div> <div>Звуки Р</div>	м		н	ң	ь̣ ̣̣	ң	ң'		ʀ
	Глухие.		‘м		‘н ‘л ‘р						

Объяснение знаков.

џ џ — дорсальные *ш* и *ж*; ш ж — корональные.

° перед гласным означает обыкновенное, слабое начало гласного.

' — бесшумный перерыв.

ʒ — гортанный взрыв.

h — арабское h (hha).

ʕ — арабское «ʕaīn».

р — дрожащий гортанный звук.

j = т + j = °j; j = д + j = °j; џ = н + j = °j.

ч = °т + ш; ц = °т + с; ч = т + ш = °ш; ц = т + с = °с;

џ = д + ж = °ж; з = д + з = °з.

л = лъ; l — «средний» л; р = дрожащий *p*; r — *p* без дрожания.

j — носовой j.

т = т + л; т = т + лл.

л = одновременное сочетание *x* и *л*.

л = т + л + x.

л = л + р или л + р.

Дополнительные знаки.

Слабые глухие: џ, д, г.

Энергичные согласные: к, т, д, с.

Согласные с закрытой гортанью: °т, °к.

Придыхательные согласные: °т, °д, °с (звонкое придыхание б°, д°).

Усиленное придыхание: п°, т°.

Согласные с гортанным взрывом: к°, т°, д°.

Палатализованные (мягкие) согласные: °т, °п, °с.

Лабиализованные согласные: °т, °п.

Слогообразующие согласные: м°, н°.

Гласные.

§ 51. Переходя к анализу звукопроизводных работ при гласных звуках, необходимо остановиться на вопросе — что именно служит отличием гласных от согласных. Выше (в § 42) уже упоминалось о том, что при гласных необходим проход воздуха через полость рта, и следовательно при смычке, закрывающей полость рта, гласные невозможны; в другом месте (в § 17) говорилось, что гортань работает иным образом при согласных, чем при гласных — давая при согласных (благодаря более широкой голосовой щели) выход большому количеству воздуха. Упоминалось (в § 26) также о том, что гласные без голосового тона (глухие) бывают плохо слышны, что гласные (звонкие) бывают более звучными, чем согласные (почему и бывают слогаобразующими) — в этом уже их акустические особенности. Таким образом, из сказанного можно заключить, что разница между гласными и согласными состоит, как в физиологических, так и акустических признаках. Но, с другой стороны, из вышесказанного еще нельзя установить точной границы между гласными и согласными — наоборот можно составить представление о том, что некоторые согласные составляют как бы приближение к гласным. Ведь, если гласные не возможны при смыкании рта, то и некоторые согласные (все кроме смычных и аффрикат, см. § 42) также имеют открытым проход воздуха через рот. Если гласные плохо слышны в глухом виде, то и некоторые согласные (сопоровые и носовые, см. § 26) тоже. Эти же самые согласные легко становятся слогаобразующими (см. § 32), обличая этим свою близость к гласным. Наконец, по поводу того факта, что гласным присущ небольшой расход выдыхаемого воздуха, можно сказать также, что при различных согласных расход воздуха бывает различен (воздуха расходуется в единицу времени больше при взрыве смычного, чем при спиранте; и при сопорном — меньше, чем при спиранте). В результате мы должны

относиться к физиологическим и к акустическим свойствам гласных звуков — не как к чему-то безусловно отсутствующему в согласных, а наоборот — как к свойствам, допускающим ряд постепенных переходов.

С точки зрения акустической гласные состоят главным образом из голосового тона, т.-е. голосовой тон — это наиболее сильный из звуков, входящих в состав гласного. Но, однако, акустический состав гласного не исчерпывается голосовым тоном, — к нему присоединяются некоторые тоны, создаваемые в полости рта (при носовых гласных в полости рта и в полости носа), и известным образом окрашивающие голосовой тон, — сливающиеся с ним в роде того, как аккорд аккомпанимента сливается с тоном мелодии. Но сами по себе эти звуки, образуемые в полости рта, слабы и плохо слышны. При согласных — наоборот: звуки, образуемые в полости рта, хорошо слышны (по крайней мере при тех согласных, которые не являются переходом к гласным). В связи с этим акустическим отличием между гласными и наиболее отличными от них согласными (смычными неносовыми и спирантами) можно уяснить и отличия физиологические.

Предположим, что смычки нет, и струя воздуха выходит через рот. Для того, чтобы шум, возникающий в полости рта, был силен, нужно, чтобы происходило сильное трение выдыхаемого воздуха о стенки ротовой полости. Это трение может быть сделано сильным в зависимости от двух причин: 1) усиления струи, т.-е. количества выдыхаемого воздуха, 2) сужения ротового прохода. Потому, с одной стороны, при гласных воздух выходит меньше, чем при спирантах. И, с другой стороны, сужение ротового прохода при спирантах обыкновенно уже, чем при гласных (при гласных рот более открыт). Но иногда различие между спирантом и гласным обуславливается только одним из этих двух факторов. Например, возможно произносить звуки [u], [w] при одинаковом сужении ротового прохода (т.-е. при одинаковом сближении губ); увеличивая количество выдыхаемого воздуха, можно получить [w]; ослабляя же выдых — [u]. Точно так же

можно переходить при одинаковом положении языка, губ и нижней челюсти от звука [ц] к звуку [у].

Что касается до смычных неносовых, то в их акустическом составе играет первенствующую роль взрыв смычки; на взрыв смычки расходуется чрезвычайно большой запас воздуха (если сравнить количество воздуха, выходящего в единицу времени изо рта при взрыве смычки, с количеством воздуха, вытекающего в ту же единицу времени при спирантах и при гласных). И смычные неносовые являются антиподами по отношению к гласным — они менее, чем какие-либо другие согласные могут быть сближаемы с гласными: и по своей степени звучности, и по своей минимальной способности быть слогаобразующими, и по той роли, которая уделяется в их акустическом составе голосовому тону (если он имеется), и по количеству выдыхаемого воздуха (в связи с чем находится положение голосовых связок), и по затвору полости рта.

§ 52. Голосовой тон, составляющий акустическую основу и залог хорошей слышимости гласного, называется основным тоном гласного. Однако, как уже говорилось, он вовсе не составляет того, что постоянно для данного гласного, например для гласного [а]. Мы ведь можем произносить разные гласные с одним и тем же голосовым тоном и, с другой стороны, менять его при одном и том же гласном. Характерным для гласного, т.-е. тем, что отличает один гласный от другого (напр. [а] от [е]) являются тоны, создаваемые в полости рта. Главный из них (он и самый низкий) называется характерным тоном или форматом данного гласного. Прочие (более высокие) называются обертонами к нему. Совокупность характерного тона с его обертонами, составляющая полную характеристику данного гласного, называется тембром гласного. Тембр гласного зависит от величины и формы полости рта так же, как характер звуков, получаемых из духовых инструментов, зависит от величины и формы этих инструментов. Известно, что большая труба дает более низкие тоны, чем маленькая. Потому и звук [у], при котором участвующая в звукопроизводстве пещера

(полость рта, увеличенная вытянутыми вперед губами) больше, чем при других гласных, обладает наиболее низким характерным тоном. Можно определить характерные тоны для всех гласных, что называется акустической характеристикой гласных.

Самый высокий характерный тон принадлежит гласному [i], при [e] он ниже, при [o] еще ниже, но не настолько, как при [u].

Для того, чтобы ознакомиться с методами и характером акустического описания гласных [которые, замечу кстати, обследовались с акустической стороны гораздо больше, чем согласные], можно рекомендовать книгу Л. В. Щербы «Русские гласные в качественном и количественном отношении».

§ 53. С точки зрения звукопроизводных работ гласные можно характеризовать, описывая присущую отдельным гласным форму надставной трубы (т.-е. того канала, по которым протекает выдыхаемый воздух: сюда относятся или полость рта или полость рта + полость носа). В этом состоит физиологическая характеристика или физиологическая классификация гласных. Наиболее распространена система физиологической классификации гласных, носящая имена фонетиков Bell'a и Sweet'a. Для того, чтобы определить форму надставной трубы, достаточно указать положение подвижных органов: небной занавески, нижней челюсти, языка и губ. О роли небной занавески, в зависимости от которой гласные делятся на носовые и неносовые, уже говорилось (в § 35). Нам остается, следовательно, рассмотреть все неносовые гласные, помня, что каждый из них может быть сделан носовым.

§ 54. Относительно роли нижней челюсти, нужно сказать, что несмотря на обычные различия в ее положении при разных гласных, нельзя считать то или иное положение нижней челюсти (иначе говоря тот или иной раствор челюстного угла) самодовлеющей причиной качества того или иного гласного. Таковой причиной является положение языка и губ; если язык высоко поднят (какой-либо из своих частей) к небу, то тембр гласного получается иной, чем при менее высоком поднятии (той же

части) языка. Точно также при некоторых гласных имеет значение то, насколько сильно приближена одна губа к другой. При сильном поднятии языка, как и при сильном приближении губы к губе, ротовой проход сужается; это обычно сопровождается и уменьшением челюстного угла. И потому гласные, называемые узкими с точки зрения сближения губ или с точки зрения поднятия языка к небу, обыкновенно бывают узкими и в смысле раствора челюстного угла. Но для создания определенного качества гласных важным оказывается первое — положение языка и губ, а не второе (положение нижней челюсти). И можно изловчиться произносить различные гласные (в том числе и широкие и узкие) при одинаковом челюстном угле.

§ 55. С точки зрения участия губ гласные делятся на лабиализованные (от лат. *labium* «губа») и нелабиализованные. Первые снабжены губным округлением, благодаря которому губы являются краями выходного отверстия звукопроизводной камеры; при вторых краями звукопроизводной камеры служат зубы. В системе Bell'a и Sweet'a лабиализованные носят техническое обозначение *round* (сокращенно *r*), а нелабиализованные *unround* (сокращенно *u*).

К лабиализованным принадлежат [u], [o], [ɔ], [y], [ø], [œ]. Губная работа (или лабиализация) при звуке [o] иная, чем при [u]: при [o] губы не столь сильно сближены, и круглое отверстие между ними шире, чем при [u]. При [ɔ] оно еще шире. То же самое последовательное расширение губного отверстия наблюдается при переходе от [y] к [ø] и [œ].

Помимо степени сближения губ лабиализованные гласные могут еще различаться в зависимости от степени выпячивания губ вперед. Так французские [u] и [o] произносятся с более сильным выдвиганием губ вперед, чем английские или русские лабиализованные гласные.

§ 56. В работах языка при гласных имеется очень много различных сторон, способных отражаться на качестве гласного. Из них схема Bell'a и Sweet'a имеет в виду три самые главные:

место наиболее приподнятой к небу точки языка, степень приподнятости, сильную или слабую напряженность мускулов языка.

§ 57. В зависимости от того, какая часть языка приподнята к небу, гласные делятся (следуя терминологии Bell'a и Sweet'a) на *front* (сокращенно *f*), *mixed* (сокращенно *x*) и *back* (сокращенно *b*). При первых (*front*) наиболее приближенной к небу оказывается самая передняя часть спинки языка (приблизительно та, которая устраивает сближение при [j] и [ç] — близко лежащая к кончику его). По-русски их принято называть передними гласными. Таковы гласные [i], [e], [ɛ], [y], [ø], [œ]. При гласных типа *back* приподымается наоборот задняя часть языка (приблизительно та, которая устраивает смычку при [k], [g]). По-русски их принято называть задними гласными. К типу *back* принадлежат: [u], [o], [ɔ]. Если же при гласном сильнее всего подымается то место языка, которое лежит между местом поднятия при *front* и местом поднятия при *back* (т.-е. средняя часть спинки языка), то гласный принадлежит к *mixed*. По-русски их иногда называют нейтральными гласными. Из гласных этого типа можно упомянуть тот немецкий звук, который заменяет в неударенных слогах звук [e], он изображается через э; например в *Gabe* [ga:bə], *alle* [alə], *genommen* [ɡenɔmən]. Иногда этот звук факультативен, например таково второе [ə] в *genommen*, также в *Adel* [ʔa:d(ə)l], *hatten* [hat(ə)n], *Übel* [ʔy:b(ə)l]. К *mixed* принадлежит также тот гласный, который имеется в английских *idea* [aidiə], *here* [hiə], *better* [betə], *honour* [ɔnə]. Из лабиализованных к *mixed* принадлежит норвежский звук, который имеется в словах *hus*, *pu* и который является звуком промежуточным между [u] и [y]. Подобный ему звук некогда служил также переходной ступенью в процессе развития французского [y] из латинского [u], например в *une* < *una*, *lune* < *luna*.

Нужно помнить, что деление на три класса условно — внутри каждого из них могут быть более передние и более задние звуки. Так английское [ə] — звук более задний, чем э в немец-

ком. Русское *ы* [ш] нередко причисляют к *mixed*, но между тем это только немного продвинутый вперед *back*. Если мы от гласного [u], являющегося несомненным представителем типа *back*, отыщем губную работу (сохранив положение языка), то получится звук, очень напоминающий русское [ш] (но еще более близкий к [ш], типичному для многих турецких языков, напр. киргизского, азербайджанского, якутского).

§ 58. По степени поднятия (какой-либо точки) языка к небу система Bell'a и Sweet'a различает также три степени: гласные с сильным поднятием языка — *high* (сокращенно *h*); гласные с менее высоким поднятием языка — *mid* (сокращенно *m*); и гласные с еще более низким положением языка — *low* (сокращенно *l*). Во французской терминологии обычно различают 4 степени: *voyelles fermées*, *mi-fermées*, *mi-ouvertes* и *ouvertes*. Но, разумеется, слова *fermé* и *ouvert* (как и русские закрытый и открытый или узкий и широкий) могут иметь и относительное значение. Важно отметить, что гласные узкие с точки зрения положения языка (т.-е. приближения языка к небу) являются обычно узкими также и по размеру челюстного угла (см. § 54) и, если они лабиализованные, по величине губного отверстия (см. § 55).

К типу *high* принадлежат: [i], [u], [y] (*voyelles fermées*). К *mid* — [e], [o], [ø] (*voyelles mi-fermées*). К *low* — [ɛ], [ɔ] [œ] (*voyelles mi-ouvertes*) и [a], [ɑ]¹ (*voyelles ouvertes*).

§ 59. Переходя к третьему делению гласных по работам языка, — к делению на напряженные и ненапряженные, нужно указать, что под напряженностью языка разумеется более сильное сокращение его мускулов, благодаря которому поверхность языка становится более твердой. Подобно тому, как большая или меньшая твердость материала, из которого сделан

¹ Сохраняя за символом [a] родовое значение звуков типа «А», символом [ɑ], в случае надобности, я буду обозначать задний вариант «А» (каково турецкое а или французское а: [ɑ:] в слове *pâte*), в отличие от а среднего (как в русском) или а переднего (как французское а в *patte*).

духовой инструмент, отражается на качестве звука, большая или меньшая напряженность языка дает отличные оттенки гласных. Так гласные напряженные отличаются особенно определенным, как бы металлическим тембром. Таковы все гласные во французском языке. Наоборот, в русском на тембре отражается дряблость и ненапряженность языка, которая является одним из главных дефектов «русского произношения» для французского языка. Bell и Sweet обозначают гласные напряженные термином *narrow* (сокращенно *n*), ненапряженные же — *wide* (сокращенно *w*). Нужно заметить, что иногда под этими терминами понимается просто большая или меньшая выпяченность и выгнутость языка (т.-е. тонкие оттенки того самого, что выражается терминами *high*, *mid* и *low*). Дело в том, что напряжение мускулов известной части языка способствует некоторому выпячиванию кверху его поверхности. Потому можно встретить, например, противоположение звуков: французского [ɛ] английскому [æ] (тому гласному, который имеется в *man*, *bad*) по напряженности первого и ненапряженности второго: [ɛ] названо *lfnu*, т. е. *low front narrow unround*, а англ. [æ] названо *lfw u*, т. е. *low front wide unround*. Но существенное различие между этими гласными состоит главным образом в меньшей приподнятости (и следовательно меньшем приближении к небу) передней части спинки языка.

В нижеследующих очерках фонетического состава различных языков я не буду прибегать к делению гласных на напряженные и ненапряженные (указав, однако, что все французские гласные более напряжены, чем русские).

§ 60. Для примера я приведу физиологические характеристики следующих французских гласных, служащих типичными и для ряда других языков: [i], [e], [ɛ], [u], [o], [ɔ], [y], [ø], [œ].

[i]	hfnu	т.-е. high front narrow unround
[e]	mfnu	т.-е. mid » » »
[ɛ]	lfnu	т.-е. low » » »

Следовательно, [i], [e] и [ɛ] суть гласные передние, напряженные и нелабиализованные, отличающиеся друг от друга разными степенями приподнятия языка к небу.

[u] h b n r, т.-е. high back narrow round

[o] m b n r, т.-е. mid » » »

[ɔ] l b n r, т.-е. low » » »

Следовательно, [u], [o] и [ɔ] суть гласные задние, напряженные и лабиализованные, отличающиеся друг от друга разными степенями приподнятия языка к небу.

[y] h f n r, т.-е. high front narrow round

[ø] m f n r, т.-е. mid » » »

[œ] l f n r, т.-е. low » » »

Следовательно звуки [y], [ø], [œ] суть гласные передние и лабиализованные, отличающиеся друг от друга различными степенями приподнятости языка к небу. Язычные работы при них одинаковы с язычными работами ряда [i], [e], [ɛ]; а губные — с губными работами ряда [u], [o], [ɔ].

В качестве примера, повторяющего важнейшие основные типы гласных (встречающихся в массе других языков), приведу перечень гласных туркменского языка.

Туркменская система вокализма содержит 16 гласных фонем: 8 кратких и 8 долгих:

Краткие:

1) i — h f u

2) e — m f u, напр. в بهر [ber] «дай!»

3) y — h f r

4) ø — m f r, напр. в گۆر [gøɾ] «смотри!»

5) ш — h b u

6) u — h b r

7) o — m b r

8) а [точнее = А]. Туркменское краткое а может быть, в общем, причислено к типу l b n (low-back-unround), но, в отличие от долгого, обладает все-таки сравнительно — сильным

поднятием задней части языка к нёбу, т.-е. приближается к типу *m b r* (mid-back-unround, для которого символом служит знак [ʌ]).

Пример: داش [daʃ = dAʃ] «далекий» (ср. сев.-узб. taʃ «вне» и соответствия в других языках: якутском, чувашском и т. д.).

Долгие:

1) i — долгое *h f u*

2) æ — » *l f u* напр. в بَاش [bæ:ʃ] «5»

3) y — » *h f r*

4) ø — » *m f r* напр. в گور [gø:r] «могила»

5) ш — напр. в غين [gʷ:ð]. Это звукопредставление (долгого «ы») фактически произносится на манер дифтонга [ʃi] (или, может быть, даже [ʃi]), так что определение *h b u* подходит только к началу этого неоднородного гласного

6) u — долгое *h b r*, напр. в دوز [du:ð] «соль»

7) o — » *m b r*, напр. в لود [o:d] «огонь»

8) а [= a:] — долгое *l b u*, напр. в داش [da:ʃ] «камень» (ср. сев.-узб. Иканск. и т. п. [ta:ʃ] и соответствия в других языках: см. выше).

Особым дифференцирующим моментом — как в гласных, так и в согласных — является момент долготы или краткости (или количества гласных и согласных). Мы условимся краткий вариант гласного или согласного оставлять без особого знака, а долгий — обозначать двоеточием после данного транскрипционного знака, напр. [a:, n:].

Особенно часто приходится иметь дело с количественной дифференциацией гласных звуков (долгие же согласные обыкновенно учитываются языковым мышлением как два последовательных тождественных звукопредставления, т.-е. [n:] = nn, — несмотря на то, что фактически-то произносится обычно именно один долгий согласный, а не 2 кратких: напр. в [atta = at:a] мы имеем одну лишь (долгую) смычку — при t: — и один, а не 2 взрыва этой смычки).

В очень большом количестве языков существует принципиальное (фонемное) различие двух количественных категорий гласных: долгих и кратких. Таковы: санскрит, древне-греческий, латинский (и некоторые другие древние индо-европейские языки, унаследовавшие это различие из обще-европейского праязыка),¹ а из живых языков: немецкий, французский, английский (где впрочем количественные отличия гласных идут параллельно с сравнительно крупными качественными различиями), сербский, литовский, латышский, чеченский² и ингушский, некоторые из турецких языков (якутский, туркменский, мешчерский (нижегородский) и диалектический узбекский [северно-узбекские говоры кышлаков Икана, Кара-Булака, Манкента, говор города Хивы и нек. др.], а с другой стороны киргизский³ [«каракиргизский»] и др.), монгольские языки, японский (кроме северо-восточных и некоторых южно-Кюсюских говоров [Кумамото, Сацума]), рюкюский⁴ и ряд других (сюда

¹ Хотя для древнейшего из достижимых реконструктивным методом периода индо-европейского языка можно допускать и отсутствие принципиально-долгих гласных (т.-е. иначе говоря предполагать *вторичность* индо-европейских долгот).

² Впрочем о специфическом характере существующих в чеченском языке количественных категорий гласных (простых и полифтонгических) см. ниже: подстр. примеч. к стр. 197, и «Фонетическую характеристику чеченского языка».

³ В якутском, туркменском, нижегородском мешчерском, Кара-Булакском узбекском (как и в древних: уйгурском, орхонском и в языке Махмуда Кашгарского) сохраняются древние, обще-турецкие долготы гласных [напр. як. *цот* «огонь» (где *ц* — долгий полифтонгический, т.-е. неоднородный гласный, восходящий к *o:), туркменское o:d, мешчерское o:t, Кара-Булакское o:d-, уйгурск. *فام* т.-е. «oot»]. В киргизском же, уже после конвергенции (совпадения) обще-турецких долгих с краткими, образовались новые долготы из стяжения двух слогов, напр. в *се* ег «седло» (в отличие от *се* ег «муж»): сравни узбекск. *egæ* *ئىگە*, «седло»; или же в киргизск. *то*: «гора» — из **taw* ← **taB*. В казакском же, как и в узбекском (Ташкентском и др. говорах, но не в Иканском, Кара-Булакском и т. п.) категория парных долгих гласных отсутствует; мнимые же долгие гласные — *وۇ* *وي* — являются на самом деле дифтонгами (из гласного + согласного *j* или *w*), в Ташкентском [*ɟ*], [*ɟw*], в казакском — [*ɟ*], [*ɟj*], [*ɟw*], [*ɟw*].

⁴ Значительная часть Рюкюских долгот происходит из стяжения древних двусложных сочетаний в тех же приблизительно случаях, как в японском

можно, с известными оговорками, причислить и китайский, где однако количество тесно связано с представлением музыкального слогуударения — см. ниже «Фонетическую характеристику кит. языка»).

Весьма редко — лишь в качестве обще-фонетического исключения — встречаются фонетические системы, различающие более двух степеней гласных (и согласных); таковы, напр., финский и эстонский языки.¹

В эстонском, например, различаются следующие 4 степени долготы гласных и согласных [условлюсь оставлять первую степень без всякого дополнительного знака, вторую степень обозначать двоеточием :, третью — через ·, и четвертую — через :: после буквы]:

1) Краткий гласный (или согласный). Примеры (для Ревель-

центральном и сверх того в тех случаях, где японские центральные сохраняют еще дифтонг, а периферии — северо-восточные и с др. стороны Кюсюские говоры — имеют уже монофтонг [— уже краткий в сев.-восточных и долгий в большинстве Кюсюских]; но в известной части случаев Рюкюская долгота соответствует акцентуационным различиям в зап.-японском (в частности мелодии [˘], как в рюк. ku:ba: || Киото kumō [Нагасаки ko'bu] «паук»; в праязыке этому [˘] и рюкюской долготе соответствовало, очевидно, сочетание гласного с носовым). В односложных же основах, имеющих в Токио краткий гласный, в рюкюском мы встречаем долгий, т.-е. то же удлинение односложных основ, как и в Киотоском. При этом интересно отметить, что все гласные долготы (несмотря на их весьма значительную длительность в разговорной рюкюской речи) сокращаются в рюкюском поэтическом языке: напр. фа: («сторона» — из кит. фау → *раМ → рюк. фа: [яп. фау → ho:]) и оги («зеленый» ← *ao-igo) при чтении стихов произносятся с краткими гласными а, о (и в рюкюском стихосложении — в противоположность японскому — разговорная долгота гласных совершенно игнорируется: оба слога в оги 青色 или в sotī 添テ [— в поэтич. языке оги, sotī] представляют вполне равновеликие единицы в стихе).

¹ Совсем иного характера четверное различие гласных (одного и того же приблизительно ровного уклада) в чеченском языке, куда входят 1) краткие и долгие *простые* и 2) краткие и долгие *дифтонгические* (точнее п о л и ф т о н г и ч е с к и е) гласные фонемы. Правда, с физической точки зрения можно и в чеченском различать 3 (по крайней мере) количественных категории одного и того же гласного (простого); но это если считать и комбинаторные различия (которые не будут принципиальными различиями) — между гласным в закрытом и открытом слоге.

ского говора¹): *pi:me* «темно», *tuli* «пришел»; *t* в слове *tyk':*² [*tükk*] «кусок» ← нем. *Stück*.

2. Ординарно-долгий гласный (или согласный): *pi:ma* «молоко», *tu:l* «ветер» *tu:le* Genitiv. «ветра», *hu:l* «губа» *hu:le* Genitiv. «губы»; *tyk':* «кусок».

3. Ультра-долгий гласный: *pi:ma* Partitiv.³ «(нет) молока», *tu:le* Partitiv. «(нет) ветра» *hu:le* Partitiv. «(нет) губы»; *tyk':i* Partitiv. «(нет) куска».

4. Удвоенный долгий, или максимально-долгий гласный (или согласный): *pi::ma* Illativ. «в молоко», *tu::lde* Illativ. «в ветер» (дублиеты *tu::le* и *tu:les:e*⁴), *hu::lde* Illativ. «в губу» (дублиеты *hu::le* и *hu:les:e*⁴); *tyk':i* Illativ. «в кусок».

Необходимо отметить, однако, что здесь морфологические

¹ Наблюдалось произношение уроженки Ревеля — Б. А. Поливановой-Нирк.

² Знаком ' (напр. *k'*, *t'*) я отмечаю характерную для эстонских (Ревельского говора) «мягких» степень палатализации. По сравнению с русскими «мягкими» (*ть* *сь* и т. д.) эстонские *t'* *k'* и т. д. могут быть названы «полумягкими», и напоминают, в общем, комбинаторные полу-мягкие моего, напр., русского произношения (— перед следующим «мягким»), каково например *s=s'* в слове *снять*. В позиции перед *i* значек ' можно было бы опускать (так как здесь данная степень «мягкости» обусловлена комбинаторно); но разумеется там, где «полумягкие» стоят в независимой позиции (а именно на конце слов — напр. в *pu:t'* «*puut*» «кнут», *tyk':* «кусок»), обозначение полу-мягкости обязательно (для «по-фонемной» или психофонетической транскрипции). С исторической точки зрения, эти, свойственные Ревельскому говору, представления парных «полу-мягких» согласных являются чертой сравнительно недавнего происхождения, а с другой стороны, вряд ли и окажутся долговечными в будущей истории говора. Интересной особенностью эст. полу-мягких долгих является неодинаковая степень палатализации (т. е. изменение уклада языка) от начала к концу согласного. Наконец, укажу на наличие случаев, где мягкость согласного — не обычного историко-фонетического происхождения, а может быть поставлена в связь со специфическим значением слова (что является достопримечательным, как пример так называемой *La u t s y m b o l i k*).

³ Падеж этот, соответствующий (по значению) русским Partitiv'am на -у чаю (*čaj-u*), сахару (*saxa-h-u*), в эст. грамматике называется *Osastav* (от *osa* «часть»; ср. лат. *pars*, откуда и термин *Partitivus*).

⁴ В этой последней форме имеется уже ординарная (а не удвоенная) долгота, так как признаком падежа здесь служит особый суффикс.

ассоциации¹ (различение падежей: Genitiv. [и Nominativ.] — Partitiv. — Plativ.) зависит не только от чередований количества, (т.-е. различений типа u: — u:• — u:: и т. п.), но и от музыкально-акцентуационных чередований, сопровождающих названные количественные различения: именно каждая из степеней *домоты* (т.-е. вторая, третья и четвертая степень количества гласного, resp. согласного) служит субстратом для осуществления своеобразной мелодии голосового тона (при чем, оказывается, характер этой мелодии стоит в органической связи с данной степенью долготы; это лучше всего видно в том, что на удвоенную, или максимальную долготу приходится двойная по своему составу мелодия).

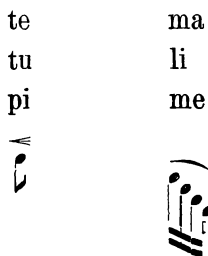
Переходя к мелодической характеристике указанных чередований, нужно начать с простейшего случая фонетического состава слов. Двусложное слово из кратких слогов имеет (в большинстве случаев²) музыкально-силовое ударение³ на первом слоге, который отнюдь, однако, не удлиняется от этого; наоборот, гласный второго (следующего за ударенным) слога бывает более длителен, чем гласный первого, сопровождаясь вместе с тем (независимо от интервала вниз от первого слога ко второму) понижением голосового тона внутри данного гласного; такова по крайней мере, картина изолированного произношения эст. слова (а эту позицию и нужно считать типологически-важной, как наиболее благоприятную для осуществления имеющегося в произносительном намерении фонетического пред-

¹ Различие двух первых (1-ой и 2-ой) степеней количества обычно сема-сиологизуется, а 2-ой, 3-ей и 4-ой морфологизуется (как деклинационное чередование) в эст. языке.

² Ввиду доминирующей нормы в эст. языке ударение приходится на первый слог. Но под влиянием других языков некоторые (заимствованные) слова усвоены уже с не-начальным ударением. Интересно, что старшее поколение остается зачастую верным общей норме и в этих словах. Напр. имя (для Эстонии — шведского происхождения) Brigitta стариками произносится как prigit:a с начальным ударением (а также с глухим р в м. b в начале слова).

³ Т.-е. состоящее из краткого экспираторно-силового удара (ictus'a) и относительной высоты гол. тона (по отношению к неударному, т.-е. ко второму слогу).

ставления слова). Таким образом слова типа *tema tuli pime* и т. д. произносятся со следующей мелодией:

При ординарной долготе (т.-е. 2-ой степени количества) первого слога, напр. в *Genitiv'ax* *pi:ma tu:le hu:le* и т. п., вторая часть долгого гласного играет, в мелодическом отношении, роль, соответствующую второму слогу слов *tema tuli pime*. Иначе говоря, музыкально-силовое ударение приходится лишь на первую часть долгого гласного. Если мы обозначим¹ мелодию слов *tema tuli pime* в виде *te_Lma tu_Lli pi_Lme*, то слова со 2-ой степенью количества в первом слоге выразить придется так: *pi_L:ma tu_L:le hu_L:le*.

При ультра-долготе (т.-е. 3-ей степени количества) первого слога [т.-е. в *Partitiv'ax*] скачок голосового тона вниз (соответствующий скачку в *te_Lma tu_Lli pi_Lme*) имеет место уже значительно позднее, чем в предыдущем случае (в *Genitiv'ax* *pi_L:ma tu_L:le hu_L:le*), именно уже на самом исходе гласного — при переходе ко второму слогу. Мелодия этих *Partitiv'ov* может быть, следовательно, выражена так: *pi:~_Lma tu:~_Lle hu:~_Lle*.

И наконец при двукратной долготе (4-ой степени количества) первого слога мы имеем и двойную по своему составу мелодию — в частности нисходяще-восходящую (˘). Транскрибировать формы *Plativ'a* (*pi::ma* и т. д.) можно, следовательно, так: *pi_L:~_Lma* или сокращенно — *pi:~_Lma* и т. д. Впрочем, нисходяще-восходящий характер не является единственно-возможным

¹ Пользуясь теми же знаками *Г* и *г*, которые я употреблял уже (с тождественным значением) при описании западно-японской муз. акцентуации (говоров Киото и Тоса) — см. выше.

в слогах этого типа (с 4-ой степенью количества): в зависимости от привходящих (эмфатических или синтаксических) условий вместо нисходяще-восходящей допустима, повидимому, и восходяще-нисходящая; но во всяком случае в обоих этих вариантах на-лицо именно *двойная* по своему составу мелодия (в которой ординарная нисходящая мелодия, присущая Genitiv'am, уменьшается именно как *половина*, что соответствует и соотношению количеств гласных: $[i:] : [i:] = 2 : 1$). В итоге у нас наметилось, в связи с различиями количества гласных, 4 разных мелодических типа двусложного слова:

$\text{'}ri}_L\text{me}$
 $\text{'}ri}_L\text{:ma}$
 $\text{'}ri:}\text{'}_L\text{ma}$
 $\text{'}ri}_L\text{:'}_L\text{ma}$

Что является первичным для эст. языкового мышления в этих чередованиях: количество или мелодия? — на этот вопрос трудно дать категорический ответ. Во всяком случае здесь мы имеем две физических стороны одного и того же психофонетического представления; они взаимно дополняют друг и друга, но каждая сохраняет свою потенциальную значимость и сама по себе. Это подтверждается уже тем обстоятельством, что в специфических комбинаторных условиях, где один из этих моментов вынужденно отсутствует, символическая функция в достаточной мере выполняется вторым. Например при глухости согласного в Illativ'e $\text{tyk}':i$ нисходяще-восходящая мелодия, конечно, не осуществляется как таковая: уцелевает лишь небольшой намек на нее в специфической акцентуации гласного у; выразителем формы (Illativ'a) выступает, значит, количество согласного.

Но есть и обратные случаи: в дифтонгах (где, повидимому, произошло сокращение и конвергенция 4-ой, 3-ей и 2-ой степеней количества благодаря положению *перед другим гласным*) носителем морфологического различия становится одна лишь мелодия: напр.

Genitiv. ʔka₁evu «колодца» ʔla₁eva «корабля»
 Partitiv. ʔkaeʔ₁vu » ʔlaeʔ₁va »
 Illativ. kaʔ₁evu «в колодец» laʔ₁eva «в корабель».

[Вероятно в этих формах произошла конвергенция (т.-е. нивелировка количества) дифтонгов *a:·e, *a:·e и *a:·e. Позиция перед другим гласным, как показывают примеры в истории разных языков, является чрезвычайно благоприятствующей для сокращения долготы].

§ 61. В ряде же языков принципиальное различие долгих и кратких гласных, наоборот, совсем отсутствует (т.-е. отсутствуют парные категории долгих и кратких вроде a: o: e: и т. д. | a o e и т. д.), хотя при этом тем не менее могут существовать комбинаторные различия в количестве гласных.

Это мы встречаем, напр., в русском языке, где не может быть словоразличения в роде [dom | do:m]²; тем не менее всякий ударенный гласный в русском языке оказывается сравнительно долгим (т.-е. получает комбинаторную долготу — именно ввиду комбинации с представлением ударения) по отношению к неударенным гласным (в среднем — в 1½ раза длиннее неударенного).

Такую же комбинаторную долготу (буду обозначать ее одной точкой сверху строки, напр. [a·]) мы находим и в Аоморийском говоре японского языка, где все нормально-японские долготы (как гласных, так и согласных) уже сократились: тем не менее конечный слог слов, соответствующих Токиоским «дзэнхэй'ям» (全平), произносится в этом говоре с сравнительно большой длительностью, чем в других типах слов, напр. saga· «тарелка» 皿, hana· «нос» 鼻 (Токио saga hana), но этого удлинения не происходит при сильном подъеме голосового тона в ha¹na «цветок» 花 (Токио ha¹na).

Есть и другие комбинаторные условия количественных вариаций: главнейшие факторы состоят здесь 1) в составе слога:

² Диалектическое явление в виде вятского, напр., долгого а в быва́т (вм. быва́ет), мы здесь не рассматриваем.

в массе языков гласный закрытого (оканчивающегося на согласный) слога будет короче, чем гласный открытого слога: этим обусловлена дивергенция вульгарно-латинских гласных в романских языках (напр. e^{\downarrow} и eO^{\downarrow}); этим же объясняется то, что обще-кит. *ip, *it, *ik — через ступень $i^?$ (入聲) — совпадают в мандаринском главным образом не с долгими, а с краткими тонами (2-ым и 4-ым). Примеров подобного комбинаторного чередования (сравнительно долгого — в открытом, и краткого гласного в закрытом слоге) можно было бы привести множество (напр. профессор Миллер констатирует это явление в талышском языке, а О. Сухарева — в таджикском диалекте персидского языка), 2) в конечной позиции в слоге, которая в целом ряде языков обуславливает сравнительную краткость гласного [как будто противоречащее этому явление — в английском, где в конечной позиции в слове возможны только долгие гласные фонемы, имеет, конечно, специальное объяснение]. Между прочим, допуская такое сокращение конечных гласных в эпоху образования иранизованного диалекта узбекского языка, я нахожу возможным объяснить этим тот факт, что конечное *а турецких слов дало в этом диалекте (по крайней мере в Ташкентском, Самаркандском и Бухарском) звук æ [или ϵ] (т.-е. уподобилось таджикской относительно краткой фонеме æ [или ϵ]), тогда как *а неконечное дало э (уподобившись таджикской длительной фонеме э): напр. *ata [= *a'ta] → Ташк. ətæ [= ɔ'tæ], Самарк. ətɛ [= ɔ'tɛ] и т. д.

Наконец в ряде языков количественные признаки сопровождают собою качественные различия гласных. Укажу в качестве примера на таджикский (Самаркандский) или же на узбекский иранизованный (Ташкентский или Самаркандский, где в сущности та же система вокализма, что в таджикском): 6 гласных фонем этих диалектов располагаются в следующие категории по их количественной характеристике:

1) весьма краткие гласные: i и

Примечание. Не останавливаясь здесь на качественном

различии между Ташкентским 1 и соответствующим Самаркандским (узбекским и таджикским) звуком, я условно обозначаю их одним знаком: 1. О случаях выпадения [1] см. выше.

2) краткий: æ (в Ташк.; в Самарк. ε1).

Примечание. ε1 в таджикском восходит к обще-иранскому краткому *а, напр. тап «я» ← др. перс. род. пад. тапа ← и.-е. *mene (ср. слав. МЕНЕ).

3) сравнительно-долгие:

е	о	или е	о
э		э	о

Примечание. Таджикские е о восходят к индо-европейским дифтонгам (в обще-арийской форме *ai, *au), напр. тадж. dew «див» ← *daiwa (ср. скр. dēva-h «бог»). Таджикское э (Ī) восходит к обще-арийскому *a:, напр. dād «дал» ← *dā-ta (и.-е. √ *dō, ср. лат. dō-ni-m, греч. διδωμι, слав. ДА-ТИ).

§ 62. Всякий гласный в нашей речи не является, строго говоря, вполне однородным на всем своем протяжении. При этом особый качественный уклон гласного в его различные последовательные моменты — от начала до конца гласного — зависит обыкновенно от соседних звуков (видоизменяющих прежде всего, разумеется, ближайший к ним период: начало или конец гласного). Так, например, русское ударенное [а] в слове тятя физически довольно сильно отличается от [а] в слове дам [dam] — несмотря на тожество произносительного намерения (т.-е. тожество фонемы а) в обоих случаях. Схематически состав этого [а] (в первом слове тятя) можно изобразить в виде ряда постепенно сменяющих друг друга звуков; грубо-приблизительно их можно обозначить, напр., так:

$\acute{s} \ i \ e \ \varepsilon \ \text{ä} \ \varepsilon \ a \ \varepsilon \ \text{ä} \ \text{æ} \ \varepsilon \ i \ \acute{s}$

Начало и конец (а в действительности большая часть всей фонации) здесь вовсе не являются звуком [а], а более передними

звуками — под влиянием предшествующего и последующего палатализованного [tʰ]. При более или менее беглом произношении период чистого [a] может даже совсем отсутствовать: вместо него в центре гласного будет звучать [ḁ̈].

Наоборот, качественный состав а в слове дам (т.-е. в положении после «твердого» переднеязычного — апикального [d] и перед губным носовым [m]) выразится (схематически и опять таки грубо-приблизительно) так:

ṛī ṭī ī ē ə ɤ ʌ ǣ ǣ̃ ǣ̄ ǣ̅ ǣ̆

Это не мешает нам, однако, принципиально мыслить однородное (и постоянное в разных словах) звукопредставление (—ударенного [a]).

§ 63. Но в некоторых языках, наоборот, определенная *неоднородная* структура гласного оказывается принципиальной его характеристикой, т.-е. сам гласный, как таковой, — независимо от влияния соседних звуков, — должен видоизменяться в определенном направлении от начала к концу фонэпии.

Таковы, напр., полифтонги (букв. «многозвучия») или полифтонгические фонемы якутского, восточно-лужицкого, латышского, чеченского и китайского (Пекинского, Мукденского, Шаньдунского и др.). В якутском сюда относятся *ie uə ɕa ɕo* (в якутском «Новгородовском» алфавите: *к w ь ѵ*), т.-е. полифтонги (или полифтонгические фонемы, — но не дифтонгические сочетания двух фонем)¹ заменившие собою древне-якутские (б. ч.

¹ Это доказывается в частности тем, что последний элемент указанных «полифтонгических фонем», т.-е. их элементы [e, ø, ʌ, o] оказываются более закрытыми (узкими), чем существующие в як. языке соответствующие краткие фонемы: *ε æ a* [точнее = *a*] *э*. А если бы наоборот мы имели бы здесь просто «дифтонгические сочетания 2-х кратких фонем» *i + ε, y + œ, ɕ + a, u + ɔ*, — то мы вправе были бы ожидать, что второй элемент этих дифтонгов будет, в общем (или по крайней мере при особо старательном произношении) равен звукам *ε œ a ɔ* в изоляции.

обще-турецкие) долгие гласные *e:, *ø:, *u:, *o:;¹ поэтому-то и нынешние ie, yø, ша, uo играют в современной якутской системе роль долгих гласных.

В северно-китайском к таким «полифтонгическим гласным» принадлежат:

1) сужающиеся:	<u>ei</u>	<u>ou</u>
2) расширяющиеся:	<u>iæ</u>	<u>шə</u>
	<u>yæ</u>	<u>ə₂(əa)</u>

[См. ниже «Краткую фонетическую характеристику кит. языка» (таблица третьих элементов силлабемы)].

И, наконец, из японских диалектических фактов сюда относится дифтонгическая (или полифтонгическая) фонема [ʼa:] (и ее более редкий вариант [ʼa]) в Нагасакском говоре деревни Мие: напр. tʼa:ʽko «барабан» — из *taiko, tatʼa:ta Praeteritum «бил» — из *tataita, tʼa: Dat.-Loc. от ta 田 (из ta-i ← ta-e), ɸtʼai «вдвоем» — вм. ɸutari 二人. Появление этого звукопредставления объясняется принципиальным отсутствием парного «мягкого» согласного для звука t. Поэтому вместо [ʼa:], т.-е. [a:] с предшествующей мягкостью согласного, что мы имеем в этом говоре из *ai после других согласных (напр. jamʼa: Dat.-Loc. от jama, — из *jama-i ← *jama-e), после t (остающегося твердым) оба характерных для [ʼa:] момента (— и сам гласный [a:] и переходный Gleitlaut от мягкого согласного к [a:], заменяемый здесь через [ʼ]) входят в качестве принципиальных элементов в гласное представление — [ʼa:]).

Примечание. [ʼa] в ɸtʼai 二人 находит особое (и при этом довольно сложное) объяснение.

¹ Например як. bies ← *be:š «б» (ср. туркм. bæ:š), як. tyørt ← *tø:rt «4» (ср. туркм. dø:rt), як. туша «лес» ← *tu: ← *tʃu ← *tau (ср. казакск. тау «гора»; отсюда же и чувашск. tu) ← *taB (ср. узб. تاغ), як. uot ← *o:t «огонь» (ср. выше — туркм. o:d, мещерск. ot, уйгурск. «oot»).

§ 64. В большинстве языков в образовании гласных участвует лишь спинка, но не самый кончик (сог^опа или арех) языка. Поэтому мы называем *передними* гласными такие, где работает передняя часть спинки языка (dorsum), тогда как с точки зрения классификации согласных мы назвали бы звук, при котором подымается к небу эта часть языка, не *переднеязычным*, а *среднеязычным*. Сравни определение [j] как *среднеязычного* согласного и соответствующего ему гласного [i] — в качестве *переднего* гласного.

Это расхождение вполне естественно — так как обычно при классификации гласных не имеют в виду возможности апикальной работы, которая так важна при согласных (именно при *переднеязычных* согласных: t d n s r и т. д.).

Однако в некоторых случаях (хотя весьма редко) встречаются и *апикальные гласные*, т.-е. такие гласные (слогообразующие) звуки, при которых кончик языка образует сужение против верхних передних зубов или же прилегающей к ним части твердого нёба. Остальная часть языка при этом не обнаруживает более или менее значительного выпячивания к нёбу, так что местом характерного для данного гласного сужения оказывается именно кончик языка (и с другой стороны передняя часть нёба или верхние передние зубы).

Такие гласные известны мне (по личному наблюдению) только: 1) в северо-восточных говорах японского языка, 2) в китайском (мандаринском).

В северо-восточно-японском сюда относятся фонемы *i и *ü — напр. в Ёнэдава ð^hið^hi ← *juri «лилия», Аомори b^hiŋo вм. *biru «пиявка» [в другом клане fsiro вм. *piru; ср. Киото çirû, Нагасаки bi^hri], i^hdo «нитка» ← *ito, ma^hzî [= ma^hz^hi] «город» ← *matî, *üsî ← *usi^h «корова, бык» [слово обще-японское; рядом имеется местное диалектическое bi^hgo ← b^heko^h; ср. Нагасаки be:be_L., be_Lko, beben_Lko «теленки»]; *üsî ← usu, ср. Токио ɽusu «ступка».

Примечание. Таким образом *usi «корова, бык» и *üsî

«ступка» различаются в Аомори лишь акцентуацией: в первом слове она соответствует Токиоскому дзэнхёю, во втором — ударению на первом слоге.

В северно-китайском сюда относится, главным образом, апикальное $ʔi$ или даже $ʔ$ после свистящих: $s \ ʔz \ c'$, т. е. в слогах $sī | sʔ$ (напр. 死, Шаньдунск. 是), $ʔī | ʔz$ (напр. 子, Шаньдунск. 紙), $c'ī | c'z$ («цы» в русск. транскрипции).

Происхождение апикального характера этих яп. и китайск. гласных объясняется чисто комбинаторно: ассимиляцией гласного (и или i , при том стремящихся к качественной и количественной редукции) к артикуляции предшествующего переднеязычного согласного (— в японском $s \ z \ s$, в китайском $c' \ ʔz / -z \ s$): дело в том, что в северо-восточно-японском гласный $ʔi$ (после глухих $ʔi$) первоначально появлялся именно только после переднеязычных аффрикат и спиранта (т.-е. слогах $*cu \ *ci$ [откуда $cī$], $*zu \ *zi$ [откуда $zī$], $*su \ *si$ [откуда $sī$], т.-е. в слогах, восходивших к обще-японским $*tu \ *ti \ *du \ *zu \ *di \ *zi \ *su \ *si$); потом же — после того как из конвергенции $u \times i \rightarrow ʔi$ (в данных позициях: после переднеязычных спиранта и аффрикат) выработалась особая новая фонема — $ʔi$, — она была подставлена на место всякого старого $*i$ в прочих позициях (таким образом начальное $*i \rightarrow ʔi$, $*ki \rightarrow kʔi$ и т. д.); а для соответствующей замены $*u$ (не участвовавшего в конвергенции $*u \times i \rightarrow ʔi$, т.-е. вне позиции после передне-язычных аффрикат или спиранта) была создана сходная с $ʔi$ по язычной работе, но губная фонема — $ʔü$. Подробности см. в моей статье «Вокализм северо-восточных японских говоров» ДРАН, 1924.

С точки зрения физиологической классификации гласных апикальные гласные типа $[ʔi]$ (и соответствующего лабиализованного $[ʔü]$) можно причислить к категории mixed, однако, лишь с оговоркой, что имеется в виду та разновидность категории mixed, при которой «средний» (или «смешанный») характер гласного обусловлен не тем, что поднимается к нёбу средняя часть спинки (dorsum) языка, а тем, что нельзя решить какая именно

из частей спинки языка (кончик языка, т.-е. *арех*, — не идет в счет) наиболее приподнята к нёбу: язык приподнимается, приблизительно равномерно, всю свою поверхность: и задней, и средней, и передней частью спинки (*dorsum*), а сверх того еще и *арех*'ом.

С точки же зрения акустической, эти аликальные гласные (в частности китайское и японское *ʔ*, которое при известных условиях приобретает характер просто [z] слогового — *z*) могут рассматриваться как промежуточная (переходная) ступень между гласными и согласными.

§ 65. В заключение общего обзора гласных звуков приведу таблицы транскрипционных символов (для гласных) в МФА 1907—1908 г., в видоизмененном (Л. В. Щербой) МФА 1911 г., а также в других универсальных системах транскрипции: Бругмановской и Р. Л. А. Схема расположения символов — так называемый «треугольник гласных», в трех углах которого предполагаются крайние типы гласных: *i* *u*

a

т. е.: 1) узкие вверху, широкие внизу, 2) передние налево, задние направо (*a* промежуточные ступени занимают соответственное промежуточное положение), или наоборот.

Лабializedанные — в отличие от нелабIALIZEDанных заключены в скобки, напр., (*u*).

1. Гласные символы МФА 1907—1908 гг. (по брошюре проф. Л. В. Щербы).

(u ù) ш	(ü)	ĩ	(ý y) ì ï
(ʊ)			(ʏ) ɪ
(o ò) v	(ö)	ě	(ø ø) è e
		ə	
(ɔ) ʌ	(õ)	ǣ	(œ) ε
		ʋ	æ
ɑ			а

Объяснения знаков.

и — итальянское *и*, французское *ou*; u — очень закрытое о;¹ o — закрытое о французского *beau*; э — открытое о французского *tort* или еще лучше итальянского *notte*; а — а во французском *pas*; а — а французского *rat*; æ — а южно-английского *tan*; ε — е французского *fer*; е — е французского *né*; 1 — очень закрытое е; ш — ц, произносимое без округления губ; л — точно так же произносимое э (разновидность английского *but*); œ, ø, у — гласные ε, е, i, произносимые с округлением губ — ср. французские слова *peur*, *peu*, *ni*; y — промежуточное между ø и у (шведское *hus*).

ì, è, ò, ù — ненапряженные гласные: слышатся в английских словах *pin*, *pen*, *no* (nò), *put*.

ä, ë, î, ö, ü — средние гласные (mixtes): ä — гласный, слышащийся в южно-английском слове *fur*, î — гласный кимрского (уэльского) *in*; ü — норвежского *hus*.

ə может употребляться в качестве знака для так называемых неопределенных гласных, в неударенных слогах, например, е во французском слове *Tournefort*; в — в случае надобности может употребляться для такого же гласного, но более открытого.

Носовые гласные, не имеющие специального знака, обозначаются так: ê — *in* (французское), œ — *in* (фр.). ĩ — гласный португальского *fin* и т. д.²

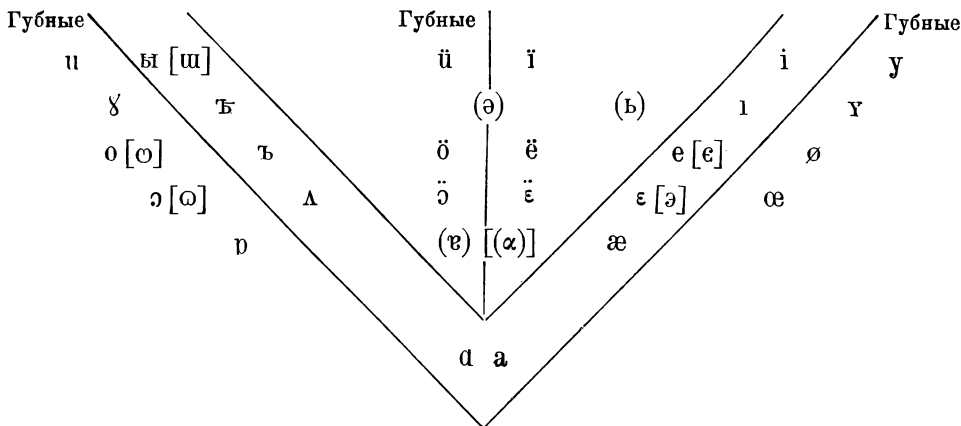
Дополнительные знаки. Долгота обозначается :, ударение — в случае надобности — косой чертой (') перед ударенным слогом. Шопотные гласные обозначаются запятой вверху: u, i. Гласные напряженные обозначаются акутом, ненапряженные — грависом: немецкие gú:t, dùm; английские fí:t, fit.

¹ Следовательно, этот знак (u) можно было бы применить к узбекскому (Ташкентскому и Самаркандскому) закрытому о (в новой узб. графике ۋ, شۇ). Е. П.

² Встречается еще, напр., в чеченском. Е. П.

┐ после буквы означает язык более впереди, ┐ — более позади, Т — рот более открыт, Л — рот более закрыт,) — губы более округлены, (— углы губ раздвинуты.

Таблица знаков для гласных в переработке МФА 1911 г. (Л. В. Щербы).

Объяснения знаков.

Особого объяснения таблица гласных не требует, кроме разве того, что двумя точками обозначены гласные mixed. Что разумеется под этим термином — дело каждого пользующегося, как это, впрочем, имело место и до сих пор. В круглые скобки взяты знаки для *иррациональных, редуцированных, неопределенных*, т. е. особо кратких, стремящихся к нулю гласных: э — более закрытого, ѣ или α — более открытого, ь — более переднего (наклонного к і).

Я заменил неудобное у м. а. славянским ѣ, прописное І просто і без точки наверху. Для заднеязычных негубных я взял знаки русский и болгарский, как подходящие по своему значению; только я соединил чертой обе части русского ѣ, для того чтобы оно не могло быть принято за 2 знака.

р для очень открытого о давно предложено уже в Maître Phonétique и многими употребляется. Для открытых и закрытых

о и е я допустил также знаки, употребляемые Бодуэном, хотя лично мне они и не нравятся по мнемотехническим соображениям. [Л. В. Щерба «К вопросу о транскрипции», стр. 11, 14—15].

Знаки для гласных, употребляемые Бругманом.

и у ѱ і
 о ö е
 ɔ ȳ ɛ
 а

Наконец, приведу еще знаки для гласных РЛА (Русской Лингвистической Азбуки) — по схеме четырехугольника (квадрата) гласных:

Д в и ж е н и е я з ы к а									
Д в и ж е н и е г у б	назад; отверстие длинное	вперед; отверстие узкое.			инди- ферентн.	назад; отверстие широкое.			Ы
		і							
	вперед; отверстие круглое.	ё	е	ä	э	а	е	ё	Ы
			ö	ö	ö		о	о	о
		у							у
Н ё б н ы е.					Г о р т а н н ы е.				

Дополнительные знаки:

- 1) Энергический выговор: а, о.
- 2) Слабая артикуляция: е, і.
- 3) Долгота: ā, ē.
- 4) Краткость: ă, ĕ.
- 5) Носовой оттенок с начала до конца гласного: а̃, о̃.
- 6) Носовой оттенок к концу гласного: а̂, о̂.
- 7) Двухсложное произношение гласных: рус. на'ука.
- 8) Односложное произношение гласных: кля'за или кляѹза.
- 9) Перерыв между гласными: араб. са'ала.

[Л. В. Щерба «К вопросу о транскрипции» стр. 19—20].

§ 66. Лично я в настоящей работе буду употреблять (на основе МФА) следующие символы гласных звуков:¹

Нелабиализованные.										Лабиализованные.			
i										ш	у		и
	1									ы	ү		Ѹ
		ь			ъ								Ѹ
		е		э		ѣ						ø	о
		ε				Δ						œ	ɔ
			æ	α	Λ								
			ei	α									
				а									

Две точки " над буквой означают mixed или уклон в сторону mixed.

Обозначение носовых (̃), глухих (̣) и пр. варьаций указывалось выше.

Психологические элементы фонетики (Психофонетика).

§ 67. В предшествующих параграфах (§§ 16—66) устана-

¹ Первоначально я предполагал включить в настоящий курс подробную схему с большим числом теоретических вариантов каждого типа, но так как использование такой прецизированной транскрипции требует громадной точности наблюдений (или же инструментальных, в частности рентгенографических данных), а иначе вместо точности мы рискуем давать просто ошибочный выбор знаков, — я отказался от этой затеи.

вливались различия между отдельными звуками в зависимости от звукопроизводных работ при них; но нужно иметь в виду, что, во 1), не все физиологические и физические различия между звуками (т.-е. различия по звукопроизводным работам и по акустическому составу звуков) имеют одну и ту же ценность для языка, как средства общения, и что, во 2), в разных языках ценность какого-либо различия между двумя звуками может быть различной; иначе говоря, отношение языкового мышления к известному качеству звука может быть различно.

Примером звуковых различий, мало важных для языка, как средства взаимного понимания, может служить хотя бы то, что какое-нибудь русское слово, напр. вода [vada] способно быть произнесенным на разные лады — громко или тихо и даже шепотом, быстро или медленно, отчетливо или неряшливо, может, быть даже гнусаво, в нос — и при всех этих физических и физиологических отличиях составляющих его звуков, оно остается все-таки тем же словом с тем же значением; а ведь при быстром неряшливом произношении гласный первого слога бывает другим, чем при чеканном произношении нараспев; при гнусавом же произношении носовой гласный заменяется носовым. В слове топот [topat] гласный второго слога может быть при старательном произношении звонким, а при неряшливом — глухим. Но мы, однако, не задумаемся признать оба произношения за одно и то же слово и не привыкли отличать одно из них от другого. Ср. выше (стр. 80) о двух возможных произношениях южно-японского (гов. дер. Мие) слова ha₁śi (или со звонким или глухим [i]), а также о допустимости и глухого [a] (т.-е. произношения [haśi] с нисходящей мелодией внутри гласного [i]).

Но попробуем заменить в слове [vada] ударенный гласный через звук [ш] — получится совсем другое слово: воды [vadш]. Следовательно, различие между ударенным [a] и ударенным [ш] принадлежит к различиям совсем другого порядка, чем вышеприведенные, — к различиям, способным связываться с различиями значения (т.-е. дифференцировать слова). Если в слове вода

мы заменим звук [d] через [t], то мы, правда, не получим нового слова, так как слова [vatá] нет в русском языке, но мы, однако, чувствуем, что различие между [vadá] и [vatá] принадлежит к различиям того же порядка, как и различие между [vadá] и [vadʊ], т.-е. к различиям, способным связываться со смысловыми различиями и способным, следовательно, дифференцировать два слова. То обстоятельство, что слова [vatá] нет, — случайность; такое слово может существовать в русском языке (например, для какого-нибудь иностранного собственного имени), и комплекс [vatá], независимо от того, является он словом или нет, так же отчетливо отделяется в русском языковом мышлении от комплекса [vadá], как комплекс [atám] (а там) отличается от [adám] (Адам).

§ 68. Но различия между звуками, способные связываться со смысловыми различиями (и дифференцировать слова) в одном языке, могут оказаться непригодными для этой роли в другом языке. Резким примером контраста с отношением русского языкового мышления к известным качествам звуков (иначе говоря с русской психофонетикой) может служить следующий факт из языка айну (обитателей Сахалина и сев. Японии). В их языке не играет важной роли различие между звонкими и глухими согласными, напр., слово [kotan] может быть произнесено также [kodan] — с тем же (приблизительно) правом, как в русском топот второй — глухой гласный может быть заменен звонким. Но в русском [kotan] и [kodan] всегда будут резко отличаться, как комплексы, способные стать отдельными несмешивающимися словами.

В языке индейцев Южной Америки (ботокудов) подобным же образом оказывается несущественным различие в положении небной занавески при согласных: можно слышать то [d], то [n]; или то [b], то [m]. Одно и то же слово может быть произнесено то в виде [nene], то в виде [dede].

В китайском, японском (и других) языках могут быть различия между односложными словами в зависимости от присущей

тому или другому слову мелодии голосового тона (музыкальному ударению, см. § 33). Так в пекинском слог [ma] с одной интонацией представляет слово «мать», с другой — «конопля», с третьей — «лошадь», с четвертой — «ругаться». Русской же психофонетике такие возможности словоразличения чужды.

А для японца чуждым, наоборот, оказывается, например, такое простое для нас звукоразличение, как «р»: «л».

Во французском языке существует различие звуков [e] и [ɛ], способное, например, дифференцировать слова *dé* [de] и *dais* [dɛ], *lé* [le] и *lait* [lɛ], *j'aurai* [ʒœre] и *j'aurais* [ʒœrɛ]; но в русском языковом мышлении существует только одно представление звука [e], и потому подобные словоразличения для русского языка невозможны (различие же русских слогов де от дэ, ле от лэ, ре от рэ лежит в качестве согласного, а не гласного). Потому-то, если только внимание не устремлено на указанное различие, русские обычно не улавливают его в речи француза и сами произносят вместо [e] и вместо [ɛ] один и тот же звук.

А, между тем, как это на первый взгляд ни странно, в русском языке существуют различные оттенки звука [e] — один, например, имеется в таких словах, как *тень*, *лень*, *плеть* (т.-е. между «мягкими» согласными), близкий к французскому [e]; другой, например, — в *цеп* (между «твердыми» согласными), близкий к французскому [ɛ]. Казалось бы, отчего русскому не узнать во французском [e] своего закрытого [e] (в *тень* и пр.), а во французском [ɛ] — того звука, что в *цеп*, и почему не уловить всюду разницу между этими звуками. Это объясняется просто отсутствием привычки обращать внимание на качество (закрытость или открытость) звука [e]: в русском языке нет таких случаев, которые привлекали бы сюда внимание говорящего и слушающего — нет (и не может быть)¹ противоположе-

¹ В коллективном языковом мышлении; в счет не идут индивидуальные языковые мышления людей, искушенных в изучении других, иностранных языков.

ний слов, различающихся только по данной черте (закрытому или открытому характеру [e]), подобных, например, противоположению слов [vadá] и [vadú]. И в тех случаях, которые могли бы дать повод к различению двух оттенков [e] — в тень и цеп, внимание направлено как раз не на эти оттенки, а на качество согласного. Благодаря постоянному соединению закрытого [e] с «мягкими» согласными, этот оттенок гласного не привлекает особого внимания. И ему вместе с открытым звуком в цеп соответствует в языковом мышлении единое представление звука. Потому, если мы и будем подставлять закрытое [e] вместо обычного открытого в слово цеп, или наоборот открытый звук в слово тень, то получится только несколько неестественное произношение, но вовсе не такая резко ощущаемая разница, как между [vadá] и [vadú], или как между [vadá] и [vatá].

§ 69. Существующее в данном языке представление звука языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова, мы будем называть *фонемой*.

Те различные виды звуков, которые могут быть осуществлениями (в мире физическом, т.-е. в произношении) одной известной фонемы (психической величины), называются ее *вариантами* (или *оттенками*). Варианты фонемы, зависящие от комбинации (т.-е. сочетания) с определенными звуками или прочими фонетическими моментами (например, ударением), называются *комбинаторными вариантами* (или *оттенками*).

Варианты *необязательные*, — могущие быть и не быть, называются *факультативными*.¹

Возможны, однако, и дальнейшие уточнения этой классификации физических вариантов² фонемы (что предполагает, впрочем,

¹ От лат. facultas «возможность».

² Вместо термина Л. В. Щербы «оттенок» я употребляю слово вариант (или же субститут — для комбинаторных вариантов определенной позиции, ср. ниже в §§ 69 о русском вокализме). Термин субститут особенно удобен тогда, когда один физический вариант бывает заместителем двух фонем.

значительную точность наблюдения и большое число психофонетических экспериментов¹ по данному материалу).

Так оказывается, что на самом деле громадное количество вариантов, причисляемых нами к комбинаторным, является, в сущности, факультативно-комбинаторными (или комбинаторно-факультативными): это значит, что при известном темпе и характере произношения (медленном и отчетливом) данный комбинаторный вариант может и отсутствовать (т. е. заменяться идеальным осуществлением произносительного намерения: типовым вариантом данной фонемы). В таком положении находится, например, японское (в Токиоском и в ряде других говоров, кроме таких как Тоса² или северо-восточных³ и т. п.) *z*, являющееся комбинаторным вариантом фонемы [з] (точнее [з/-з]) — в позиции между гласными,⁴ но при более или менее старательном произношении легко заменяется типовым вариантом фонемы — аффрикатой [з]: напр. *haze/haze* (назв. дерева)⁵; то же применимо и к соответствующей мягкой фонеме — [з'], точнее [з'/-з'], напр. *azi/azi* («вкус» или назв. рыбы — эти 2 слова различаются

¹ Имеются в виду не инструментальные («экспериментально-фонетические») записи, а приемы фонетического наблюдения (с сопутствующим самонаблюдением объекта), для которого намеренно подготовлены соответствующие условия (в которых мог бы иметь место данный темп и характер фонации); в этой намеренной подготовке надлежащих условий и состоит момент эксперимента (опыта) — в отличие от простого наблюдения речи в естественно-сложившихся условиях.

² В Тоса фонема [з] отсутствует (как и [з']), а взамен ее в соответствующих слогах имеются 2 разные фонемы: [z] (точнее [z^δ]) и d (в позиции перед u; здесь d^z(u) является факультативно-комбинаторным вариантом фонемы d); и равным образом вместо мягкого [з'] ([з'/-з']) имеются 2 фонемы: [z'] и [d'] (как в русском: *зя* и *дз*).

³ В северо-восточных же встречается, напр. в говоре Ёнэдзава, [з] (назв. между гласными — на месте Токиоского [-з/-з]), неспособное к утрате смычки: *azi* (← **adi* и **azi*). Интересно отметить, что в Ёнэдзава есть особая спирантная фонема — [δ^z] (в слове δ^zi — из **gi* и **ju*).

⁴ В начале же слова, а также после N (в данной позиции = n) [з] нормально сохраняет смычку (напр. *anzi* «абрикос»).

⁵ В Тоса *haz*^δ е.

лишь акцентуационно). Таково же чередование (комбинаторно-факультативное) -з/-z (в качестве вариантов фонемы ^hz — после гласного или дифтонга) в северно-китайском, напр. ^hbǐ-zə/^hbǐ-zə или ^hbǐ-z «нос» 鼻子.

Наоборот, такой физический вариант, который факультативно (при известных психологических условиях данного момента речи) возможен для любой позиции данной фонемы, следовало бы тогда называть факультативным в узком смысле слова (в противоположность комбинаторно-факультативным вариантам). В качестве примера можно указать на субститут русской фонемы [d'] в виде [j],¹ напр. [ɥjot] вм. [id'ot] «идет», [jěs't] вм. [d'es'at] «десять» (ср. восприятие русского слова десять китайцем [а также корейцем] в виде jěs(i); поэтому китаец (шаньдунец) спрашивал меня: чем различаются русские слова со значениями 十, 是 и 吃, т. е. десять, есть — связка и есть = кушать).

Наконец и внутри комбинаторно-факультативных возможно различать градации по степени частоты появления данного варианта в данном слове. Так например — в противоположность случаям [z] вм. [ʒ] в японском (haze вм. haze и т. д.), которые в общем являются нормальным произношением, — можно указать, как на пример обратного случая, на произношение узбекского h перед гласным u (в hupæŋ هونەر) в виде [ɸ] (так что русским слухом hupæŋ в таком случае может быть воспринято как «фунер»): вариант этот, конечно, — комбинаторный (лабиализация h обусловлена соседством с u), но с другой стороны такая сильная губная работа (при h), что получается акустиче-

¹ Что возможно, конечно, в особо быстром темпе речи. Эта субституция (j вм. d') наблюдается, мне кажется, как в начале, так и внутри слова (но разумеется не при конечном дь, которое дало уже t'). Замечу кстати, что это (факультативное в наше время) явление позволяет предполагать в будущем переход d' → j (ср. *ɣ → j в словинском); это будет, я думаю, частный случай большого процесса ликвидации категории «парных мягких» согласных (к чему идет фонетическая история русского языка [как, напр., и польского]).

ское впечатление [ф], встречается чрезвычайно редко. И действительно, случаи, когда русское ухо воспримет *hupæ* как «*фунэр*», оказываются исключительно редкими (приблизительно столь же редкими, как и восприятие *л* вместо японской токиоской фонемы *г* [— в позиции соседства с губным гласным]).

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА.

Добавление к § 49 стр. 165 (в связи с § 31 стр. 109).

Арабисту следует обратить внимание на последовательность в функциях точки (над буквой) в составе ар. букв, обозначающих спиранты типа английск. *th*, т.-е. в буквах *ث ذ ط*. Каждый из данных ар. звуков отличался (в классическом произношении) от звука, изображаемого той же фигурой буквы, но без верхней точки, именно лишь по способу образования: *ت د ط* означали переднеязычные смычные — *t*, *d* и **d̥* (откуда, по общему процессу оглушения эмфатических согласных, — современное произношение *ط* в виде *t̥*), а *ث ذ ط* — соответствующие спиранты типа английск. *th*: *θ*, *ð* и *ð̥*.

21. Труды яфетического семинария. III. Русско-абхазский обратный словарь. 1928 г. I+IV+76 стран, 2 р.
22. Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка. 1927. 160 стран. 2 р. 50 к *Разошлось.*
23. Дембо Л. И. Земельный строй Востока. 1927 г. 117 стран. 1 р. 75 к.
24. Баранников А. П. Образцы современной прозы Хиндустани. 1927 г. 115 стр. 2 р.
25. Оде-Васильева Н. В. Образцы ново-арабской литературы (1880—1925). I. Текст. Под редакцией и с предисловием акад. И. Ю. Крачковского. 1928 г. I+XXV+гол+ф (258+4 нен.) стран. 3 р.
26. Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892—1906). 1928 г. X+605+I нен стран. 5 р.
27. Юшманов Н. В. Грамматика литературного арабского языка. Под редакцией и с предисловием акад. И. Ю. Крачковского. 1928 г. XXII+I нен. +144 стран. 3 р.
28. Марр Н. Я. Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык. 1928 г. II нен. +63 стран. 1 р. 50 к.
29. Бертельс Е. Э. Очерк истории персидской литературы. 1928 г. 204 стран. 2 р. 50 к.
30. Дмитриев Н. Н. Бу Адам. Османский текст со словарем. 1928 г. II нен.+IX+63+vi+i (71+1 нен.) стран. 2 р. 50 к.
31. Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. 1928 г. I+VI+220 стран, 3 р. 50 к.

Печатаются:

1. Баранников А. П. Хрестоматия современной литературы урду, со словарем.
2. Владимирцов Б. Я. Грамматика монгольского языка.
3. Лауфер Б. История маньчжурской литературы.
4. Марр Н. Я. Пособие к лекциям по практическому изучению живого грузинского языка. Ч. II. Словарь.
5. Мерварт А. М. Учебник тамильского языка.
6. Оде-Васильева Н. В. Образцы новой арабской литературы. Ч. II. Словарь.
7. Ромаскевич А. А. Новейшая хрестоматия персидского языка, со словарем.
8. Семенов Д. В. Хрестоматия арабского языка, со словарем.
9. Справочные сведения по Ленинградскому Восточному Институту имени А. С. Енукидзе за 1927—1929 гг.
10. Щербатской Ф. И. Грамматика тибетского языка.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. С. ЕНУКИДZE И ЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОМЕЩАЮТСЯ: МАКСИМИЛИАНОВСКИЙ ПЕР. 7; ТЕЛЕФ. 157-41, 124-89. ДЛЯ
ТЕЛЕГРАММ: ЛЕНИНГРАД, ЛИЖВЯ.